М.-С. М. МУСАЕВ

ПАДЕЖНЫЙ СОСТАВ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Махачкала Дагучпедгиз 1984

Ответственные редакторы:

Р. И. Гайдаров — доктор филологических наук, профессор;
В. И. Дегтярев — кандидат филологических наук, доцент

Рецензенты:

А. А. Абдусаламов — кандидат филологических наук, доцент;
Г. И. Мадиева — кандидат филологических наук, доцент;
М. Г. Гасанов — учитель родного языка Джавгатской СШ Кайтагского района Дагестанской АССР

М $\frac{3602020000-69}{М\ 124(03)-84}$ 113—84

© Дагучпедгиз, 1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

Категория падежа является одной из основополагающих словоизменительных категорий даргинского языка, которая проливает свет и на понимание отдельных вопросов синтаксиса, орфографии и орфоэпии. Исходя из этого, школьная программа, естественно, предусматривает изучение целого ряда явлений, имеющих то или иное отношение к этой категории. Однако все это в учебниках даргинского языка освещается довольно элементарно, с вынужденной фрагментарностью и неполнотой. К тому же проблема данной категории является не разработанной в ряде своих важнейших частей — вопросах становления и развития, диалектного своеобразия и т. д.

О том, в каком затруднительном положении порою может оказаться учитель при изучении падежей даргинского языка, очень удачно сказано в недавно вышедшем методическом пособии «В поисках нового» [1]. Его автор, обобщая многолетний опыт преподавания, в разделе «Мысли о падежах даргинского языка» подробно останавливается на том, какие трудности для успешного усвоения учащимися падежей порождает недостаточная научная изученность отдельных аспектов темы. В конце же раздела он приходит к выводу о том, что давно назрела необходимость дать научно обоснованный ответ на волнующие учителей вопросы относительно падежного состава и системы склонения [2]. Кроме того, встречаясь ежегодно с учителями на курсах усовершенствования, мы убедились в том, что они действительно нуждаются в дополнительных теоретических сведениях о падежах.

При таких обстоятельствах, естественно, на помощь учителю должна придти данная книга, в которой излагаются результаты научного исследования вопроса становления и развития падежей. Такое внимание к вопросам истории падежей продиктовано тем, что, во-первых, знание истории любого вопроса делает более понятным его современное состояние, во-вторых, история падежей даргинского языка до сих пор не нашла своего освещения [3]. К тому же необходимо отметить, что учитель, обучая учащихся современному даргинскому литературному языку, обязан хорошо знать процесс становления и развития падежей,

---

[1] МахIяммадов Р. СагасилигIив умцIули. Махачкала, Дагучпедгиз, 1983, с. 23—27.

[2] Там же.

[3] Ссылки на труды, в которых затронуты вопросы истории того или иного падежа, приводятся по ходу изложения темы.

а также особенности их функционирования в диалектах, ибо без этого невозможно сознательное и успешное изучение этой важной темы в школе. Видимо, здесь надо указать и на то, что нынешнее поколение учителей даргинского языка в силу ряда обстоятельств (неразработанности вопросов исторической грамматики и т. д.) в свое время не были вооружены знаниями по данному вопросу в достаточной степени. Поэтому считаем совершенно необходимым по мере возможности постепенно восполнить данный пробел путём издания серий пособий, адресованных учителям.

Вместе с тем мы не должны забывать и о той пользе, которую может принести учащимся умело проводимое на занятиях историческое комментирование. Оно покажет им процесс развития языка, поможет лучше разобраться в вопросах правописания, словообразования, словоизменения и стиля, а также научит различать архаичные и современные формы слов. Такое комментирование может проводить только тот учитель, который хорошо знает историю языка. Следовательно, все сказанное говорит в пользу того, что учителя даргинского языка необходимо вооружить широкими и глубокими знаниями о падежах, в том числе и системой знаний об их историческом развитии.

Ввиду того, что описание истории всей падежной системы потребовало бы значительного увеличения объёма книги, в данном случае мы вынуждены были ограничиться освещением истории только местных падежей (локативов). Выбор именно этих падежей, а не общих, объясняется тем, что, во-первых, местные падежи характеризуются большим удельным весом в падежной системе языка; во-вторых, они, как будет показано, сыграли важную роль в формировании системы и общих падежей; в-третьих, локативы стали базой для возникновения и таких относительно молодых абстрактных падежей даргинского языка, как совместный падеж (комитатив), предметный падеж (тематив) и падеж причины.

Освещение истории падежей — задача отнюдь не из легких, особенно в таком языке, как даргинский, у которого отсутствуют письменные исторические памятники. Естественно, что в исследовании процессов формирования и развития падежей даргинского языка пришлось опираться в основном на сравнительный анализ диалектного материала. Путём сравнения данных многочисленных диалектов восстанавливается исходное состояние как содержательной, так и формальной сторон рассматриваемых падежей. Далее прослеживается и освещается историческое развитие обоих отмеченных аспектов от прадаргинского состояния до настоящего времени. Все те сложные и глубокие процессы, которые имели место в процессе развития, удается

с достаточной убедительностью показать благодаря обилию и разнообразию диалектов даргинского языка, значительно различающихся по степени отдаленности друг от друга и от литературного языка.

Правильному решению ряда вопросов истории падежей способствовало неодинаковое состояние развития диалектов современного даргинского языка, где четко выделяются два их типа, образующих полярные точки по наличию архаизмов и новообразований. Это, с одной стороны, ряд говоров и диалектов акушинского типа, составляющих зону инноваций, с другой стороны, отдельные диалекты и говоры цудахарского типа, составляющие зону консервации. Между ними существует еще ряд говоров и диалектов переходного типа, в которых наряду с архаичными явлениями заметно выделяются новообразования и обнаруживаются исторические промежуточные звенья, облегчающие выяснение механизма перехода того или иного языкового явления из одного состояния в другое. Наконец, можно отметить в даргинском языке и законсервировавшиеся диалекты, где многие исторические факты языка сохраняются в застывшем виде. Это мегебский, кадарский и чирагский диалекты, длительное время находящиеся в иноязычном окружении (мегебский в окружении аварского, кадарский — кумыкского, чирагский — агульского и лакского языков).

Большую помощь в правильном понимании и определении исторического развития падежей даргинского языка нам оказали труды кавказоведов А. С. Чикобава, Е. А. Бокарева, Ш. Г. Гаприндашвили, С. Н. Абдуллаева, А. А. Магомедова, З. Г. Абдуллаева, С. М. Гасановой, У. А. Мейлановой, Г. Б. Муркелинского, С. М. Хайдакова, И. Х. Абдуллаева, Б. Г.-К. Ханмагомедова, Г. Х. Ибрагимова, Ю. Д. Дешериева, Т. И. Дешериевой, Г. В. Топуриа, Р. И. Гайдарова, Г. И. Мадиевой, М. А. Кумахова, А. Г. Шагирова, А. Е. Кибрика, М. Е. Алексеева и др.

Ценными и перспективными для исторических разысканий явились также труды Б. А. Серебренникова [4] и Г. А. Климова [5],

---

[4] См.: Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М., 1967; Он же. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974; Он же. О путях превращения одного микротипа в другой микротип (на материале марийского языка).— В кн.: Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978.

[5] См.: Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973; Он же. Типология языков активного строя. М., 1977; Он же. К типологии падежных систем.— Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 40. М., 1982, № 2; Климов Г. А., Алексеев М. Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

в которых излагаются общие тенденции в развитии морфологической системы языка в целом и падежей в частности.

Исходя из основного назначения книги — углубить профессиональные знания учителей даргинского языка, мы сочли целесообразным через неё ознакомить их с новейшими достижениями в области теории падежей и используемой в последнее время в этой области терминологией с тем, чтобы они в дальнейшем легко могли пользоваться научной литературой по даргинскому языку. С этой целью в книге мы часто используем как синонимы термины описательного характера и более лаконичные термины латинского происхождения, употребляемые в современной научной литературе, ср. падеж сближения (латив), падеж сближения на -чи (супер-латив), падеж покоя (эссив) и т. д. По этой же причине абстрактные падежи, которые в данном пособии, как уже говорилось, специально не рассматриваются, по необходимости называются: именительный — абсолютивом, активный — эргативным, родительный — генитивом, дательный — дативом, совместный — комитативом, предметный — тематив ом, падеж причины — инструменталисом. Подобное использование терминов на первых порах хотя несколько и затрудняет чтение книги, но в дальнейшем оно значительно облегчает восприятие излагаемого материала, делая его более информативным и лаконичным. Кроме того, целый ряд основных понятий объясняется по ходу изложения темы. Некоторые же из таких понятий требуют специального разъяснения в предисловии. К ним относятся следующие: а) прадаргинский язык — единый, не дифференцировавшийся ещё на диалекты, исторически существовавший древний даргинский язык, который выделился из общедагестанского языка-основы и впоследствии распался на ряд древних и современных диалектов; б) прадаргинский хронологический уровень — эпоха функционирования прадаргинского языка.

Настоящая книга может не только расширить и углубить профессиональные знания учителя, но и найти конкретное практическое применение в школьном преподавании. Так, например, при изучении падежей учитель может использовать приводимый в книге богатый диалектный материал с тем, чтобы, обращая внимание учащихся на расхождение в функционировании того или иного падежа в их родном диалекте и в литературном языке, сделать изучаемый материал более доступным (кстати, заметим, что падежный состав и функционирование падежей, как это показано в книге, заметно различаются в литературном языке и в ряде диалектов). Нельзя упускать из виду и значение этого материала для проведения факультативов и кружковой работы.

Поскольку рассматриваемая проблема имеет определенную общность для всех родственных дагестанских языков, книгой могут пользоваться студенты, учителя, аспиранты и специалисты, изучающие не только даргинский, но и другие дагестанские языки.

Книга, разумеется, не претендует на исчерпывающую полноту освещения всех проблем, связанных с рассматриваемой в ней темой, так как многие аспекты этой темы стали предметом специального анализа впервые. Поэтому автор с признательностью примет и учтет в своей дальнейшей работе замечания и пожелания читателей.

Автор приносит благодарность А. А. Абдусаламову, Б. С. Сулейманову, Р. И. Гайдарову, Г. И. Мадиевой, В. И. Дегтярёву, которые ознакомились с рукописью и сделали ценные замечания.

Глава I. ПАДЕЖИ СБЛИЖЕНИЯ (лативы)

Под падежами сближения, или лативами, понимается серия падежей, имеющих одно общее значение направленности действия к объекту и отвечающих на вопросы: *чичи?* «к кому?», *селичи?* «к чему?» или *чина?* «куда?». В даргиноведческой литературе данный падеж обозначается такими терминами, как падеж сближения[1], аллатив[2], латив[3], лативы[4], направительный падеж[5], направительные падежи[6], серия направительных падежей[7], местный падеж[8], местные падежи[9], *гъамдешла падеж*[10] (в литературе на даргинском языке «падеж приближения»). Приведенная терминологическая характеристика латива вызывает вопрос: один это падеж или же несколько? На наш взгляд, латив или лативы — серия падежей, четко различающихся в плане выражения и объединяемых в одно целое общим значением направленности действия к объекту, которое в зависимости от серии конкретизируется уточнением направления действия к определенной части предмета (на, под, в, около, перед, за, между). Такие серии латива в настоящей работе рассматриваются в отдельности как самостоятельные падежи. Но надо иметь в виду, что иногда в целях удобства мы пользуемся и термином латив, имея в виду его основное значение и не принимая во внимание

---

[1] Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание, V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892, с. 33.

[2] Жирков Л. И. Грамматика даргинского языка. М., 1926, с. 50.

[3] Bouda K. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. Die darginische Schriftsprache. Leipzig, 1937, с. 27—28.

[4] Абдуллаев З. Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961, с. 87.

[5] См.: Быховская С. Л. Имена существительные в даргинском литературном языке.— Язык и мышление, т. X. М.— Л., 1940, с. 86; Магометов А. А. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963, с. 114.

[6] См.: Гаприндашвили Ш. Г. Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка.— Труды Сталинирского госпединститута, IV, с. 283; Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954, с. 108.

[7] Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 176.

[8] Жирков Л. И. Указ. соч., с. 48—49.

[9] Там же.

[10] Абдуллаев С. Дарган мезла грамматика, цаибил бутIа, фонетика ва морфология. Махачкала, 1958, с. 43.

его сериальные оттенки. Видимо, здесь необходимо сказать и о принятой в последнее время практике рассматривать отдельно от местных падежей категорию локализации, как это делает А. Е. Кибрик в своем исследовании, посвященном арчинскому языку[11]. При таком подходе к особенностям даргинского языка нам пришлось бы морфемы, считающиеся традиционно показателями латива, принять за показатели локализации, а показателем латива считать нуль, что привело бы к исключению из местных падежей латива. Думается, что категория локализации и категория латива в современном даргинском языке слились и выражаются одной и той же формой, и поэтому наиболее адекватным было бы, на наш взгляд, говорить о гибридных формах категории локализации и падежа сближения (латива), которые можно выразить соответствующими терминами типа супер-латив (падеж сближения на **-чи**), суб-латив (падеж сближения на **-у**), ин-латив (падеж сближения на **-хIи**), интер-латив (падеж сближения на **-зи**), конт-латив (падеж сближения на **-гIи, -чу, -шшу**), пре-латив (падеж сближения на **-гьа, -са, -та**), пост-латив (падеж сближения на **-гьа, -гьира**). Кроме того, мы столкнулись с фактом необходимости разграничить в даргинском языке формы старого и нового падежей сближения (лативов).

Старые формы падежа сближения [латива]

Исследователями даргинского языка давно было обращено внимание на функционирование наряду с ныне действующими особых архаичных форм латива[12]. Однако полного описания и необходимой лингвистической трактовки эти формы в даргиноведении не получили, хотя их освещение могло бы сыграть заметную роль в понимании природы падежной системы не только раннего этапа развития даргинского языка, но и падежной системы общедагестанского праязыка.

Формы старого латива имеют целый ряд специфических особенностей, отличающих их от форм современного латива и, бесспорно, подчёркивающих их архаичность.

В форме старого латива выступают лишь неодушевлённые существительные, имеющие специальную семантику, характерную для наиболее древнего пласта лексики.

Словоформа старого латива в отличие от нового образуется на базе абсолютива, а не эргатива. Кроме того, образование

---

[11] Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка, т. 2. М., 1977, с. 51—58, 157—167.

[12] См.: Абдуллаев С. Указ. соч., с. 124—125; Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., 303—308.

старого латива нередко сопровождается и аблаутом. Старый латив не имеет серий и не употребляется в нелокальных значениях. Показатели старого латива широко представлены и как непродуктивные словообразовательные суффиксы в системе наречий, послелогов, превербов и топонимических названий. Наконец, целый ряд словоформ старого латива в настоящее время находится на границе словоизменения и словообразования, что, естественно, дает повод квалифицировать их в зависимости от позиции исследователя то как падежные формы имен, то как наречия.

В семантическом плане старый латив, как полагаем, характеризовался широким значением. По всей видимости, он совмещал также функции эссива, аллатива и ряда других падежей. Отмечены следующие формы старого латива.

Старый латив на -ла. Ныне он функционирует в системе имен существительных лишь в говорах акушинского диалекта (акушинском и губденском) и в литературном языке.

Существительные, оформляющиеся в лативе на -ла, малочисленны, и это обусловлено их семантикой. Как показывают наблюдения, в форме латива на -ла выступают названия: а) объемных, полых предметов, вовнутрь которых может быть направлен другой предмет: ср. акуш. *кIана* **кьанила** *кабихьиб* «платок положили в сундук»; *кагъар* **кисала** *дигIянбариб* «письмо спрятали в карман» и т. п.; б) различных сооружений, помещений, элементов ландшафта, в которые или в пределы которых направлено действие: ср. *ил* **кьакьала** *дуравхъун* «он вышел на улицу», *унц* **азбарла** *бакIиб* «бык вошёл во двор» и т. п.; в) частей тела: ср. **дяхIла** «в лицо», **някъла** «в руку» и т. п.; г) частей предмета, на которые направлено действие: ср. **хъарла** «на верх чего-то», **хьарла** «на низ чего-то», **бехIла** «на кончик», **байла** «в середину» и т. п.

Случаи употребления одушевленных существительных в лативе на **-ла** не зафиксированы.

Словоформы старого латива на **-ла** в застывшем виде хорошо сохранились также в системе послелогов, наречий, превербов, напр.: а) **гьала** «вперед», **гIела** «назад», **мякьла** «рядом»; б) **гьала***бикес* «опередить», **гIела***бикес* «зайти», **цала***бикес* «собраться» и т. д.

Из примеров становится очевидным, что латив на **-ла** совмещает функции почти всех пространственных серий. Это объясняется тем, что данные падежные формы являются реликтами старого латива, имевшего в прошлом общенаправительное значение и ныне значительно деградировавшего.

Старый латив на -ли. Следы старого латива на **-ли** в настоящее время более рельефно сохранились в гергинском говоре, ср.

кьарли *укьяс* «идти за травой» (при *кьар* «трава»), **арцIили** *укьяс* «идти на прополку» (при *арцIи «сорняк»)*, **хIянкили** *укьяс* «идти на работу» (при хIянки «работа») и др. В литературном языке же ныне представлены лишь адвербиализировавшиеся словоформы этого падежа, ср. **сапарли** *укьес* «отправиться в путешествие» (при *сапар* «путешествие»); архIяли арбякьун «уехали в путешествие» (при *архIя* «путешествие»); **хIяжли** *укьес* «идти в паломничество» (при *хIяж* «паломничество). Кроме того, аналогичные словоформы тех или иных слов отмечаются и в отдельных диалектах, ср. урах. **дубли** «на край» (при *дуб* «край»), **бахIли** «на кончик» (при *бахI* «кончик»). Застывшей формой старого латива на **-ли** является и послелог **мякьли** «рядом» урахинского диалекта (при *мякь* «корень», «ствол»).

Архаичные формы латива на **-ли** сравнительно лучше сохранились в топонимических названиях, ср. **Чулли** «в Чур» (старое даргинское название Дербента), **Чумли** (назв. насел. пункта), **ЧIугIли** (назв. насел. пункта), **ЦургIли** (назв. насел. пункта), **Шярли** (назв. квартала в сел. Усиша), **Кьялцнау хъябли** (назв. местности около сел. Урахи) и т. п.

У многих из отмеченных топонимических названий не ясна исходная форма и ее этимология. По этой причине в настоящее время форма старого латива на **-ли** при необходимости употребляется и в значении абсолютива, обычно в научной литературе, в прессе и т. д., ср. газетное: **Чумли** *дебали халабаили саби* «Чумли (название села) значительно выросло» и разговорное: *ирша* **Чумли** *дякьунра* «мы поехали в Чумли». Очевидно, образовавшиеся в определенный исторический период от конкретных существительных, отдельные топонимические названия в языке употреблялись в местных падежах, а их исходная форма зачастую либо исчезала, либо сохранялась в значительно завуалированном виде. Судя по тому, что словоформы латива на **-ли** в большинстве случаев наиболее четко сохранились в топонимических названиях, латив на **-ли** является одной из самых архаичных форм местного падежа, обозначающего общее направление к предмету.

Старый латив на -на. Следы старого латива на **-на** в системе имен существительных литературного языка почти не сохранились. В лексикализовавшемся виде они отмечаются лишь в наречиях и послелогах, ср. **цахIна** «вместе», **бухIна** «вовнутрь», **чина?** «куда?». Кроме того, показатель **-на** отмечается в деепричастиях места (ср. **вашна** «туда, куда ходишь», **узна** «туда, где работаешь» и т. д.). В системе существительных следы латива на **-на** сохранились в ряде диалектов, ср. мург. **мусна** «на место» (при *муса* «место»), муир. **гIяйна** «во двор» (при *гIяя* «двор»)

и т. д. Латив на **-на**, как полагаем, имел также общенаправительное значение.

Старый латив на -ни. Лативом на **-ни** в литературном языке оформляется очень небольшое число имен существительных, напр.: **бурушани** «в постель» (*буруш* «матрац»), **бурхани** «на потолок» (*бурха* «потолок»); **диркьани** «на равнину» (*диркьа* «равнина»), **дузани** «в лес» (*дуза* «лес») и т. п.

Старый латив на **-ни** можно найти и в числе наречий, где он представляет собой лексикализовавшуюся словоформу ныне этимологически трудно объяснимого субстантива, ср. **сукни** *укьес* «идти сватать», **яни** «зима, зимой» (при *я* «зима»).

Значительно шире в системе имен существительных латив на **-ни** представлен в урахинском диалекте, ср. **сумкани** «в сумку», **гавлагани** «в мешок», **кисани** «в карман» и т. д.

В кайтагском диалекте показатель **-ни** зачастую представлен без конечного гласного, ср. **диркьан** «на равнину», **мусан** «на место», **киссан** «в карман» и т. д.

Формы латива на **-ни** ныне встречаются и в качестве названий населенных пунктов, ср. **Губдани** «в Губден», **Джангани** «в Джанга», **Шадни** «в Шадни», **Кьялкни** «в Кялкни», **Цугни** «в Цугни» и т. д. Отдельные из этих имен ныне могут быть использованы и в абсолютиве в качестве названий населенных пунктов, отмечаемых на карте.

Латив на **-ни** является также одной из старых форм бывшего несериального латива, обозначающего общее направление действия.

Старый латив на -д /-ди. Восстанавливаемый для прадаргинского языкового состояния старый латив на **-д/-ди** в системе имен сохранился плохо. Отмечены лишь единичные случаи его применения в отдельных говорах и диалектах. Следы латива на **-ди**, например, отмечаются ныне в кубачинском диалекте в формах, выражающих цель, ср. **гьунзбад** «за яблоками (идти)», **хъихьвад** «за орехами (идти)» [13] и т. д. Разумеется, такие формы первоначально выражали лативное значение. В ицаринском говоре следы рассматриваемого латива сохранились в местоимениях второго лица: **ат** *(← хIат ← хIад ← хIади)* «к тебе, на тебя». В литературном языке этот падеж оставил свои следы лишь в системе наречий и послелогов. Субстантивами, застывшими в форме латива на **-д**, являются следующие современные наречия литературного языка: **гIяхIлад** *укьес* «идти в гости» (ср. *гIяхIли* «гости»), **хъулкнад** *укьес*, букв. «идти в воры», т. е. «воровать» (ср. *хъулкни* «воры») и т. п.

---

[13] Магометов А. А. Указ. соч., с. 116.

В некоторых диалектах цудахарского типа при помощи показателя -д образовались наречия от указательных местоимений, ср. усиш. **гьикIтту** *(← гьикIду)* «туда наверх», **гьижтту** (← *гьижду)* «сюда».

Показателем **-ди** оформлены некоторые наречия и послелоги современного литературного языка и ряда диалектов: ср. **чеди** «наверх», **уди** «под», **гьади** «вперед» (губд.), **куде** «где» (мекег.), **урга-ургади** «время от времени» (букв. «в-середину-в-середину»). Показатель **-ди** отмечается и в превербах: ср. мург. **эладиикес** «преследовать», «следить». Старые формы латива на **-д/ди** можно встретить в топонимических названиях: ср. **Шукьди** «в Шукди» и «Шукди», **Гъулди** «в Гулди» и «Гулди», **Гъулатти** *(← Гъулади)* «в Гулатды» и «Гулатды», **ТIантIи** *(← ТIанди)* «в Танты» и «Танты», **ГIяштIи** *(→ ГIяшди)* «в Аштыы» и «Аштыы» и т. п.

Уникальный случай консервации показателя **-ди** в лативной форме местоимения второго лица представляет пример **хIед** *(← хIеди).*

Старый латив на -а. Показатель **-а** отмечается в литературном языке в основном в форме латива существительного *ши* «село» и в сложных, производных от него словах и топонимических названиях, напр.: 1) *ши* — **ша** «в село», *хъарши* — **хъарша** «в верхнюю часть селения», *хьарши* — **хьарша** «в нижнюю часть села», *дайши* — **дайша** «в центр села», *дураши* — **дураша** «в чужое село», *убяхIши* — **убяхIша** «в нижнее село», *чебяхIши* — **чебяхIша** «в верхнее село»; 2) **Ахъуша** «в Акуша», **Дибгаша** «в Дибгаши», **Усиша** «в Усиша», **КIиша** «в Кища», **Лаваша** «в Леваши» и т. д.

При помощи показателя **-а** оформлен и ряд других топонимических названий, в которых не принимает участия компонент *ши* «село», ср. **Герга, Гьеба, Къубба, Мегъа, Мурега, ХIябшима, ХIинтIа** и т. д.

В ряде диалектов круг слов, у которых форма латива может образоваться при помощи **-а**, намного шире, ср. урах. *шанг* — **шунга** «в кастрюлю», *квани* — **квана** «в живот», *гIвями* — **гIвяма** «в дыру» и т. д.; муг. *мижгит* — **мижгита** «в мечеть», *кисси* — **киссе** «в сени», *дярхъ* — **дурхъя** «в хлев»[14] и т. д.; джавг. *мах «ноша»* — **махха** «за дровами» и т. д.

Показатель **-а** представлен также в ряде послелогов и наречий, которые являются исторически застывшими словоформами имен старого латива, ср. **урга** «в середину», **ита** «туда» (при *ит* «тот»), **иша** «сюда» (при *иш* «этот»), **икIа** «туда наверх» (при

---

[14] **Абдуллаев** С. Указ. соч., с. 125.

икI «тот, что наверху»), **иха** «туда вниз» (при *их* «тот, что внизу»), **ила** «туда, ко II лицу» (при *ил* «тот, что у II лица)».

В соседстве с ларингальным **хI** формант **-а** в литературном языке переходит в **е**, ср. мург. **МикIхIа** и лит. **МикIхIе** «в Мекеги», урах. **МухIа** и лит. **МухIе** «в Муги» и т. д. В положении же после увулярных показатель **-а** звучит как *я*, ср. **нукъя** (← *нукъа* «в руки» (мург.), **дурхъя** (← *дурхъа)* «в хлев» (муг.).

При образовании словоформы латива на **-а** отмечается аблаутное чередование, не свойственное современному склонению, ср. мург. *някъ* «рука» и **нукъя** «в руку», урах. *шанг* «котел» и **шунга** «в котел». В современном даргинском языке аблаутное чередование в основном характерно словообразованию. Поэтому аблаутное чередование, отмечаемое при образовании форм старого латива, следует квалифицировать как явление весьма архаичное, которое подчеркивает былую недостаточную дифференцированность словоизменения и словообразования.

Старый латив на -и. Он сохранился в небольшом количестве имен существительных, ср. *дярхъ* «хлев» и **дурхъи** «в хлев»; *гIиникъ* «пещера» и **гIинкъи** «в пещеру»; *гIиниз* «родник» и **гIинзи** «в родник, к роднику» и т. д. Латив на **-и** представлен в системе наречий, послелогов и топонимических названий: **муси** «на землю», **дубри** «на гору», **хъули** «домой», **шуни** «за водой», **хIяри** «в могилу», **бурхIи** «на солнечную сторону», **гIинцIи** «на теневую сторону», **дуки** «на пастьбу», **гIергъи** «после», **МахIарги** «в Махарги», **МулебкIи** «в Мулебки», **ГъурбукIи** «Гурбуки» и т. д. Нет сомнения в том, что отмеченные наречия, послелоги, топонимические названия являются застывшими словоформами старого латива на **-и** имен существительных, исходная форма которых ныне значительно завуалирована.

Как видно из примеров, показателем латива **-и** оформляются слова с очень древней семантикой, и при этом образование формы старого латива от этих слов сопровождается аблаутом (см. выше). В екающих говорах вместо показателя **-и** обнаруживается показатель **-е**, ср. лит. **дурхъи** и мург. **дурхъе** «в хлев», лит. **гIинкъи** и мург. **ингъе** «в пещеру», лит. **гIинзи** и мург. **гIиндзе** «к роднику» и т. д.

Приведенные данные говорят о том, что до формирования нового сериального латива в прадаргинском языке функционировал первичный латив, унаследованный из языка-основы. Наряду с лативом существовали и различные послеложные конструкции, выполняющие функции, сходные с функцией латива.

Происхождение и этимология показателей старого латива. Все ныне отмечаемые показатели старого латива разбиваются на две группы: а) **-д/-ди,-ни/-на, -ли/-ла**; б) **-а, -я, -е, -и.** Согласные звуки, отмечаемые в показателях первой группы, материально

очень близки друг к другу. Эта близость выражается в том, что они, во-первых, являются сонорными (кроме -д), во-вторых, относятся к таким типам согласных звуков, которые в даргинском языке легко возникают один из другого в результате субституции (напр.: д→ н, л). Более того, данные согласные могут быть квалифицированы и как генетически родственные, возникшие из одного классного показателя, в данном случае из показателя -д. При такой квалификации все ныне отмечаемые и содержащие в себе согласный звук показатели старого латива представляют собой рефлексы исторического классного показателя. Остается выяснить, каким же образом классный показатель стал окончанием латива, выражающим направленность действия. Ключом к объяснению этого явления может послужить способ образования современного аллатива даргинского языка, который, как полагаем, на современном этапе развития языка как бы повторяет способ образования старого латива. Как известно, аллатив современного даргинского языка образуется при помощи показателя, этимологически восходящего к классному слову (**бяхI/ рихI/дяхI**) «лицо» и «сторона» [15].

Думается, что именно аналогичным образом возник в свое время и старый латив, который, как полагаем, первоначально в плане выражения представлял собой сочетание двух слов, где первым компонентом выступало имя предмета, к которому направлено действие, а вторым — классное слово с понятием «лицо», «сторона», которое ставилось в том же классе и числе, что и слово, выражающее предмет, направленный на другой предмет. Такое словосочетание в своих истоках, думается, выступало в виде следующей модели: **диркьа-дяхI**, букв. «равнина-сторона» или «равнина-лицо», т. е. «на равнину». Полагаем, что именно из такого словосочетания возникла отмечаемая в современном даргинском языке форма старого латива **диркьани** «на равнину» ← **диркьади** ← **диркьадя** ← **диркьадяхI**). Здесь надо иметь в виду и то, что понятие «на равнину» в языке реализовалось в двух разновидностях: в виде **диркьа-бяхI** (по отношению к классу одушевленных или разумных) и в виде **диркьа-дяхI** (по отношению к остальным именам).

С развитием языка в результате усиления лативного значения подобные словосочетания превратились в словоформы. Такое превращение произошло путем значительного видоизменения постпозитивного компонента **-дяхI/-бяхI**. Во-первых, в данном компоненте произошло окаменение классного показателя в ви-

[15] **Мусаев М.-С. М.** Серии аллатива и их образование в даргинском языке.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. IX региональная научная сессия. Тезисы докладов. Махачкала, 1981, с. 60—62.

де д. Во-вторых, отпал корневой согласный, представленный склонным к выпадению фарингальным **хI**, в-третьих наметилась тенденция к унификации гласного, оказавшегося после выпадения корневого согласного в постпозиции. В большинстве случаев этот гласный стал выступать в виде **-и**. Встречающиеся в языке случаи функционирования данного гласного элемента **-а** и **-у** говорят о том, что процесс подобной унификации полностью еще не завершился. Таким образом, в результате всех этих изменений этимологически самостоятельное классное слово *дяхI (бяхI)* «лицо», «сторона» превратилось в падежное окончание **-ди/-д**, которое впоследствии дало варианты: **-тти, -тIи, -ли, -ни,** сохранившиеся ныне, как это отмечалось выше, в виде архаичных окончаний специальных семантических групп субстантивов или же в виде архаичных суффиксов наречий и послелогов.

Здесь необходимо отметить, что гласный элемент рассматриваемой морфемы может выступать иногда и в виде **-а** (ср. **-тIа, -ла, -на, -ра**), реже в виде **-у** (ср. **-тту** в слове *гьижтту* «сюда» (усиш.). Дистрибуция употребления **-ла** и **ли, -на** и **-ни, -а** и **-и** остается недостаточно понятной. Зачастую оба варианта используются факультативно.

По сравнению с показателями первой группы моновокалические показатели второй группы **-а, -и, -е, -я, -у** значительно труднее поддаются этимологизации. Думается, что они являются осколками сложного исторического показателя, содержащего в себе и консонантный элемент, который впоследствии выпал. Есть основание полагать, что рассматриваемые показатели второй группы возникли из классного слова также со значением «лицо» или «сторона». Как было сказано, показатели первой группы возникли из слова *дяхI* «лицо» или «сторона» (по отношению к историческому IV классу или мн. числу вещей). В отличие от показателей первой группы показатели второй группы, как предполагаем, возникли из другой классной формы этого же слова, а именно: из *бяхI* «лицо» или «сторона» (по отношению к III классу или мн. числу класса людей). После известной исторической десемантизации данных слов и их превращения в окончания в одних случаях закрепился окаменевший вариант классного показателя **-д**, а в других случаях **-б**. Последний, как известно, в отличие от **-д** склонен к выпадению. Поэтому после его выпадения в ряде слов маркером старого латива стал сопровождавший его гласный звук. Более наглядно механизм этого процесса можно показать на примерах: ша (← шаа ← шиа ← шибя ← шибяхI) «в село», гIинзи (← гIинзе ← гIинзя ← гIинзбя ← гIинзибяхI) «к роднику».

Остатком классного показателя **б**, выступавшего в составе

форманта старого латива, можно считать и -м, отмечаемый ныне в форме латива местоимений первого лица ед. числа ицаринского диалекта, ср. *дам (← дами ← даби ← даби ← дабя ← дабяхI)* «на меня». Состояние, близкое к прообразу старого латива, сохранилось и в топонимическом названии даргинского языка *ХIябшима (← хIябшиба ← хIябши+бяхI)* «в Гапшима» и в форме направительного падежа аварского языка, отмечаемого в топонимах, ср. *ГIанди*-бе «в Анди» и т. д. В связи с отмеченным показательна и такая форма ин-эссива арчинского языка, как *бигъда* «в место», употребляемая в речи факультативно.

Изложенное выше предположение о происхождении старого латива и его показателей подтверждается еще и семантически: выводимостью значения старого латива из аллативного значения. Как известно, значения аллатива и латива близки друг к другу и нередко взаимозаменяемы.

Есть основание полагать, что все отмеченные выше формы старого латива возникли еще в период общедагестанского праязыкового состояния и были унаследованы даргинским.

В ряде родственных языков отмечается наличие реликтовых форм местных падежей, которые в материальном, семантическом и типологическом отношениях могут быть сопоставлены с формами старого латива даргинского языка. В аварском языке, например, выделяется группа слов, склоняемых по «архаичному» типу [16], а в лакском указывают обычно на слова, у которых формы внутренне-местного пажеда образуются «не от второй основы, а от прямой» [17]. Показательно, что слова, имеющие архаичные формы местных падежей, во всех этих языках, как правило, характеризуются одинаковой семантикой. Ими являются обычно слова, выражающие понятия: «дом», «поле», «пещера», «родник», «рот», «вода», «лес» и т. п. Кроме того, показателями архаичных местных падежей во всех этих языках оформлены также отдельные наречия, послелоги и многие топонимические названия.

Существенным фактом, подтверждающим общедагестанское происхождение архаичных форм местных падежей, отмечаемых ныне в современных дагестанских языках, является материальное совпадение формантов этих старых местных падежей, ср. **дарг. -ла/-ли, -на/-ни, -д/-ди (→ -тту → -тIа/-тIи), -а, -и/-е, -у; лак. -и, -е ,-и, -у** [18]. Материально сходные форманты отмечаются в то-

---

[16] Микаилов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964, с. 43.

[17] Абдуллаев И. Х. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала, 1974, с. 98—104.

[18] Там же.

понимических названиях лезгинского языка[19]. Кроме того, примечателен и факт совпадения показателей архаичных местных падежей указанных языков, с одной стороны, и показателей косвенной основы (основы эргатива) в лезгинских языках, с другой: ср. лезг. **-а, -и, -у, -и+ни, -е+ди, -ре**; таб. **-ли**, аг. **-а+ла**. Нельзя оставить без внимания и факт удивительного материального совпадения показателей старого латива даргинского языка и так называемых «распространителей основ» или «вставок» лакского языка[20], которые, по мнению А. С. Чикобава, представляют собой форманты некогда функционировавшего, но ныне исчезнувшего эргатива лакского языка[20]. В лакском языке давно уже выявленными «вставками» являются: **-ли/-лу, -на/-ни, -ра/-ри, -ру, -ду/-тту, -а-, -у-**. Материальное совпадение этих «вставок» лакского языка с отмеченными выше показателями старого латива даргинского языка — факт, мимо которого нельзя пройти. Видимо, материальное совпадение показателей старого латива даргинского и аварского языков, с одной стороны, «вставок» лакского и показателей косвенной основы лезгинских языков, с другой, не является случайным. Думается, что все эти форманты суть рефлексы показателей старого латива (в более отдаленную историческую эпоху, может быть, и общекосвенного падежа языка-основы, которой первоначально выражал в основном пространственные отношения). Со временем же, с развитием в языке субъектно-объектных отношений, этот падеж, как полагаем, был использован и для выражения функции субъекта, иными словами, превратился в эргатив. Поэтому, возможно, исторический эргатив лакского языка и живой эргатив языков лезгинской группы, у которых форманты материально совпадают с показателями старого латива даргинского языка, в прошлом были лативами, в дальнейшем получившими переосмысление, чем и объясняется факт совпадения показателей живого или исторического эргатива и старого латива. Реинтерпретация старого латива, в свою очередь, способствовала формированию нового сериального латива; в отдельных же случаях, если этот падеж продолжал еще выполнять и функции латива, она вызвала и новую форму для эргатива, образованного на базе старого латива, ср. мург. *дубли* «на край» (стар. лат.) и *дублиин* «край, краем» (эрг.), куб. *гьаламле* «в мешок» (стар. лат.) и *гьаламли+ди+л* «мешок, мешком» (эрг.) и т. д.

---

[19] Гайдаров Р. И. О названиях лезгинских аулов.— Ученые записки Дагестанского государственного университета им. В. И. Ленина, т. XIII. Махачкала, 1963, с. 111—113.

[20] Абдуллаев И. Х. Указ. соч., с. 98—104.

[21] Чикобава А. С. К истории образования эргатива в аварском языке.— ИКЯ, т. II. Тбилиси, 1948, с. 110.

Словоформы архаичных местных падежей во всех языках образуются по одному и тому же типу на базе абсолютива, этим они отличаются по своей структуре от словоформ новых лативов. Предположение о превращении в эргатив формы именно старого латива дает возможность адекватно решить целый ряд вопросов исторического развития даргинского языка. Во-первых факты совпадения словоформ эргатива и старого латива — реликты, характеризующие начальный этап превращения старого латива в падеж субъекта, ср. *дубли кайи* «сядь на край» и *тIярхъи чIянкIала дубли чебиахъули ахIен* «край паласа закрывает дыру». Во-вторых, вопрос, почему форма эргатива служит исходной основой для образования всех косвенных падежей неодушевленных существительных, решается тем, что в прототипе эргатива — старом лативе (в еще отдаленную историческую эпоху в общекосвенном или же инактивном падеже) — могли выступать лишь неодушевленные (инактивные) субстантивы, которые иную падежную форму вряд ли и знали. Поэтому с развитием падежной системы исходной основой могла быть лишь форма старого латива (впоследствии эргатива).

Подобным образом следует объяснить и то, что в современном даргинском языке неодушевленные существительные образуют форму нового латива на базе эргатива: современная форма эргатива неодушевленных существительных представляет собой исторический, старый латив, в котором выступали в прошлом лишь неодушевленные существительные и который впоследствии послужил базой для формирования новых местных падежей неодушевленных существительных.

Исходя из сказанного, в историческом аспекте вряд ли будет корректным считать, что в основу формирования всех косвенных падежей неодушевленных существительных лег эргатив. Основу формирования всех косвенных падежей неодушевленных или «неразумных» существительных составила форма старого латива, ибо нередко сам эргатив формируется на базе последнего. Подошедший близко к нашему пониманию рассматриваемого вопроса Г. В. Топуриа косвенную основу склонения считает формой палеоэргатива, история форм которого, как он говорит, дает «ключ к раскрытию механизма склонения по принципу двух основ»[22]. С нашей точки зрения, вытекающей из анализа материала даргинского языка, этот предполагаемый доисторический падеж был скорее палеолативом, чем палеоэргативом. Однако об этом подробнее см. ниже.

[22] Топуриа Г. В. Об основных принципах становления склонения в иберийско-кавказских языках.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках, с. 55—56.

Превращение старых форм падежа сближения (латива) в формы абстрактных падежей

Представляется целесообразным начать изложение вопроса с упоминания отмечаемого специалистами факта совпадения показателей эргатива с показателями одного из местных падежей (обычно латива).

Кстати, такое совпадение отмечается не только в родственных языках [23], но и в типологически сходных языках других семей [24]. Совпадение форм или показателей эргатива с таковыми архаичного латива отмечается и в даргинском языке, ср. урах. *дубли* «краем» (эрг.) и *дубли* «на край» (стар. лат.), *бахIли* «кончиком» (эрг.) и *бахIли* «на кончик» (стар. лат.); куб. *гьунцбад* «яблоками» (эрг.) и *гьунцбад* «за яблоками» (лат.).

Естественно, возникает вопрос: чем вызвано такое совпадение? В существующей литературе встречается троякое объяснение этого явления. Одни специалисты в подобных случаях форму эргатива считают реинтерпретированной формой местного падежа [25]. Другие видят в этом результат развития у эргатива локативных функций [26]. Третьи факт аналогичного совпадения объясняют как следствие фонетических явлений, приведших к омонимии двух ранее разнящихся форм [27].

На основе анализа многочисленных фактов диалектов даргинского языка напрашивается вывод о том, что форма эргатива в своем истоке — это реинтерпретированная форма старого латива. При этом здесь же следует отметить, что старый латив, как было показано выше, своими корнями уходит к общекосвенному падежу дагестанского праязыка.

---

[23] См.: Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, с. 33; Топурия Г. В. О взаимоотношении эргативного и местного IV падежей в лезгинском языке.— В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 202—208.

[24] См.: Кацнельсон С. Д. К происхождению эргативной конструкции.— В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, с. 35; Жукова А. Н. Выражение подлежащего в эргативной конструкции предложения в чукотско-камчатских языках.— В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, с. 235—239.

[25] См.: Жирков Л. И. Указ. соч., с. 33; Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности, с. 186.

[26] См.: Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка, ч. I. Простое предложение. Махачкала, 1954, с. 95—96; Мейланова У. А. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960, с. 21—22; Топурия Г. В. Указ. соч., с. 207.

[27] См.: Ханмагомедов Б. Г.-К. Система склонения табасаранского языка в сравнении с системой склонения лезгинского и агульского языков. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1958; Климов Г. А., Алексеев М. Е. Указ. соч., с. 295.

В семантическом отношении одним из прототипов эргатива было инструментальное значение старого латива (← общекосвенного падежа). На формально-грамматическом уровне превращение инструментального значения старого латива в форму эргатива прежде всего выразилось в изменении порядка компонентов предложения.

Старый латив с инструментальным значением, чтобы выполнить роль субъекта, переместился в начало предложения. Следы такого явления сохраняются и ныне в даргинском языке, ср. *пуни гьая* **дисли** *балъунра* «я веревку ножом отрезал» (**дисли** «ножом» — инстр. эрг.) и **дисли** *набчиб дяхъи бариб*, букв. «нож на мне рану сделал» (**дисли** — суб. эрг.). Надо иметь в виду, что подобный случай первоначально распространялся лишь на неодушевленные предметы, ибо в это время одушевленные предметы, выполняющие функции субъекта при переходных глаголах, еще оформлялись в абсолютиве (в ряде говоров современного даргинского языка при переходных глаголах субъектные личные местоимения находятся в форме абсолютива). Далее, как полагаем, при развитии субъектно-объектных отношений стало необходимым разграничение и одушевленного субъекта переходных глаголов. Для реализации этого акта в аналогичных случаях одушевленные субъекты заимствовали форму у старого латива, в котором уже оформлялись и имена одушевленных предметов. Поскольку такой латив, как это было показано, имел два разных окончания **-ди (-ни)** и **-ли**, используемых и для разграничения одушевленных и неодушевленных предметов, развивающаяся форма субъектного эргатива одушевленных существительных в этом случае у старого латива заняла именно формант **-ди (-ни)**. В результате превращения форм старого латива в формы эргатива в языке возникают новые формы латива, старые же сохраняются остаточно.

Особый интерес представляет механизм семантического превращения местного падежа в эргатив. Логико-семантическая основа такого превращения заключается в трансформации первоначальных, более конкретных пространственных отношений между двумя предметами в более абстрагированные субъектно-объектные отношения. Преобразование пространственных отношений в субъектно-объектные мыслится следующим образом: отношения механической совместности двух предметов в пространстве в результате мыслительных операций могут быть восприняты и как отношения определенной субординации, как воздействие одного предмета на другой, как отношения агенса и пациенса. Показателен в этом отношении очень убедительный пример из урахинского диалекта, где конт-латив на **-чу** со значением «к кому», «к чему» (и прошлом, может быть, и «у кого», «у чего») со временем стал

выполнять функции и комитатива со значением «с кем» и «с чем» и через него также функции инструменталиса. Эта семантическая эволюция схематически изображается в виде: «быть у кого» или «у чего» → совместность → инструментальное значение. В языке известен случай и дальнейшего развития подобной семантической цепи: инструментальное значение переходит в субъектное.

Мог быть и несколько иной путь развития субъектного значения из пространственного. Такой путь, в частности, прослеживается в чирагском диалекте, где ныне эргатив находится на стадии становления. В этом диалекте, например, свои субъектные функции личные местоимения ед. числа выполняют, оформившись в ин-латив со значением «во что», «в кого», «в чем», «в ком», ср. дицце *дарс лучIид,* букв. «в меня (во мне) урок напишу», т. е. «я напишу урок». В данном примере, как видно, отношения двух предметов «я» и «урок», судя по падежной форме слова «я», первоначально мыслились как пространственные, когда один предмет находится в другом или у другого. Поэтому в данном случае превращение пространственных отношений в субъектное значение, как полагаем, происходило по схеме: «быть у кого или в ком, у чего или в чем» → «быть во власти, в подчинении, под действием кого-то или чего-то» → «быть в состоянии воздействия со стороны смежного предмета» - субъектное значение.

Таким образом, становится очевидным, что субъектные функции в даргинском языке первоначально выполнялись лативом. В таких обстоятельствах субъектный латив отличался от несубъектного только словопорядком. Первый, как правило, находился в начале (видимо, по аналогии с субъектным абсолютивом), а второй — в середине предложения. Со временем же в языке наметилась тенденция к размежеванию обоих лативов, в результате чего форма субъектного латива стала формой современного эргатива, который в плане выражения постоянно совершенствовался, функции же латива при этом стали выполнять послеложные конструкции, которые вспоследствии развились в падежные формы.

В плане содержания предшественником субъектного эргатива неодушевленных существительных было инструментальное значение латива, которое в свою очередь возникло из локального значения. Предшественником же эргатива одушевленных существительных было пространственное значение латива одушевленных в случаях типа «во мне», «у меня» или еще «в ком-то», «в кого-то», которое возникло значительно позднее, причем, по аналогии с неодушевленными предметами.

Все отмеченные преобразования более конкретных пространственных отношений двух предметов, особенно когда один из них является одушевленным, в более абстрактные субъектно-объектные являются результатом развития творческой деятельности мышления, способа познания действительности.

Есть полное основание полагать, что другой показатель старого латива **-ла** реинтерпретировался и превратился в показатель современного генитива даргинского языка, ибо факты многочисленного совпадения форм генитива и старого латива на **-ла** (ср. *неш* **хIянчила** *аррякьун* «мама на работу пошла» и **хIянчила** *ахир* «работы конец» и т. п.) не вытекают ни из результатов совпадения на почве различных фонетических процессов, ни из того, что генитив со временем приобрел пространственное значение. Как показывает анализ, все современные значения морфемы **-ла** объединяются вокруг двух общих значений: значения принадлежности и пространственного значения. С учетом того, что комитативные, аблативные, темативные и временные значения возникли из пространственных, у форманта **-ла** явно преобладает пространственное начало. Кроме того, обращение к материалам родственных языков показывает, что формант **-ла** в подавляющем большинстве случаев является показателем одного из местных падежей со значением «на», «в», «около», ср. анд. *шишу*-**ла** «в бутылке», годоб. *базар*-**ла** «на базаре», карат. (токит.) *амъи*-**ла** «на крыше», багв. *байдан*-**ла** «на площадь», тиид. *релиба*-**ла** «на руках», чам. *микъи*-**ла** «на дороге», лезг. *диде-ца*-**л** «на матери», таб. *рагъни*-**л** «на мельнице», аг. *йикIвани*-**л** «на топор», цах. *амбары*-**ль** «в амбаре», арч. *мул*-**ла** «на горе».

Изложенные факты приводят к выводу о том, что показатель даргинского генитива **-ла** изначально был показателем местного падежа, который со временем преобразовался в показатель генитива. Любопытно, что совершенно идентичные словоформы с **-ла** в даргинском языке выражают принадлежность, в андийских языках — значение «в чем?» или «на ком?» (ср. дарг. *ди*-**ла** «мой» и багв. *ди*-**ла** «на мне», дарг. *шиша*-**ла** «бутылки» и анд. *шишу*-**ла** «в бутылке» и т. п.). Видимо, в подобных случаях, первичным является пространственное значение.

Свою первоначальную функцию показатель **-ла** даргинского языка выполняет и ныне в наречиях или в послелогах места, ср. *мякь*-**ла** «рядом» (*мякь* «ствол», «корень»), *дуб*-**ла** «на край» (*дуб* «край»), *гьала* «вперед», *гIела* «назад» и т. д. В акушинском диалекте **-ла** является показателем не только генитива, но одновременно и латива, ср. *кьанила* «в сундук», *кьакьала* «на улицу» и т. д.

Думается, что в определенную историческую эпоху значение принадлежности и относительности в даргинском языке выражалось как при помощи классного показателя (напр., в остаточно сохранившейся форме *узу-б хьунул* «жена брата мужа»), так и одним из местных падежей. Сходное состояние ныне отмечается в андийских языках, где функционируют два родительных падежа: один, образованный при помощи классного показателя, а другой — при помощи специального показателя, восходящего к одному из формантов локативных падежей [28]. Обращает на себя внимание то, что генитив, образованный при помощи классного показателя, отмечается у существительных I класса и личных местоимений, а другая форма генитива — у всех остальных существительных. Очевидно, такая дистрибуция вытекает из того, что первоначально в местных падежах оформлялись преимущественно существительные класса вещей.

Наше предположение о возможном превращении одной из форм старого латива в форму генитива подтверждается и семантически, ибо то, что находится рядом с другим, легко может быть воспринято как объект или субъект принадлежности. Подобный путь возникновения генитива допускает и Д. В. Бубрих в мордовских языках. «Идея связи по месту легко перерастает в идею принадлежности,—заключает он.— Об этом свидетельствует бесчисленное количество явлений самых различных языков» [29].

Заимствованными у старого латива являются и такие своеобразные окончания датива, как -д и -б, отмечаемые в личных местоимениях (ср. *хIед* «тебе», *наб* «мне»). Дело в том, что форма датива современного даргинского языка, как полагаем, в своем истоке была формой латива [30]. В ряде диалектов (напр., в кайтагском) она даже не отделилась от формы латива. Следовательно, современные формы датива *наб* и *хIад* являются переосмысленными историческими формами латива. Свое исходное состояние эти слова и поныне сохранили в архаичном ицаринском диалекте, ср. *дам* «на меня» и «мне», *ат* (← хIади) «на тебя» и «к тебе», что также перекликается с положением о происхождении датива от латива. Показательно то, что превращение дативных форм *хIади* «на тебя» и *наби* «на меня» в формы датива *хIад* «тебе» и *наб* «мне» произошло путем усечения конечного гласного (ср. *хIади → хIад; наби → наб).* Как показывает ана-

---

[28] Гудава Т. Е. Андийские языки.— В кн.: Языки народов СССР, т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, с. 274.

[29] Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953, с. 54.

[30] Мусаев М.-С. М. Дарган мезла лугу падеж ва ил акIни.—Гьалмагъдеш, № 3, 1981, с. 85—91.

лив, аналогичным путем возникли и другие формы датива, ср. *нешлизи* → *нешлиз* → *нешлис* «маме» и т. п.

В отличие от -д показатель -б не имеет своих прототипов ни в числе известных нам окончаний латива, ни в наречиях. Материально полностью с ним совпадающее окончание имеет только эссив (ср. *на-б* «мне» и *дурхъи-б* «в хлеву» — при *дурхъи* «в хлев»). Частично с ним совпадает и окончание аллатива (ср. лит. *дурхъи-бяхI* «в сторону хлева», сирг. *дуццани-ба* «в сторону леса» и т. п.). Однако здесь нужно иметь в виду, что значения как эссива, так и аллатива очень близки к значению латива и что они, возможно, возникли из латива. Образованными из латива являются и формы этих падежей. В этом отношении показательно и то, что в ряде диалектов, как об этом еще будет сказано, не функционируют эссивы и их роль выполняют лативы. В отличие же от латива показатель б в эссиве и аллативе является вместе с тем живым классным показателем. Все это дает основание предположить, что и современная форма датива *наб* возникла из исторических форм местных падежей, скорее всего из древнего латива, совмещавшего в себе функции ряда нынешних местных падежей (эссива и аллатива). Думается, этот латив в данных местоимениях имел изменяющиеся по классам окончания в виде *хIади* и *хIаби* «на тебя», «на тебе», «к тебе» *даби* (→ *наби*) и *дам* «на меня», «на мне», «ко мне», при этом класс словоформы латива зависел не от семантики склоняемого слова, а от значения направляющегося предмета, т. е. субъекта или объекта. Окончания (-би и -ди) хорошо врисовываются в картину исходного состояния предполагаемой двухчленой системы категории грамматических классов (б — класс людей, д — класс вещей). На закреплении показателя -б в форме местоимения первого лица *наб (← наби ← даби)* «мне», а не -д, как обычно это бывает в случаях окаменевания классного показателя, видимо, сказались фонетические особенности этого слова: форма *дид (← дади)*, как видно, в этом отношении отличается неблагозвучием от формы *даби*, давшей в одних диалектах *дам (← даб)*, а в других *наб (← даб)* и *нам (← наб)*.

Образование нового падежа сближения (латива)

Если, как отмечалось выше, старый латив был унаследован даргинским из языка-основы, то новый латив возник в период самостоятельного развития даргинского языка. В отличие от первого, выражающего общую направленность действия к определенному предмету, он представляет собой целый ряд серий с собственными показателями и общим значением направленности одного предмета на другой, которое реализуется в несколь-

ких частных значениях. Эти частные значения обусловлены тем, к какой части предмета («на», «под», «за», «перед», «в», «между», «около») направлен или приближается другой предмет. Старый латив не выражает подобную детализацию значения.

Предполагается, что первоначально в прадаргинском языке из послеложных конструкций сформировалось семь серий латива, каждая из которых имеет свой собственный показатель и конкретизирована в зависимости от того, к какой части предмета направлено действие. Отмечаются следующие серии падежа сближения (латива): падеж сближения на **-чи** (супер-латив), падеж сближения на **-у** (суб-латив), падеж сближения на **-хIи** (ин-латив), падеж сближения на **-зи** (интер-латив), падеж сближения на **-гIи** и на **-чу**/**-шшу** (конт-латив), падеж сближения на **-гьа** (пре-латив), падеж сближения на **-гь**/**-гьа** и **гьира** (пост-латив).

С развитием языка отдельные из названных серий, как это будет показано, деградировали в том или ином диалекте под воздействием общей тенденции к сокращению серий местных падежей. Поэтому количество серий латива в настоящее время не одинаково по диалектам. Так, в литературном языке С. Абдуллаев выделяет четыре серии[31], в цудахарском, урахинском, уркарахском диалектах Ш. Г. Гаприндашвили находит пять серий[32]. Вопрос об определении количества серий и о критериях их выделения не получил еще соответствующего решения, поэтому в одном и том же диалекте разными исследователями выделяется разное количество серий. Так, в отличие от С. Абдуллаева, З. Г. Абдуллаев в литературном языке выделяет пять серий латива[33]. Не одинаковы и критерии, которыми руководствуются исследователи при определении количества серий. С. М. Гасанова только по формальным показателям выделяет в чирагском диалекте десять серий латива[34]. Разумеется, в таких обстоятельствах нам пришлось решить вопрос о критериях выделения серий. В качестве критериев были приняты как формально-грамматические, так и содержательные признаки. Это позволило выделить семь серий латива современного даргинского языка.

Падеж сближения на -чи (супер-латив)

Падеж сближения на **-чи**, или супер-латив, называющий предмет, на верх которого направлен другой предмет, представлен

---

[31] Абдуллаев С. Указ. соч., с. 108—109.

[32] Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 283—302.

[33] Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 176—186.

[34] Гасанова С. М. Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка.— В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979, с. 141—142.

во всех современных диалектах даргинского языка, что, бесспорно, говорит о его прадаргинском происхождении. Представленный в нынешних диалектах супер-латив имеет широкий круг разнообразных значений, но исходным его значением было понятие объекта направленности активного действия, носитель которого, как полагаем, в своем истоке должен быть одушевленным. Поэтому такое активное действие выражалось глаголами движения. Проведенный в этом плане анализ семантики глаголов, управляющих супер-лативом, показал, что эти глаголы выражают именно движение или же в той или иной степени связаны с процессом движения, например: *вакIес* «придти», *дуравхъес* «выйти», *вебшес* «убежать», *дурайкес* «появиться», *ацIес* «залезть» и т. д.

Полагаем, что первоначально количество субстантивов, выступавших в форме супер-латива, было также ограниченным, ибо такие субстантивы должны были иметь определенную семантику: обозначаемые ими предметы должны быть плоскими или же должны иметь верхнюю (а не боковую) поверхность, на которую можно поставить другой предмет. Очевидно, субстантивами, принявшими первыми форму супер-латива, были названия ландшафта типа *хъу* «пашня», *гьуни* «дорога», *дякь* «тропа», *сага* «луг», *муза* «холм» и т. д. Далее к ним присоединились и заимствованные слова: *авлахъ* «поле», *ванза* «земля», *майдан* «площадь» и т. п.

В процессе развития языка заметно расширяется круг глаголов, управляющих лативом, и субстантивов, выступающих в супер-лативе.

Исторические изменения в содержании

Расширение круга глаголов и субстантивов, имеющих суперлативную семантику. Вслед за глаголами движения оформления субстантива в супер-лативе стали требовать и глаголы такой семантики, как *шурличи* **ацIес** «залезть на валун», *галгалике* **ирхес** «залезть на дерево» (мург.). Далее супер-латив стал употребляться при глаголах физического действия, имеющих наиболее приближенную к глаголам движения семантику, ср. *набчи кIарцва* **агиб**, букв. «на меня камень попал», *итичи* **дяхъиб**, букв. «на него били», *ит уталичи* **къячикиб**, букв. «он потрогал на стул» и т. д. Относительно абстрактным выглядит из данной группы глагол *набчи* **бугIярагиб** «я замерз», букв. «на меня холод попал», требующий форму супер-латива. По аналогии с данными глаголами со временем супер-лативом стали управлять и глаголы активного чувственного воздействия, ср. *ну нешличи* **хIоризурра** «я посмотрел на маму», *ну нешличи* **лехIяхъир**, букв. «я послушал на маму», т. е. «я стал слушать маму».

Последние глаголы в своем истоке представляли собой объектные синтагмы, которые по-русски буквально можно было бы перевести так: «глаз направил» и «ухо приложил». Изначальное состояние такого явления сохранилось в законсервировавшемся мегебском диалекте, ср. *эйни абайче* **лихIи бихьиб**, букв. «он на маму ухо положил», т. е. «он послушал маму».

Наиболее удалившимся от первоначального и типичного функционирования супер-латива кажется употребление этого падежа при глаголах душевного или интеллектуального воздействия, ср. *ил секIай дурхIяличи* **асар барили саби**, букв. «это на сына влияние сделало», т. е. «это повлияло на сына»; *нуни иличи* **тамашабарра**, букв. «я на него удивление сделал», т. е. «я удивился ему»; *нуни иличи* **гIяйиббарра**, букв. «я на него вину сделал», т. е. «я его обвинил».

При внимательном рассмотрении и в последнем случае нетрудно уловить определенную связь с изначальным типом использования супер-латива. Ступени последовательного расширения семантики глаголов, управляющих лативом, иллюстрируют следующие примеры: а) *нуни хъучи унц букира* «я повел быка на поле» и *хъучи унц бакIиб* «на пашню бык пришел»; б) *дурхIя шурличи ацIиб* «мальчик залез на валун» и *нуни дурхIя шурличи атурра* «я посадил мальчика на валун»; в) *набчи къаркъа агиб* «в меня камень попал» и *итини набчи къаркъа игьуб* «он в меня камень бросил»; г) *ну нешличи хIеризурра* «я на маму посмотрел» и *нуни нешличи хIеръира* «я на маму взгляд сделал»; д) *ну итичи тамашайубра* «я ему удивился» и *нуни итичи тамашабарра*, букв. «я на него интерес сделал», т. е. «я ему удивился». Как видно, к первоначальным глаголам движения, управляющим супер-лативом, присоединились глаголы и с такими значениями, как «посадить на», «положить на», «бросить», «удивить» и т. п.

Разница в функционировании супер-латива при непереходных и переходных глаголах заключается в том, что в первом случае предметом, направленным или приближающимся к другому предмету, оформленному в супер-лативе, является субъект, а во втором случае — объект. Это заставляет предположить, что субъектом при глаголах движения первоначально могли быть одушевленные предметы, а субстантивами в супер-лативе — неодушевленные, неподвижные предметы; объектами же при переходных глаголах — такие предметы неживой природы, которые человек мог бы легко переместить из одного места в другое. Следовательно, первоначально супер-латив оформился как объект направленности активного действия, исходящего со стороны одушевленного предмета. Оформление супер-латива при переходных глаголах должно произойти одновременно с оформлени-

ем объекта. Таким образом, расширение круга глаголов, управляющих супер-лативом, происходило, во-первых, путем вовлечения в него глаголов, имеющих аналогичную с глаголами движения семантику, во-вторых, путем переносного и окказионального употребления глаголов иной семантики. Наконец, пополнение шло за счет образования новых глаголов с соответствующей семантикой. Такие глаголы создавались при помощи приставки **че-**, семантически и генетически связанной с окончанием супер-латива **-чи**. Производных глаголов с **че-** в ДМОС[35] около 40, и 36 из них управляют супер-лативом.

Вместе с расширением круга глаголов, имеющих супер-лативную семантику, одновременно происходило увеличение удельного веса и субстантивов, способных принять форму супер-латива. Ход такого процесса мыслится в следующей последовательности. В первую очередь в супер-лативе оформились существительные, обозначающие плоские предметы с горизонтальной поверхностью (*хъу* «пашня», *гьуни* «дорога», *дяжь* «тропа» и т. п.). Вслед за ними оформились в лативе имена предметов, имеющих верхнюю поверхность, куда можно было взобраться, что-то положить (*шури* «валун», *муза* «холм», *дубура* «гора» и т. п.). Со временем к ним по аналогии примкнули и названия одушевленных предметов (*урчи* «лошадь», *эмхIе* «осел» и т. п.). В последнюю очередь, видимо, стали оформляться в супер-лативе имена отвлеченных понятий (*пикри* «мысль», *ахир* «конец» и т. п.), ср. *нуша ца* **пикриличи** *дакIира* «мы пришли к единому мнению» и т. п.

Развитие синтаксических функций супер-латива. Реконструируемый прадаргинский супер-латив, выражавший только чисто пространственные отношения и первоначально выполнявший лишь функции обстоятельства места, в процессе своего исторического развития приобрел целый ряд новых синтаксических функций.

На начальном этапе дифференцированного осмысления пространства и времени человек все еще продолжал измерять время пространственными понятиями. Следствием этого являются функционирующие в настоящее время примеры типа *ил* **хIеркIличи** *кIайчи риси* «она до реки плакала». Как видно, значение «сколько времени она плакала» измеряется через пространственные отношения. Далее для выражения протяженности времени до определенного момента стали оформляться в супер-лативе имена, обозначающие отрезки времени, ср. **гIебшниличи** *бикайчи ил нушачир калун* «до осени она у нас осталась», *майла* **нецIличи** *бикибхIейс нушани хIянчи таманбирехIе* «к десятому

[35] Дарган мезла орфографияла словарь. Махачкала, 1978.

мая мы работу закончим». Таким образом, супер-латив стал выполнять функции обстоятельства времени.

В результате возникшей возможности оформлять в супер-лативе разнообразные существительные (абстрактные и обозначающие различные звуки, крики и шумы) супер-латив стал выполнять и функции обстоятельства причины, ср. *буцIала* **авличи** *нуша бахъ урухдиубрагу,* букв. «на вой волков мы сильно испугались», *нешла* **чIярличи** *лебилра унруби белхIун* «на крик мамы все соседи проснулись». В супер-лативе стоит также причинное вопросительное наречие **селичи?** «почему?».

В современных диалектах даргинского языка супер-латив выполняет и функции обстоятельства цели, ср. *дудеш* **урцуйчи** *арякьун* «отец на дрова пошел» (т. е. «за дровами»). Понятие «идти за чем-то» в даргинском языке выражается глаголом движения и именем в форме супер-латива. Возникновение отношений цели в результате трансформации пространственных значений в данном случае очевидно.

Приобретенными в ходе своего исторического развития следует считать и функции выражения обстоятельства меры и степени, образа действия, выполняемые супер-лативом, ср. *иш диъ кIел* **килоличи** *абикиб,* букв. «это мясо до двух кило дошло», т. е. «весит около двух килограммов», *нерхла багьа хIябал* **къурушличи** *абиркули саби,* букв. «масла цена до трех рублей доходит».

Сравнительно поздним приобретением супер-латива следует считать функции определения и косвенного дополнения. Во многих случаях это явление отмечается в газетных и книжных подзаголовках, что говорит о его возникновении под влиянием русского языка, ср. **ватIайчи** *диги, букв.* «на родину любовь», т. е. «к родине». Функцию определения супер-латив выполняет и в некоторых сложных топонимических названиях, ср. **Урхьучи-***махьи* «Урхучимахи», букв. «на море хутор».

В функции косвенного дополнения супер-латив выступает при глаголах душевного состояния и выражает предмет, на который направлено душевное состояние субъекта, ср. *ну* **итичи** *тамашайублира,* букв. «я на того удивление сделал», т. е. «я удивился ему»; **итичи** *гьимукIилра,* букв. «я на него желчь говорю»; *нуни* **итичи** *дигай дихьилра,* букв. «я на него любовь положил», т. е. «я его люблю» и т. д.

Диахронический и этимологический анализ подобных конструкций показывает, что они в своих истоках были сконструированы по модели предложений, выражавших чисто пространственные отношения. Со временем эти отношения трансформировались в более абстрактные в результате развития субъектно-объектных отношений. Динамику такой трансформации нагляд-

но можно продемонстрировать сопоставлением трех видов конструкции предложения одной семантики. Показательно, что каждый из этих видов характеризует соответствующее типологическое состояние, пережитое даргинским языком, ср.: а) дила **итичи** *гьимидухъун* «моя желчь на него пошла», т. е. «я обиделся на него»; б) нуни **итичи** *гьимибихьилра*, букв. «я на него желчь положил», т. е. «я обиделся на него»; в) *ну* **итичи** *гьимукIилра*, букв. «я на него зло (←желчь) говорю», т. е. «я на него обижен». Конструкция первого предложения, разумеется,— реликт доэргативного состояния даргинского языка. В нем еще сохранились следы неотчуждаемой принадлежности (моя желчь, вместо я) и архаичный глагол *духъес* «идти», полностью соотносимый со словом «желчь», которая мыслится как носитель действия. Конструкция же второго предложения — это атрибут эргативного состояния даргинского языка. В нем видно четкое отделение субъекта (*нуни* «я» в эрг.) от объекта (*гьими* «желчь» в абс.), переходный глагол *дихьес* «положить», который соотносится с объектом и субъектом своим классно-числовым и личным согласованием.

Наконец, конструкция третьего предложения — это следствие дальнейшего развития субъектно-объектных отношений. В этом предложении действие полностью относится к субъекту *ну* «я». Это выразилось в личном и классном согласовании глагола с субъектом. Исторический объект, а в еще более отдаленную эпоху фактитив [36], исчез; он стал частью глагола, слился с ним. С точки зрения современного состояния даргинского языка отношения между компонентами двух первых предложений стали восприниматься уже по-иному. В первом предложении слово *дила* «моя» воспринимается как субъект, а фактитивная синтагма *гьими иррхъун* «желчь пошла» — как сказуемое, выражающее душевное состояние. Во втором предложении объектная синтагма *дига дихьес* «любовь положить» также превратилась в глагол душевного состояния «любить», слились объект и сказуемое. В результате этого имя, оформленное в супер-лативе *итичи* «на него», стало восприниматься в этих предложениях иначе. Оно уже выражает косвенное дополнение, т. е. предмет, на который направлено душевное состояние субъекта.

Историческое развитие супер-латива породило еще одну функцию — словообразовательную. При помощи показателя супер-латива **-чи** в современных диалектах даргинского языка создаются деепричастия времени со значением «до совершения какого-либо действия», ср. *ну* **вакIайчи**, *хIу хъулив уэн* «пока я не приду, ты оставайся дома».

[36] Кибрик А. Е. Опыт структурного описания арчинского языка, т. 3. М., 1977, с. 76—79.

Показатель **-чи** отмечается в ряде производных наречий, ср. *гIеланачи* «напоследок», *гьаланачи* «сперва».

В ряде случаев формы супер-латива становятся частью сложных слов или неразложимых словосочетаний, ср. *замана-заманаличи* «время от времени» (букв. «время на время»), *дусличи дус* «из года в год» (букв. «год на год»), *вяхIличи викиб* «упал, лег ничком» (букв. «на лицо стал»).

Некоторые топонимические названия современного даргинского языка возникли в результате лексикализации словоформы супер-латива, ср. названия сел: *Зубанчи*, *Сурхачи*, *Трисанчи* и т. д.

Развитие типов управляющих слов. На начальной стадии своего становления супер-латив был приглагольным падежом, им управляли в основном глаголы движения. За период своего развития в этом плане супер-латив стал довольно разнообразным. Отмечаются случаи управления супер-лативом со стороны почти всех основных частей речи.

Примечательна история возникновения присубстантивного супер-латива. Отмечено около тридцати существительных, управляющих лативом. Как выясняется, управление супер-лативом со стороны отдельных из этих субстантивов обусловлено тем, во-первых, что данные существительные потенциально сохранили свойство тех глаголов, от которых они возникли, ср. **дурхIначи** *хIеруди* «уход за детьми» (букв. «на детей смотр») и **дурхIначи** *хIерикес* «на детей смотреть», т. е. «смотреть за детьми» и т. п. Во-вторых, в подавляющем большинстве такие существительные являются отвлеченными, по своей семантике напоминающими слова категории состояния, при которых употребление супер-латива продиктовано направленностью состояния субъекта на другой предмет, ср. *дила* **хIечи** *дигай лер* «у меня к тебе любовь есть», *нушала* **душмайчи** *халаси гьими леб* «у нас к врагу большая ненависть есть» (букв. «на врага ненависть есть») и т. п. В-третьих, управляющие супер-лативом существительные по своей природе выражают определенную направленность действия. Это такие существительные, как *гьуни* «дорога», *дякь* «тропа», *хIер* «взгляд», *лишан* «прицел», ср. примеры: **хIеркIличи** *гьуни иш саби* «к реке дорога вот эта» (букв. «на реку дорога»), **цураличи** *лишан асиб* (букв. «на свинью мишень взял») и т. п.

Вторичность присубстантивного супер-латива подтверждается и тем, что многие отмеченные существительные, управляющие супер-лативом, по происхождению являются относительно поздними: одни возникли из производных глаголов (ср. *хIеруди* «уход»), другие заимствованы из арабского языка, третьи являются частью неразложимых словосочетаний, напоминающих своей семантикой наречия. Приадъективный супер-латив в совре-

мощном даргинском языке встречается довольно редко. Отмечено всего несколько прилагательных, управляющих супер-лативом: *мешуси* «похожий», *лайикьси* «подходящий», *гъамси* «близкий», *хIядурси* «готовый», *къаршиси* «противостоящий» и т. д. Способность данных прилагательных управлять супер-лативом детерминирована природой тех слов, от которых они образовались. Прилагательные *мешуси* «похожий», *лайикьси* «подходящий» возникли путем адъективизации причастий, образованных от глаголов с супер-лативной семантикой, ср. *мешуси* (← *башуси* «идущий») и *башес* «идти», «ходить»; *лайкьси* (← *лябкьуси* «приходящий») и *лавкьян* «придет». Обращает на себя внимание типологическое сходство образования и управления прилагательных *похожий* (ср. походить) и *подходящий* (ср. подходят) в русском и даргинском языках. Другие прилагательные *хIядурси, гъамси, къаршиси* способность управлять супер-лативом заимствовали также у своих этимонов, выражающих состояние и пространство, ср. *гъам-* «близость», *къарши-* «против».

Принаречный супер-латив функционирует при адвербиальных словах, имеющих тот же корень, что и выше названные прилагательные, ср. **набчи** *мешули* «на меня похож»; **хIечи** *къаршили*, букв. «на тебя против», т. е. «против тебя». Сохраняют способность управлять супер-лативом также инфинитивы, причастия, деепричастия и масдары, образованные от глаголов, управляющих супер-лативом.

Большое распространение получило оформление в супер-латив предмета, на который направлено или действует физическое или душевное состояние, ср. **набчи** *бугIярли саби* «на меня холодно», *ит* **набчи** *гIясили сай* «он на меня зол» и т. д.

С развитием языка супер-латив стал управляться и послелогами. Таким послелогом, например, является слово *бикайчи* «до», генетически восходящее к деепричастию от глагола *бикес* «поспеться», ср. **хIебличи** *бикайчи* «до весны» и т. д.

Супер-латив стал использоваться в экспрессивных предложениях с опущенным глаголом, ср. *ца ихала* **куцличигу**! — букв. «ну и вид же у него!». В данном случае супер-латив обусловлен пропущенным глаголом *хIера* «посмотри», ср. *хIерагу, ца ихала* **куцличи**! «посмотри-ка на его вид!».

Такое разнообразие управляющих слов, разумеется, является результатом развития частей речи, стилей языка и словообразования.

Следы недифференцированного состояния супер-латива, супер-эссива и тематива. Функционирующие ныне в литературном языке и в большинстве диалектов супер-эссив и тематив образовались на базе супер-латива в определенную историческую эпоху. Однако в ряде диалектов и в настоящее время сохраняется

былое недифференцированное состояние супер-латива и супер-эссива. Такое состояние ныне наблюдается, например, в кайтагском, чирагском и губденском диалектах, ср. кайт. *дул кинига* **устIулжи** *кабишивда*, чир. *диццe книга* **устуллий** *кибшибда*, губд. *нуни жуз* **устуллике** *бихьира* «я книгу на стол положил» и кайт. *кинига* **устIулжи** *би*, чир. **устуллий** *кинига бу*, губд. **устуллике** *жуз леб* «на столе книга находится». Эти предложения в литературном языке и в остальных диалектах имеют дифференцировавшиеся формы супер-латива и супер-эссива, ср. *нуни жуз* **столличи** *кабихьира* «я книгу на стол положил» (супер-лат.) и *жуз* **столличиб** *леб* «книга на столе находится» (супер-эсс.). Из отмеченного вытекает, что в кайтагском, чирагском, губденском диалектах супер-латив совмещает и супер-эссивные функции. Такое состояние следует считать следом былого недифференцированного состояния обеих категорий на уровне прадаргинского языка. В литературном языке или же в диалектах, где функционируют как супер-латив, так и супер-эссив, в тех или иных случаях наблюдаются факты смешения этих падежей, ср. мург. *хIу* **дике** *дукуркIаллев?* — букв. «ты на меня смеешься?» (супер-лат.) и *хIу* **дикев** *дукуркIаллев?* «ты надо мной смеешься?» (супер-эсс.). Приведенные примеры подчеркивают начало дифференциации этих падежей.

Тематив, или так называемый предметный падеж, считается молодым падежом. Во многих диалектах он еще даже не успел оформиться. Его функции совмещают различные местные падежи. В литературном языке тематив оформился на базе супер-латива. Обращают на себя внимание сохранившиеся в языке факты совмещения тематив ных функций супер-лативом, ср. лит. *хIу* **набчи** *пикримайкIуд*, букв. «ты на меня не думай» (супер-лат.), т. е. «ты обо мне не думай», *хIу* **набчила** *пикримайкIуд* «ты не думай обо мне» (тем.). Аналогичные реликты являются живыми свидетелями былого недифференцированного состояния супер-латива и тематива. Отмеченные факты совмещения суперлативом эссивных, тематив ных функций, как будет показано ниже, еще и комитативных ведут к мысли о существовании в более раннюю эпоху в языке латива с широкими функциями лативно-эссивно-тематив но-комитативного падежа.

Исторические изменения в форме

Современные показатели и их восстанавливаемые прототипы. В современных диалектах представлено около пятнадцати алломорфных показателей супер-латива: **-ге** (цуг. *уступлиге* «на стол»), **-же** (куб. *уступлиже* «на стол»), **-жи** (санч. *устIулжи «на* стол»), **-ж** (шиляг. *гъвяри-ж* «на зайца»), **-джи** (джавг. *ккуртталджи* «на лису»), **-йа** (цуд. *уступлийа* «на стол»), **-й** (джавг. *убай*

«на маму»), **-ки** (муг. *уступлики* «на стол»), **-ке** (мург. *уступлике* «на стол»), **-чи** (акуш. *уступличи* «на стол»), **-че** (шукд. *уступличе* «на стол»), **-хьи** (сутб. *уступлихьи* «на стол»), **-ши** (урах. *уступ̄ши* «на стол»), комбинаторная долгота конечных гласных **-и** и **-е** исходной основы (кирк. *бецIи* «на волка», худуц. *ит̄е* «на него»).

При всем разнообразии данные показатели по признаку генетического родства первоначально легко могут быть сведены к двум группам: а) **-ге, -же, -жи, -джи, -ж, -йа, -й**; б) **-ки, -ке, -чи, -че, -хьи, -ши**. Показатели первой группы отмечаются в диалектах цудахарского типа и восходят к показателю **-ге**, сохранившемуся и поныне в цугнинском говоре. Показатели же второй группы зафиксированы в диалектах акушинско-урахинского типа и укладываются в рамки существующих междиалектных фонетических чередований, восходят к показателю **-ки/-ке**, отмечаемому в целом ряде диалектов акушинско-урахинского типа.

Реконструируемые прототипы **-ге** (для диалектов цудахарского типа) и **-ки/-ке** (для диалектов акушинско-урахинского типа), в свою очередь, также являются генетически родственными. Показатель **-ки/-ке** представляет собой оглушенный вариант показателя **-ге**, функционировавшего, как думаем, на прадаргинском хронологическом уровне. Таким образом, в прадаргинском языке супер-латив имел показатель **-ге**, который в результате своего развития в зависимости от диалектов и в результате различных исторических фонетических процессов значительно видоизменился.

Исторические изменения в исходном показателе. Исходный показатель супер-латива **-ге**, в первую очередь, будучи охваченным фонетическим законом палатализации заднеязычных перед гласными переднего ряда, в кубачинском и кайтагском диалектах переходит в аллоформы **-же/-жи**. В цудахарском диалекте согласный элемент показателя, оказавшись в интервокальной позиции и перед гласным заднего ряда, подвергся фрикативизации и перешел в **-й** (ср. *стуллийа* ← *стуллига* «на стол» — при *стуллига* в современном нахкинском говоре). О подобных изменениях звука **г**, но только в других морфемах, неоднократно указывалось в даргиноведческой литературе.

В настоящее время в отдельных говорах отмечается функционирование усеченного варианта показателей **-жи** и **-йа**, ср. цил. *дева-ж* (← *деважи*) «на осла», джавг. *уба-й* (← *убайа*) «на маму». Усеченный показатель **-й** в отдельных говорах слился с конечным гласным основы, в результате маркером супер-латива стала долгота конечного гласного словоформы (ср. цицар. *уццили* ← *уццилий* ← *уццилийа* «на брата»). В качестве

маркера супер-латива выступает и долгота конечного гласного -е, возникшая также в результате различных комбинаторных изменений (ср. худуц. *итé* ← *итейа* «на него»).

На начальной стадии развития диалекта — предшественника нынешних диалектов акушинско-урахинского типа — показатель -ге, заимствованный из прадаргинского состояния, подвергся оглушению (ср. *шурлик***е** ← *шурлиг***е** «на булыжник»). В период действия закона аффрикатизации **к** перед гласными **и, е**[37] в ряде диалектов акушинско-урахинского типа показатель **-ки/-ке** стал звучать как **-чи** (ср. акуш. *уталич***чи** ← *уталик***ки** «на стул»). В отдельных диалектах, в которых не произошла такая аффрикатизация, **к** подвергся фрикативизации[38], в результате чего показатель **-ки** в сутбукском говоре принял вид **-хьи** (ср. *устуллихьи* ← *устуллики* «на стол»). В урахинском же диалекте, пережившем также аналогичный процесс, звук **хь** перед **и** перешел в **ш**[39], и в итоге в этом диалекте показатель супер-латива стал звучать как **-ши** (ср. *устуйши* ← *устуйхьи* ← *устуйки* «на стол»). Перед гласным а звук **хь**, полученный из **к**, в урахинском диалекте в **ш** не перешел (ср. **хь***абати* ← **к***абати* «посади»). Показатель супер-латива **-ки**, исторически функционировавший в урахинском диалекте, ныне отмечается в отдельных фразеологических единицах, ср. *аллагьлик***кира!** «клянусь аллахом!», *кьур***къа** *дяхIлик***кира!** букв. «на лицо корана» (клятвенное выражение).

Исторические изменения в исходной основе. В современных диалектах выделяется около пяти исходных основ супер-латива:

а) основа, равная форме абсолютива, ср. лит. **узи-***чи* «на брата» — при **узи** в абсолютиве;

б) основа, равная форме эргатива, ср. лит. **утали-***чи* «на стул» — при **ута** в абсолютиве и **утали** в эргативе;

в) основа, равная форме датива, ср. лит. **наб-***чи* «на меня» — при **наб** в дативе;

г) основа, не совпадающая ни с какой ныне функционирующей падежной словоформой, иными словами ее можно было бы назвать супплетивной основой, ср. урах. **ди-***ши* «на меня» — при **ну** «я» в абсолютиве и при **ди-***ла* в генитиве. Такое многообразие исходных основ супер-латива обусловлено целым рядом исторических обстоятельств развития этого падежа. Путем при-

---

[37] Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1967, с. 250—256.

[38] Мусаев М.-С. М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978, с. 114.

[39] Мусаев М.-С. М. Указ. соч., с. 119.

соединения показателя к словоформе абсолютива форма суперлатива образуется у существительных с вокалистическим исходом, обозначающих разумные существа (в литературном языке) или же одушевленные предметы (в ряде диалектов).

Форма эргатива является исходной основой для образования супер-латива у существительных, обозначающих неразумные (или неодушевленные в отдельных диалектах) предметы, и у существительных с конечным согласным, но обозначающих разумные существа. Исходная же основа, равная форме дательного падежа, отмечается лишь у местоимений первого и второго лица единственного числа.

Не совпадающая ни с какой ныне функционирующей падежной словоформой, исходная основа отмечается в основном у различных местоимений, у форм мн. числа и отдельных существительных единственного числа. Разумеется, в количественном отношении последние две группы значительно уступают первым. Из сказанного становится очевидным, что существующее многообразие исходных основ обязано, главным образом, семантике слов, их классной принадлежности. Обусловленность же фонетическими особенностями слова здесь играет незначительную роль, она вторична по отношению к семантической обусловленности. Но остается неясным, чем же вызвано образование суперлатива на базе эргатива у наименований неразумных или же у неодушевленных предметов.

В истории даргинского языка отмечается, как было сказано, функционирование двух хронологически различных латива: старого и нового. Старый латив — это достояние доэргативного состояния даргинского языка. Он имел свои специальные показатели (см. выше) и выражал лишь общую направленность действия, не дифференцируя ее на серии. Новый латив — это продукт эргативного состояния языка. Он развил новые показатели и стал выражать направленность действия, разграничивая, к какой именно части предмета направлено действие. Поэтому новый латив стал функционировать в сериях. Новый латив на формальном уровне использовал типичный для даргинского языка прием создания новых словоформ путем контаминации. К форме старого латива, имевшего в качестве одного из показателей **-ли**, присоединились новые показатели, дифференцированные по локальным сериям. Если принять во внимание то, что на начальной стадии формирования эргативности латив некоторое время продолжал еще образовываться лишь от неодушевленных субстантивов, то станет понятным, почему в настоящее время неодушевленные или «неразумные» существительные имеют сходную основу на **-ли**, совпадающую с нынешней формой эргатива у «неразумных» существительных. Напомним, что в эпоху ста-

новления эргативности даргинского языка в качестве формирующегося эргативного падежа была использована форма одного из местных падежей — форма архаичного латива, что и объясняет совпадение форм эргатива и архаичного латива. Таким образом, новый сериальный латив и эргатив стали развиваться одновременно.

В связи со сказанным уточним существующее в литературе положение об образовании косвенных падежей на базе эргатива. По нашему мнению, как и эргатив, так и все косвенные падежи у «неразумных» или неодушевленных существительных исторически возникли из архаичного латива, и при этом в большинстве случаев эргатив сформировался лишь путем функциональной трансформации и изменения своей позиции в предложении, напротив, латив, а вслед за ним и все производные от него падежи образовались путем присоединения к форме этого архаичного латива специальных показателей. Г. В. Топуриа называет этот падеж палеоэргативом [40]. Скорее всего, как мы уже отметили выше, это — палеолатив. Этот термин по своей информативности ближе к истине.

Становится понятным в свете изложенного и такое свойство даргинского литературного языка, как недопустимость образования косвенных падежей на базе эргатива и у названий «разумных» существительных, имеющих гласный исход. Субстантивы *урши* «сын», *рурси* «дочь», *дурхIя* «ребенок», «детеныш» и некоторые другие ранее в языке воспринимались как неразумные. Они составляют исключение из этого правила. В свете сказаннсго достаточно четко проясняется и вопрос о том, почему местоимения первого и второго лиц в качестве исходной основы латива имеют форму дательного падежа. Как было отмечено, своеобразные с точки зрения современного состояния языка формы датива этих местоимений являются формами архаичного латива. В этих обстоятельствах образование форм нового латива путем наслоения на формы датива (=архаичного латива) не требует особых разъяснений, ибо здесь мы видим тот же самый прием контаминации старых и новых показателей. Дело в том, что со временем формы старого латива в языке специализировались и стали формами сугубо абстрактных падежей.

В результате начавшегося общего процесса ослабления семантической обусловленности даргинского словоизменения пошатнулись позиции и исходной основы на -ли, являющейся признаком неодушевленных или же неразумных существительных. Это выразилось в деградации детерминанта -ли. В ряде говоров

---

[40] Топуриа Г. В. Об основных принципах становления склонения в иберийско-кавказских языках, с. 55.

отмечаются случаи девокализации или деконсонантизации детерминативного показателя -ли-, ср. лев., губд. *дисичи* (← *дисличи*) «на нож», шил. *шегьилжи* (← *шегьилижи*) «на пятикопеечную монету». В некоторых говорах кайтагского диалекта отмечаются случаи даже полного исчезновения -ли-, ср. варс. *суратжи* (← *суратлижи*) «на картину» и т. п.

Ослабление семантической обусловленности функционирования исходной основы на -ли способствовало усилению различных комбинаторных фонетических процессов, приведших также и полному или частичному исчезновению этого элемента, ср. урах. *улкьайши* «на окно» (← *улкьайлиши*), *гумайши* «на гумно» (← *гумайлиши*), *тIайши* «на столб» (← *тIаиши* ← *тIаллиши*), *къайши* «на труд» (← *къиишиши* ← *къиинниши* ← *къиинлиши*), *гуйши* «на шкуру» (← *гуиши* ← *гуллиши* ← *гулилиши*), *чIичIайши* «на змею» (← *чIичIаиши* ← *чIичIаллиши*). Как показывают примеры, полная или частичная редукция -ли- отмечается у субстантивов с исходными -й (частично), -л, -н, -ли, -ли (частично).

Наметилась также тенденция к сокращению количества исходных основ. В урахинском диалекте, например, исчезла исходная основа, равная форме датива. Она уравнялась с общепадежной основой личных местоимений, ср. урах. **дипи** «на меня» — при **нам** «мне» в дативе и **дила** «у меня» в генитиве и лит. **нибчи** «на меня» — при **наб** «мне» в дативе и при **дила** «у меня» в генитиве. В этом процессе местоимение второго лица урах. диалекта пошло еще дальше. Оно уравнялось с формой абсолютива, ср. *хIуши* «на тебя» — при *хIу* в абс., *хIула* в генитиве и *хIуб* в дативе. Выравнялись с абсолютивом и основы супер-латива личных местоимений мн. числа в подавляющем большинстве диалектов, ср. мург. *нушаке* «на нас», *хIушаке* «на вас» — при *нуша*, *хIуша* в абсолютиве; *нушаб* и *хIушаб* в дативе — при *нушала* и *хIушала* в генитиве и санч. *нихьхьавиж* «на нас» и *ниссавиж* «на вас» при *нихьхьа* и *нисса* в абсолютиве, *нихьхьав* и *ниссав* в дативе, *нихьхьала* и *ниссала* в генитиве. Подобное выравнивание исходной основы супер-латива у личных местоимений по моделям имен существительных было вызвано унифицирующим влиянием системы склонения существительных на парадигму местоимений в современных условиях развития даргинского языка.

Возникновение послеложной конструкции с супер-лативной семантикой и тенденции к замене супер-латива этой конструкцией. Почти во всех современных диалектах даргинского языка отмечается функционирование послеложной конструкции, копирующей основное значение супер-латива. Такая послеложная конструкция представляет собой сочетание имени в генити-

новления эргативности даргинского языка в качестве формирующегося эргативного падежа была использована форма одного из местных падежей — форма архаичного латива, что и объясняет совпадение форм эргатива и архаичного латива. Таким образом, новый сериальный латив и эргатив стали развиваться одновременно.

В связи со сказанным уточним существующее в литературе положение об образовании косвенных падежей на базе эргатива. По нашему мнению, как и эргатив, так и все косвенные падежи у «неразумных» или неодушевленных существительных исторически возникли из архаичного латива, и при этом в большинстве случаев эргатив сформировался лишь путем функциональной трансформации и изменения своей позиции в предложении, напротив, латив, а вслед за ним и все производные от него падежи образовались путем присоединения к форме этого архаичного латива специальных показателей. Г. В. Топуриа называет этот падеж палеоэргативом [40]. Скорее всего, как мы уже отметили выше, это — палеолатив. Этот термин по своей информативности ближе к истине.

Становится понятным в свете изложенного и такое свойство даргинского литературного языка, как недопустимость образования косвенных падежей на базе эргатива и у названий «разумных» существительных, имеющих гласный исход. Субстантивы *урши* «сын», *рурси* «дочь», *дурхIя* «ребенок», «детеныш» и некоторые другие ранее в языке воспринимались как неразумные. Они составляют исключение из этого правила. В свете сказанного достаточно четко проясняется и вопрос о том, почему местоимения первого и второго лиц в качестве исходной основы латива имеют форму дательного падежа. Как было отмечено, своеобразные с точки зрения современного состояния языка формы датива этих местоимений являются формами архаичного латива. В этих обстоятельствах образование форм нового латива путем наслоения на формы датива (=архаичного латива) не требует особых разъяснений, ибо здесь мы видим тот же самый прием контаминации старых и новых показателей. Дело в том, что со временем формы старого латива в языке специализировались и стали формами сугубо абстрактных падежей.

В результате начавшегося общего процесса ослабления семантической обусловленности даргинского словоизменения пошатнулись позиции и исходной основы на -ли, являющейся признаком неодушевленных или же неразумных существительных. Это выразилось в деградации детерминанта -ли. В ряде говоров

---

[40] Топуриа Г. В. Об основных принципах становления склонения в иберийско-кавказских языках, с. 55.

отмечаются случаи девокализации или деконсонантизации детерминативного показателя -ли-, ср. лев., губд. *дисичи* (← *дисличи*) «на нож», шил. *шегьилжи* (← *шегьилижи*) «на пятикопеечную монету». В некоторых говорах кайтагского диалекта отмечаются случаи даже полного исчезновения -ли-, ср. варс. *суритжи* (← *суратлижи*) «на картину» и т. п.

Ослабление семантической обусловленности функционирования исходной основы на -ли способствовало усилению различных комбинаторных фонетических процессов, приведших также и полному или частичному исчезновению этого элемента, ср. урах. *улкьайши* «на окно» (← *улкьайлиши*), *гумайши* «на годекан» (← *гумайлиши*), *тIайши* «на столб» (← *тIаиши* ← *тIалиши*), *къийиши* «на труд» (← *къиишиши* ← *къиинниши* ← *къиинлиши*), *гуйши* «на шкуру» (← *гуиши* ← *гуллиши* ← *гулилиши*), *чIичIайши* «на змею» (← *чIичIаиши* ← *чIичIаллиши*). Как показывают примеры, полная или частичная редукция -ли- отмечается у субстантивов с исходными -й (частично), -л, -н, -ли, -ла (частично).

Намотилась также тенденция к сокращению количества исходных основ. В урахинском диалекте, например, исчезла исходная основа, равная форме датива. Она уравнялась с общенаклонной основой личных местоимений, ср. урах. диши «на меня» — при нам «мне» в дативе и дила «у меня» в генитиве и лит. набчи «на меня» — при наб «мне» в дативе и при дила «у меня» в генитиве. В этом процессе местоимение второго лица урах. диалекта пошло еще дальше. Оно уравнялось с формой абсолютива, ср. *хIуши* «на тебя» — при *хIу* в абс., *хIула* в генитиве и *хIуд* в дативе. Выравнялись с абсолютивом и основы супер-латива личных местоимений мн. числа в подавляющем большинстве диалектов, ср. мург. *нушаке* «на нас», *хIушаке* «на нас» — при *нуша*, *хIуша* в абсолютиве; *нушаб* и *хIушаб* в дативе — при *нушала* и *хIушала* в генитиве и санч. *нихьхьавиж* «на нас» и *ниссавиж* «на вас» при *нихьхьа* и *нисса* в абсолютиве, *нихьхьав* и *ниссав* в дативе, *нихьхьала* и *ниссала* в генитиве. Подобное выравнивание исходной основы супер-латива у личных местоимений по моделям имен существительных было вызвано унифицирующим влиянием системы склонения существительных на парадигму местоимений в современных условиях развития даргинского языка.

Возникновение послеложной конструкции с супер-лативной семантикой и тенденции к замене супер-латива этой конструкцией. Почти во всех современных диалектах даргинского языка отмечается функционирование послеложной конструкции, копирующей основное значение супер-латива. Такая послеложная конструкция представляет собой сочетание имени в генити-

ве и послелога **че/чеди** «на верх чего-то», ср. лит. **устулла че** или **устулла чеди** «на верх стола», т. е. «на стол». Дистрибуция употребления супер-латива и его аналога — послеложной конструкции в развитии языка остается недостаточно ясной, они взаимозаменяемы, ср. **столличи** *жуз кабихьа* «положи книгу на стол» и **столла чеди** *жуз кабихьа* «положи книгу на стол».

Разумеется, послеложная конструкция аналогичного типа (генитив+послелог) является новым явлением для даргинского языка, о чем говорят факты самостоятельного оформления двух различных послеложных конструкций в диалектах с одинаковой функцией. Она отличается от послеложных конструкций другого хронологического уровня (абсолютив или эргатив+послелог), давших нынешние серии латива. В новых послеложных конструкциях, во-первых, сам послелог оформился в латив (правда, путем использования архаичных показателей латива), во-вторых, между послелогом и падежной формой генитива установились крепкие синтагматические связи по современным правилам словосочетания даргинского языка. Поэтому основания для слияния компонентов таких конструкций на данном этапе развития даргинского языка менее вероятны по сравнению с теми, которые существовали на другом хронологическом уровне. Отмечается тенденция к функциональному развитию подобных послеложных конструкций и вытеснению ими лативов. Отдельные серии латива, как это будет показано ниже, во многих диалектах уже вытеснены подобными послеложными конструкциями.

Этимология показателя падежа сближения на -чи (супер-латива).

Выше было отмечено, что зафиксированное в современных диалектах обилие алломорфных показателей супер-латива — результат исторических и комбинаторных изменений двух первоначальных показателей: **-ке** и **-ге**. Этимологическая связь показателя **-ке** с послелогом **ке/ки, киди** «на верх чего-нибудь» довольно прозрачна.

Показатель **-ки** произошел от послелога **ки/ке**. Но для истории языка такое разъяснение явно недостаточно, ибо сами послелоги, как известно,— продукт относительно позднего происхождения, кроме того, они развились из наречий или из существительных, обозначающих конкретные предметы. Учитывая очевидный факт исторического превращения названий различных частей тела или предмета в послелоги, можно увязать **-ге** с наиболее вероятным в семантическом отношении названием части тела **бекI** «голова». Как видно, на современном уровне слово **бекI** и показатель **-ге** материально не сопоставимы. Совпадающий с корневым согласным слова **бекI** показатель супер-латива

отмечается в кусурском говоре аварского языка, ср. *вацас-кIа* «на брата». Думается, что такое совпадение не случайно и показатель -кIа супер-латива данного говора аварского языка и слово бекI «голова» даргинского языка являются генетически родственными, т. е. восходят к одному этимону. Обратимся к выяснению исторического изменения фонетического облика слова *бекI*, имея в виду, что в слове *бекI* историческим корневым элементом является согласный кI, а элемент бе- восходит к классному показателю, который при утере семантики может легко исчезнуть. Элементы -г- (из *-ге)* и кI (из *бекI)* сопоставимы. Переход исторического г в кI — явление вполне допустимое. Переход г в кI кажется более убедительным при привлечении формы мн. числа *бурги* «головы» из урахинского диалекта, где восстанавливается исторически корневой г. Урахинская форма дает возможность восстановить первоначальное звучание этого слова в виде *буг* (III ист. класс) и *руг* (II истор. класс). Далее в соответствии с законом вторичной маркировки классных слов соответствующими показателями на праязыковом уровне это слово стало звучать как *бург*. По уже известному закону, конечный г даргинского языка в лакском дает кI[41], ср. дарг. *диг* — лак. *дикI* «мясо», дарг. *ниг* — лак. *никI* «молоко», дарг. *бург* — лак. *бакI* «голова» и т. д. Созвучны с показателями супер-латива и другие диалектные формы мн. числа слова *бекI*, ср. муг. *буркки* «головы» и *уталики* «на стул», шукд. *бурчче* «головы» и *уталиче* «на стул».

Все сказанное подтверждает, что показатель супер-латива -ге этимологически восходит к понятию «голова». О возможном использовании слова «голова» для выражения значения «на верх чего-то» более убедительно говорит следующий пример из ицинского говора, где понятие «через несколько дней» передается как *чумкIал берла бурччем*, что в буквальном переводе означает «несколько дней на голове». Послелог *бурччем* (← *бурччеб)* в данном случае сохранил более близкое звучание к слову *бурчче* (← *буркке* ← *бурге)* «голова». С рассматриваемым окончанием супер-латива и его этимоном *бекI* (← *буг)*, очевидно, генетически связано и местоимение *икI* «то, что наверху». Таким образом, изначальное окончание супер-латива -ге, существительное *бекI* (← *б-у-г*) «голова» и указательное местоимение *икI* (← видимо, *иг)* «то, что наверху» имеют отдаленную общую генетическую точку соприкосновения в виде понятия «выше». В связи со сказанным обращает на себя внимание совпадение корневого согласного существительного «голова» и ука-

[41] Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 283.

зательного местоимения «то, что наверху» в других родственных языках, ср. авар. лит. *бе*-тI-*ер* «голова» и тI-*ад* «наверху», кусур. *бе*-кI-*ер* «голова и кI-*ад* «наверху»; лак. *ба*-кI «голова» и кI-*а* «то, что наверху». Возможно, указательное местоимение со значением «то, что наверху » возникло из понятий «голова», «вершина», «верхний конец».

Падеж сближения на -у (суб-латив)

Почти во всех современных диалектах даргинского языка отмечается падеж сближения на -у (суб-латив), обозначающий предмет, под который направляется или направляют другой предмет, ср. лит. *жита* столлиу *арбякьун* «кошка под стол пошла», *«тIас* столлиу *кабихьа* «тазик под стол положи» и т. д. Наличие суб-латива во всех современных диалектах указывает на то, что данный падеж функционировал и в прадаргинском языке. Этот суб-латив во многом отличался от современного. Он встречался в языке довольно редко и был заметно ограничен и в своем функционировании.

На формально-грамматическом уровне прадаргинский суб-латив был представлен показателем -гу, который хорошо сохранился в нынешних диалектах цудахарского типа и перешел в -ъу (орфографическое написание -у) в диалектах акушинско-урахинского типа.

С развитием языка суб-латив расширил свои функции до широких абстракций и в настоящее время наиболее подвержен вытеснению новообразованными послеложными конструкциями.

Развитие семантического поля

В своих истоках функционирование суб-латива полностью зависело от семантики существительных. В форме суб-латива могло выступать имя лишь такого предмета, который от природы имел под собой пустое пространство, куда можно было направиться агенсу. Как выясняется, первоначальное количество таких существительных было очень незначительным. К ним относились такие существительные, как *лес* «утес», *шури* «валун», *галга* «дерево» и т. п., обозначавшие предметы, которые имели нависающую часть.

Для дальнейшего развития суб-латива большое значение имело увеличение удельного веса существительных с суб-лативной семантикой. С развитием трудовой практики людей в языке появляются и наименования различных строений, сооружений и предметов, способные принять форму суб-латива, напр.: *бурх* «крыша», «потолок», *къуш* «шалаш», *балкун* «балкон», *арсавар* «арка», *чятир* «шатер», *гуми «мост»* и т. д. Обращает на себя

внимание то, что почти все приведенные здесь слова являются заимствованными. Это также свидетельствует о первоначальной малочисленности в даргинском языке подобных субстантивов.

Дальнейший рост числа имен существительных, принимающих форму суб-латива, происходит за счет окказионального использования разнообразных существительных. Стало теоретически возможным употребление в суб-лативе фактически всех существительных современного даргинского языка. Самое непосредственное воздействие на расширение семантического поля суб-латива оказало и одновременное с этим увеличение в языке удельного веса глаголов, управляющих суб-лативом. Первоначально такими были лишь глаголы движения, в основном непереходные. С активизацией деятельности человека в природе приобрели способность управлять суб-лативом и глаголы другой семантики, в том числе и переходные. А это, в свою очередь, сделало возможным функционирование в качестве направляемого под другой предмет объекта, выражаемого самыми различными существительными, ср. *нешли дабри* **тахлиу** *кадихьиб* «мать положила обувь под тахту», *нуни жуз* **юргъайу** *дигIянбарра* «я спрятал книгу под одеяло».

Увеличение количества глаголов, управляющих суб-лативом, происходило и за счет образования таких глаголов путем использования показателя суб-латива в качестве словообразовательного преверба, ср. *шанглиу убуца* «подложи под котел» и т. д.

В итоге всех перечисленных процессов суб-латив ныне имеет более широкое по сравнению с исходным семантическое поле. Увеличение количества существительных, принимающих форму суб-латива, шло от конкретных, обозначающих элементы ландшафта к абстрактным типа *асарлиу* «под влияние». Численное увеличение глаголов, управляющих суб-лативом, имело направление от глаголов движения к глаголам самой различной семантики, напр.: **юргъайу** *дигIянбариб* «спрятал под одеяло». Показательно также, что в форме суб-латива очень редко выступают имена, обозначающие одушевленные и разумные существа, что, видимо, не является случайным. Это как бы подчеркивает те особенности суб-латива, которые он имел на начальной фазе своего становления. Возможно, на этой фазе в суб-лативе вообще не оформлялись одушевленные существительные.

В своих истоках суб-латив был исключительно приглагольным падежом. И хотя таким же он в основном остается и на нынешнем уровне, отмечается функционирование этого падежа при инфинитных формах глагола — масдаре, причастии и деепричастии, приближенных к другим частям речи.

Кроме своей основной функции — выражения обстоятельства места,— суб-латив стал выполнять и определительные функции в сложных топонимических названиях, ср. **ГIяймау-***махьи* «хутор, что под Айми» (этимология *ГIяйми* недостаточно ясна), **Кьассагу-***махьи* «хутор, что под выступом» и т. д.

В процессе исторического развития суб-латив приобрел и словообразовательную функцию. Он сыграл определенную роль в формировании даргинской микротопонимии. В результате лексикализации словоформ суб-латива в даргинском языке возник целый ряд топонимических названий: *Бутау* (сел. Меусиша), *Кьялцнау* (сел. Урахи), *ГIябнау* (сел. Мургук), *Къагау* (сел. Мургук) и т. д.

Лексикализировавшимися словоформами суб-латива являются и *къадау* «на веранду» (урах.), *ухълау* «место под мельницей, где крутится колесо» (мург.). Форма суб-латива отмечается в составе различных производных слов, в которых она выступает как производящая основа, ср. *каниула*, букв. «подживотье», *шалкIула* (← *шалгула*) «подмышка, *хIяръула* «место под выступом». По всей вероятности, элемент **-кIу**, образующий ныне в урахинском диалекте наречия места от указательных местоимений, по своему происхождению также является историческим показателем суб-латива, ср. *гьишкIу* (← *гьишгу*) «сюда» — при *гьиш* «этот»; *гьиткIу* (← *гьитгу*) «туда» — при *гьит* «тот»; *гьихкIу* (← *гьихгу*) «туда вниз» — при *гьих* «то, что внизу»; *гьикIу* (← *гьикIгу*) «туда вверх» — при *гьикI* «то, что наверху». Такое предположение становится вполне убедительным при сопоставлении с данными словами наречия *шайкIу* «в подмышку», которое состоит из компонентов: шай- (← *шалли* ← *шалили*), равного форме эргатива от слова *шали* «бок», и **-кIу**, имеющего семантику «в-под» и, очевидно, генетически родственного с **-гу**, ср. куб. *шшалгу* «в подмышку». Последнее вытекает из того, что соответствие **г—кI** в истории даргинского и ряда других дагестанских языков давно доказано[42].

Исторические изменения в форме

На современном этапе суб-латив имет всего три алломорфных показателя: **-гу** (д-ты цуд. типа), **-ъу** (д-ты акуш. типа), **-гьу** (сутб.). На прадаргинском уровне суб-латив имел только один показатель **-гу**.

В процессе исторического развития звуковой системы прадаргинского языка фрикативный г в положении перед гласными в диалектах урахинского типа перешел в ъ (видимо, через й).

---

[42] Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 276—277.

Схематически цепь таких звуковых изменений изображается в виде г → й → ъ. Охваченный этим фонетическим законом, соответственно изменился и показатель суб-латива: -гу → -йу → -ъу. Показатель -гьу в сутбукском говоре, видимо, возник в результате наращения гь перед у или в результате перехода й в гь.

Более раннее, может быть, даже додаргинское состояние отражает другой алломорфный показатель суб-латива -кIу, функционирующий ныне как непродуктивная единица словообразовательного уровня. Возможно, в прадаргинском языке некоторое время одновременно функционировали оба варианта: -кIу и -гу.

В свете исторического развития особый интерес представляет эволюция становления исходной основы суб-латива. В настоящее время существительные в единственном числе имеют две исходные основы для суб-латива: основу, равную форме абсолютива, и основу, равную форме эргатива. Первую основу имеют существительные с гласным исходом, обозначающие одушевленные или разумные (в зависимости от диалектов) существа, ср. рузиу *ца гьатIи буруш кабихьиб* «под сестру еще один матрац постелили» — при *рузи* в абсолютиве. Как было отмечено, суб-латив от одушевленных или разумных существительных образуется чрезвычайно редко, а от личных местоимений почти не образуется. Вторую основу имеют все остальные существительные, ср. *кагъар* жузлиу *бикиб* «письмо попало под книгу» — при жузли в эргативе. В этом плане обращает на себя внимание составляющий исключение суб-латив, образованный на базе абсолютива, у ряда неодушевленных существительных, ср. хIяръу «под выступ» и *хIяри* «выступ», бурх-у «под потолок» и *бурх* «потолок», улкьайу «под окно» и *улкьай* «окно» и т. д.

Аналогичным путем образовались и многие топонимические названия, у которых остающаяся после вычленения показателя -у часть напоминает форму абсолютива, ср. Бута+*у*, Кьаса+*гу*, Кьага+*у* и т. д.

Исходя из древности семантики и архаичности образования заключаем, что данное явление отражает наиболее ранний способ создания суб-лативных словоформ, где части — бывшее имя существительное и послелог, еще не совсем потерявший лексическое значение,— выражали суб-лативные отношения путем инкорпоративного сочетания. В подобной синтагме имя существительное выполняло функцию атрибутива по отношению к послелогу. Сохранившееся в даргинском языке выражение атрибутивных отношений формой абсолютива относится к реликтовым явлениям.

Свое дальнейшее развитие такие конструкции получили путем сочетания формы эргатива и послелога, связь между которыми стала в некоторой степени грамматически выраженной.

Если при этом иметь в виду, что эргатив — это реинтерпретированный латив, то семантические отношения в такой синтагме воспринимались как пространственные в виде, например, *къушлиу* «в шалаше-под». Завершающий этап развития подобных синтагм отразился в нынешних послеложных конструкциях, где имя в генитиве, выражающее отношение принадлежности, сочетается с послелогом в форме латива, выражающим пространственные отношения. При этом отношения, выражающиеся формой генитива, полностью относятся к послелогу, в то время как отношения, выражающиеся послелогом, относятся ко всему предложению, ср. *нуша галгала уди кадиира,* букв. «мы дерева-под сели», т. е. «мы сели под деревом». В своем истоке это предложение мыслилось в виде «мы в нижнее пространство дерева сели». В еще более глубокой древности пространство под нависшей частью дерева осознавалось как подножье (нога, ноги) дерева.

Таким образом, в даргинском языке представлены три вида послеложной синтагмы, отражающие три этапа эволюционного развития последней: а) инкорпорационный тип *(хIяръу,* букв. «выступ-низ»); б) эргативный тип *(хIярлиу,* букв. «при выступе низ»); в) генитивный или аналитический *(хIярла уди,* букв. «выступа-под»).

Видимо, первый тип функционировал еще при доэргативном строе языка и на современном этапе является реликтовым, поскольку он сохранился в устойчивых выражениях, топонимике. Второй тип — это продукт эргативного состояния языка, где послеложная в своем истоке синтагма превратилась в надежную форму и функционирует в современном даргинском языке. Данный тип, однако, в некоторой степени уже стал вытесняться третьим типом. Третий тип — это явление сравнительно молодое для даргинского языка. Он имеет прогрессирующие тенденции и вытесняет семантически эквивалентные местные падежи.

Зачатки тенденции к деградации суб-латива. Будучи на начальной фазе развития чрезмерно зависимым от семантики склоняемых существительных, суб-латив не смог укрепить свои позиции подобно супер-лативу или интер-лативу, и потому он начал деградировать. Во-первых, это выразилось в том, что суб-латив стал вытесняться в тех или иных случаях интер-лативом. Понятие «попасть под дождь», например, первоначально во всех диалектах выражалось через суб-латив, ср. лит. *ну* заблиу *вакира.* В губденском говоре это понятие стало выражаться уже через интер-латив, ср. *ну заблизе икира,* букв. «я в дождь попал». Аналогичным образом был заменен в губденском говоре и ряд других понятий, выражаемых в остальных диалектах суб-лативом. Во-вторых, суб-латив стал факультативно заменяться послеложной конструкцией во всех диалектах, ср. урах. *нуша* галга

лиу *хьадиира* (суб-лат.) «мы сели под дерево» и *нуша* галга уди *хьадиира* «мы сели под дерево» (посл. констр.) и т. д. В-третьих, суб-латив в ряде диалектов и говоров (губденском, мургукском и т. д.) уже полностью вытеснен послеложной конструкцией типа «имя в генитиве+послелог *у/уди*», ср. лит. *ведро* столлиу *кабихьа* (суб-лат.) и мург. *бедира* устулла у *кабихьа* «поставь ведро под стол» (посл. констр.).

Замена суб-латива послеложной конструкцией обусловлена тем, что послелог может легко соединиться с любым именем и выразить суб-лативное значение, в то время как суб-латив нельзя образовать от любого существительного, поскольку этому иногда мешает семантика слова. Например, можно сказать, *ишала багьа даршал* къурушла уди *хIебиркур* «цена этого будет не ниже ста рублей» (букв. «под сто не будет»), но это значение выразить формой суб-латива невозможно.

К этимологии показателя суб-латива. Восстанавливаемый для прадаргинского состояния показатель суб-латива -гу как материально, так и семантически совпадает с одноименным, употребляемым иногда, и в неоформленном виде, пространственным послелогом диалектов цудахарского типа гу «под», ср. цуд. *столлигу* и *столла гу* «под стол». В данном случае послеложная конструкция от словоформ отличается тем, что в ней использована форма генитива, которая в современном даргинском языке не выступает в роли исходной основы для других падежей. Генетическая связь показателя суб-латива с послелогом достаточно прозрачна. Современная словоформа суб-латива — это подвергшаяся парадигматизации архаичная послеложная конструкция. Семантически эквивалентная ей современная послеложная конструкция отличается от неё специфичностью своей грамматической оформленности.

Результаты исследования показывают, что показатель -гу этимологически восходит к понятиям «подножье» и «нога».

Падеж сближения на -зи (интер-латив)

В прадаргинском языке была представлена серия падежа сближения, или интер-латив, основной функцией которого было выражение направленности действия в середину, в гущу скопленных или сосредоточенных в одном месте однородных предметов, ср. *нацIализи* «в лес» (как совокупность деревьев), *кьарлизи* «в траву» (как совокупность растений) и т. д. Интер-латив четко выделялся и на формально-грамматическом уровне своим специальным показателем -зи/-зе, -цци/-цце.

В процессе исторического развития интер-латив заметно рас-

ширил свои функции, в результате чего качественно преобразилась его содержательная сторона.

Исторические изменения в содержании

Динамика роста количества субстантивов и глаголов интер-лативной семантики. Первоначальными глаголами интер-лативной семантики (управляющими интер-лативом) были глаголы движения. Первоначальными субстантивами, способными по своей природе выражать интер-лативные отношения, были названия различных совокупностей. Очевидно, такими названиями были названия места в пространстве, являющегося сосредоточением однородных предметов типа лес, трава и т. п. В современном даргинском языке количество подобных существительных, обозначающих предметы, не являющиеся продуктом человеческой деятельности, незначительно.

В дальнейшем к ним присоединились и наименования скоплений жидкости (*шурай* «пруд», *шин* «вода», *хIеркI* «река», *шяга* «болото», *урхьу* «море», *хIи* «кровь»), а также названия глины (*гIянжи*), песка (*гъум*), пыли (*пухI*), снега (*дяхIи*) и т. д. Аналогичную функцию могли выполнять и различные совокупности животных и людей типа *хIенкь* «стадо», *кьукья* «группа», *биг* «стадо», *дурзам* «отара» и т. д.

С развитием человеческого общества и его языка количество аналогичных существительных заметно увеличивается за счет слов, обозначающих предметы, являющиеся продуктом человеческого труда: *мура* «сено», *цIук* «солома», *урцул* «дрова», *нег* «мякина», *декь* «мука», *ризкьи* «зерно», *нерх* «масло», *нехI* «сыворотка» *кьанцI* «уксус» и т. д.

Примечательно, что большей частью существительные сходной семантики современного даргинского языка относятся к именам собирательным[43], ранее принадлежащим к IV историческому классу и положившим начало формированию в даргинском языке категории числа[44]. С появлением формы мн. числа стало возможным оформление в интер-лативе фактически всех существительных множественного числа.

К субстантивам, выступающим в интер-лативе, впоследствии присоединились существительные абстрактной семантики, ср. *и халаси* **пикрилизи** *викиб*, букв. «он попался в большую мысль», т. е. «задумался». Подобные фразы образованы по аналогии с фразами, в которых в интер-лативе оформлены конкретные существительные в сочетании с глаголом *викес* «попасться», который уже приблизился к вспомогательным глаголам.

---

[43] Мусаев М.-С. М. Именное словоизменение даргинского языка (категория числа). Махачкала, 1980, с. 13—22.

[44] Там же.

В процессе исторического развития увеличивается количество глаголов, управляющих интер-лативом. К первоначальному небольшому числу глаголов, обозначающих движение, присоединяются новые производные глаголы с интер-лативной семантикой (ср. *ветухъун* «направился» ← *бет* «туда» +*ухъес* «тронуться» и т. д.), или употребляемые переносно (ср. *вацIализи гъайухъун*, букв. «в лес заговорил», т. е. «обратился к лесу», «стал разговаривать с лесом»; *вацIализи ремгурли сари*, букв. «в лес родила», ФЕ= «слишком часто в лес ходит»). Последний пример показывает, что интер-лативом может управлять любой глагол при его окказиональном употреблении.

Таким образом, количество субстантивов и глаголов интер-лативной семантики с развитием языка заметно увеличивается, а их функционирование постепенно становится семантически менее обусловленным.

Динамика развития семантического поля интер-латива. В современных диалектах даргинского языка интер-латив выражает множество значений, однако исходным является одно, связанное с выражением направления действия в гущу, в середину скопленных однородных предметов. Другие значения приобретены интер-лативом в процессе развития. Сравнительно-исторический анализ всех представленных в современных диалектах даргинского языка значений интер-латива с учетом их особенностей позволяет увидеть определенную последовательность их становления и развития.

Изначальным значением интер-латива было значение направленности действия в гущу, в середину скопленных однородных предметов. Такое действие сначала выражалось при помощи глаголов движения и субстантивов, обозначающих одушевленные предметы. Первоначально носителями интер-лативной семантики выступали существительные, называвшие скопление однородных предметов на местности (лес, трава, кустарник и т. п.), ср. *бецI* **вацIализи** *бебшиб* «волк побежал в лес».

С развитием активной деятельности людей направляемым в гущу предметов становится и неодушевленный предмет, но при этом действие совершается человеком или животным. В языке оно выражается глаголами переходной семантики типа *букес* «понести», *бухес* «понести», *кабихъес* «положить», *кабатес* «посадить», *бедес* «отдать», *дигIянбихъес* «спрятать» и т. п., (ср. *илми гIинц* **гъумлизи** *дигIянбариб* «он яблоко в песок спрятал» и т. п.

Как следствие активизации человеческой деятельности можно объяснить появление функционирования в форме интер-латива существительных, обозначающих плотные массы и предметы, в которые могли быть направлены другие предметы с помощью

человеческой или иной силы. Для выражения такого действия в языке появляются и соответствующие глаголы с интер-лативной семантикой: *бетяхъес* «забить», *къузбарес* «воткнуть», бурхIес «вонзить» и т. д., напр. *дудешли* тIайзи *гIябул бетяхъиб*, букв. «отец забил гвоздь в столб». В значении «частичное проникновение в плотную массу» воспринимается употребление интер-латива и при глаголах *дяхъес* «бить» (бекIлизи *дяхъиб* «бил по голове», букв. «в голову»), *агес* «попасть» (бекIлизи *къаркъа агиб*, букв. «в голову камень попал»). Дальнейшее развитие данной группы глаголов показывают фразы типа тIайзи *урчи бигьун*, букв. «в столб привязали лошадь», т. е. «к столбу».

Последующее развитие семантического поля интер-латива происходит в результате переносного употребления глаголов и субстантивов абстрактной семантики, в связи с развитием стилей и, наконец, под влиянием русского языка. Общий ход такого процесса характеризуется направлением от выражения конкретных пространственных значений к абстрагированным и завуалированным пространственным отношениям, ср.:

1) *илди* Кавказлизи *арбякьун*, букв. «они уехали в Кавказ», т. е. «на Кавказ». (Здесь отражается последующий этап развития исходного значения типа *илди* вацIализи *арбякьун* «они пошли в лес». В данном случае Кавказ воспринимается либо как место поселения, либо как место скопления разных объектов, в которые можно направиться.);

2) *нуни жуз* нешлизи *бедира* «я книгу маме отдал» (следствие развития значения плотного соприкосновения типа тIайзи *бигьес* «привязать к столбу»);

3) нешлизи *гъай бедес* «дать слово маме» (результат переносного употребления отвлеченного существительного *гъай* вместо конкретного);

4) *иличила нуни* газетализи *белкIунра* «об этом я в газету написал» (результат опущения объекта и переносного употребления глагола, заменившего глагол движения);

5) *ил нуни* тIимкьлизи *урцис* «я его в капкан поймаю» (результат развития стилей языка, образных выражений путем переносного употребления слов и выражений);

6) хIеблизи *агили саби*, букв. «в весну попало», т. е. «наступила весна» (результат опущения носителя действия и переноса пространственных отношений во временные путем постановки в интер-лативе названий отрезков времени);

7) Сергокъалализи *бикайчи далайикIи* «пел, пока не дошел в Сергокалу» (выражение конечного пункта действия, связанное с развитием пространственных отношений до близких к временным отношениям меры и степени).

Из приведенных примеров явствует, что развитие структуры

семантического поля интер-латива происходило в результате переносного употребления падежной формы и переосмысления первоначальных отношений между одушевленными и неодушевленными предметами. Эти отношения были перенесены в область отношений между существительными иной семантики — конкретными и абстрактными (*хъубзара* **къияйзи** *викиб* «крестьянин попал в беду»), только между неодушевленными (*дила* **бекIлизи** *ца пикри башули саби* «в мою голову одна мысль приходит»), только между одушевленными (*ГIиса* **душмантази** *викиб* «Иса попал врагам», букв. «в врагов»), только между абстрактными (*хIела* **духудешлизи** *нуни селра хIебирис* «превыше всего я ценю ваш ум»). Следовательно, все отмеченные здесь значения являются результатом постепенной трансформации через различные переходные звенья исторических первоначальных отношений.

Исторические сдвиги в функциях интер-латива. Из отдельных значений интер-латива в даргинском языке выделился датив. Это говорит о том, что интер-латив в своем развитии потерял отдельные функции — в данном случае функцию адресата.

Но вместе с тем налицо факты притягивания интер-лативом функций других падежей, в частности, в литературном языке и в некоторых диалектах зафиксировано вытеснение им ин-латива. Следует сказать, что в прадаргинском языке существовали четкие границы в функционировании ин-латива и интер-латива. Первый выражал направленность действия в пустотелое пространство предмета, в определенное помещение. Со временем же в акушинском диалекте —основе литературного языка — и в некоторых других диалектах в ряде случаев эти функции стал выполнять интер-латив, ср. **клублизи** *дякьунра* «пошли в клуб» (интер-лат.) и мегеб. **клублехIе** *дякьунна* «пошли в клуб» (ин-лат.). В мургукском говоре отмечено начало процесса вытеснения, здесь факультативно употребляются в одном и том же значении обе формы, ср. **клублизе** *дукьунра* (интер-лат.) и **клублеэ** *(< клублехIе) дукьунра* «в клуб пошли» (ин-лат.).

В чирагском диалекте зафиксировано прошлое состояние языка, когда интер-латив выполнял функции эргатива, ср. чир. **дицце** *кагъар белкIунда* (**дицце** «в меня» — интер-лат.) и лит. **нуни** *кагъар белкIунра* (**нуни**, букв. «я» или «мною» — эрг. «я написал письмо»). Здесь необходимо указать на то, что субъектный интер-латив отмечается лишь у личных местоимений. Оформление субъекта в новом лативе у местоимений обусловлено тем, что в старом лативе оформились, как об этом говорилось, в основном неодушевленные существительные. Поэтому личные местоимения, возможно, и не знали форм старого латива. С появлением нового латива, в котором оформлялись и личные местоимения, при необходимости функцию субъекта по аналогии стала вы-

полнять одна из сериальных форм нового латива, в данном случае интер-латива, который совмещал и функции ин-латива. До появления в языке таких форм личных местоимений функции субъекта при переходном глаголе выполнял, как это отмечалось, абсолютив.

Надо полагать, что в определенную историческую эпоху функции субъекта интер-латив выполнял и при глаголах чувственного и интеллектуального восприятия. Такое состояние, например, до сих пор удерживается в законсервировавшемся мегебском диалекте, ср. мег. *гьеш суал* **итизе балгьан** (**итизе** «в него» — интер-лат.) и лит. *иш суал* **итини** *бала* (**итини** «он» — эрг.) «этот вопрос он знает».

Впоследствии же при подобных глаголах субъект стал оформляться в дативе. Такое состояние удерживается еще в диалектах цудахарского типа, ср. *эз суал* **итиз** *балха,* букв. «этот вопрос ему знает» (дат.), т. е. «он знает». Совсем еще свежим выглядит оформление субъекта при таких глаголах эргативом в диалектах акушинско-урахинского типа, ср. *иш суал* **итини** *бала* «этот вопрос он знает» (эрг.).

В литературном языке и в близких к нему диалектах формы интер-латива выполняют функции субъекта при каузативных формах глагола, где реальный исполнитель действия выражен формой интер-латива, ср. *ил суал нуни* **итизи** *багьахъурра,* букв. «этот вопрос в него узнать я заставил», т. е. «я заставил его узнать этот вопрос». Видимо, и этот случай является отголоском прошлого состояния языка. Из сказанного становится ясным, что в прошлом интер-латив выполнял и функции выразителя субъекта, которые впоследствии им были утеряны.

Таким образом, в диалектах даргинского языка отражены факты, позволяющие с очевидностью представить развитие так называемых «аффективных конструкций». При этом в их развитии четко видно превращение исторических пространственных отношений в более абстрагированные грамматические отношения.

В современном литературном языке возникла послеложная конструкция (генитив+послелог *бухIна* «вовнутрь» и *урга* «в середину»), способная заменить некоторые функции интер-латива, ср. **гавлаглизи** *кабихьа* «положи в мешок» (интер-лат.) и **гавлагла бухIна** *кабихьа* «вовнутрь мешка положи», *ил секIал* **халкьлизи** *тIинтIмабирид* «не распространяй это в народ» (интер-лат.) и *ил секIал* **халкьла урга** *тIинтIмабирид* «это в середину народа (т. е. «в народе») не распространяй».

Расширение типов управляющих слов и синтаксических функций. Развитие абстрактных грамматических отношений у интер-латива наглядно демонстрируется расширением типов управ-

ляющих слов и синтаксических функций. Предполагается, что интер-латив в своем истоке был исключительно приглагольным и выступал только в качестве обстоятельства места. Однако в ходе своего исторического развития интер-латив в этом отношении стал намного разнообразнее.

Многообразны управляющие интер-лативом слова. Этим падежом, например, стали управлять не только финитные, но и нефинитные формы глаголов, ср. **анхълизи** *вакIес* «придти в сад», **анхълизи** *вакIни* «приход в сад», **анхълизи** *вакIибси* «пришедший в сад», **анхълизи** *вакIили* «приходя в сад», **анхълизи** *вакIибхIели* «когда пришел в сад» (*вакIибхIели* — дееприч. времени). Это обстоятельство открыло для интер-латива возможность быть управляемым и другими частями речи. Со временем в языке возникли случаи употребления интер-латива при именах существительных, ср. *хIеризигу, ца, ихди дурхIнала* **школализи** *кIалабадешличи,* букв. «посмотри-ка на быстроту в школу этих детей», т. е. «как быстро идут в школу», **космослизи** *гьуни* «дорога в космос», *нушачибад* **Дербентлизи** *гьуни агара* «от нас и Дербент дороги нет» и т. д.

В диалектах интер-латив употребляется и при прилагательных и наречиях, ср. *итди* **вацIализи** *гъамли хIербирули саби,* букв. «они в лес близко живут», т. е. «к лесу»; *нушала ши* **вацIализи** *гъамси ши саби,* букв. «наше село в лес близкое село есть», т. е. «к лесу».

Управлять интер-лативом стал и новообразованный от деепричастия послелог **бикайчи** «до» и «до тех пор», ср. *дурхIя* **Сергокъалализи** *бикайчи уси* «ребенок до Сергокалы спал». Управляемость интер-лативом подсказана семантической особенностью глагола, от которого возникло то деепричастие, которое, в свою очередь, трансформировалось в послелог, ср. *бикес* «попасть», *бикайчи* (деепричастие) «до тех пор, пока не попадет», *бикайчи* (послелог) «до». Таким образом, интер-латив в процессе своего развития стал еще приадъективным, приадвербиальным и приослеложным падежом. В этом процессе заметно влияние русского языка. Синтагма **космослизи** *гьуни* «дорога в космос» является калькой с русского, она зафиксирована в газетных заголовках.

Обращает на себя внимание употребление интер-латива при опущенном глаголе, что, как мы думаем, вызвано развитием поэтического стиля даргинского языка, ср. *ши-духIнар сяхIбатличир* **урчилизи** *делхъ дирул,* букв. «в селе на свадьбе в лошадь танец танцующий», *зилантала туйличир* **унцлизи** *далай дучIул,* букв. «в компании ровесников в быка песню поющий» (нар. поэз.).

В выражениях *урчилизи делхъ дирул* и *унцлизи далай дучIул* пропущено причастие *духъари* «стоящий». По-русски эти

выражения следует понимать как «танцующий танец, стоящий лошади», «поющий песню, стоящую быка», т. е. «очень красиво танцующий и поющий» [45]. Очевидно, пропущенное причастие *духъари* восходит к древнему глаголу *духъес* «идти».

Исторически интер-латив развивает синтаксические функции. Изначально существительные в интер-лативе, как правило, выполняли функции обстоятельства места, и это было обусловлено характером семантики субстантивов и глаголов, создававших интер-лативные синтагмы. С втягиванием в сферу интерлативных отношений субстантивов и глаголов, имеющих разнообразные значения, развиваются и иные функции интер-латива. В частности, в сочетании с послелогом *бикайчи* «до» интер-латив выполняет функцию обстоятельства времени со значением «до каких пор», «как долго», ср. *ил нушачив* дуцIрумлизи *бикайчи калун* «он у нас до лета остался» (букв. «в лето»). Это связано с употреблением в интер-лативе наименований отрезков времени. В результате постепенного абстрагирования пространственных отношений путем использования субстантивов и глаголов не интер-лативной семантики существительные в форме интерлатива приобрели функции косвенного дополнения, ср. *нуни иличила* **нешлизи** *хъарбаира*, букв. «я об этом спросил в маму» (т. е. «у мамы»), *нуни* **нешлизи** *ира*, букв. «я в маму сказал», (т. е. «маме») и т. д.

В роли дополнения интер-латив выступает, как правило, в тех случаях, когда в нем оформлены имена одушевленных существ, которые по природе не являются субстантивами пространственной семантики. Кроме того, существительными в интер-лативе, выполняющими роль дополнения, управляют глаголы, связанные с речью: *бурес* «сказать», *викIес* «говорить», *хъарбаэс* «спросить», *вявъэс* «закричать», *гъайэс* «поговорить» и т. д. Все такие глаголы, кроме двух *(бурес* и *викIес),* являются сложными: в них выделяются субстантивы *гъай* «слово», *вяв* «крик», *хъар* «низ» и т. д., возможно, первоначально выполнявшие функции объекта, направляемого в другой предмет. Отсюда становится понятным, почему глаголы речи в даргинском языке управляют интер-лативом. В их основу положены пространственные отношения. Предположение кажется более вероятным, если обратиться к буквальному смыслу следующего предложения: *нуни иличила* **нешлизи** *хъархъардяхъира* «я об этом спросил маму», букв. «я об этом в маму низ верх ударил». Сравним его со значением интер-латива, выражающим проникновение в плотную массу, например: *илини* **някълизи** *дяхъиб,* букв. «он уда-

[45] Данные выражения связаны с тем, что в прошлом хорошему певцу или танцору дарили лошадь или быка.

рил в руку», т. е. «по руке». Буквальный перевод других глаголов речи также позволяет увидеть в них завуалированную на современном этапе семантику пространственных отношений, ср. *хьарбаэс* «спросить», в буквальном переводе означает «донизу добраться», где затемнен глагол движения, имеющий интер-лативную семантику.

В роли дополнения имя в интер-лативе выступает и при каузативных глаголах, ср. *нуни* **итизи** *дила жуз чарбарахъира,* букв. «я в него мою книгу вернуть заставил», т. е. «заставил его».

Возникновение в языке присубстантивного интер-латива породило и определительные функции, ср. *дила* **шилизи** *гьуни зубарта буру,* букв. «в мое село дорогу звезды подскажут» (из нар. песни). В роли определения интер-латив выступает и в топонимическом названии Гіяялизи-*махьи,* букв. «в Ая-хутор», т. е. «хутор, что в Ая» [46] *(в Ая* имеет смысл не «где?», а «куда?»).

С точки зрения истории языка важно возникновение у интерлатива функции сравнения. Более прозрачно такое значение сохранилось в чирагском диалекте, ср. *баркв няхъхълицце цацциццe гІу дамий кьваваллида* «как на ладони колючка, ты мне нравишься», букв. «на ладони в колючку ты мне нравишься», *цацциццe* «в колючку» имеет значение «как колючка». В более завуалированном виде подобное же значение интер-латива отмечается и в литературном языке, ср. *дила эмхІе урчилизи булхъан* «мой осел стоит лошади», букв. «мой осел в лошадь пойдет». В данном случае функция интер-латива напоминает значение русского выражения «он весь в тебя».

Исторические изменения в форме

В современных диалектах даргинского языка показатель интер-латива встречается всего в четырех алломорфах: **-зи/-зе** (диал. акуш. типа); **-цци/-цце** (диал. цудах. типа), которые восходят к прадаргинскому **-дзе**. Как известно, прадаргинский дз в диалектах цудахарского типа перешел в преруптив **цц**, а в диалектах урахинского типа он хотя и сохранился в основном без изменения, но в отдельных случаях мог переходить и в з [47], что и отражено в показателе интер-латива.

Говоря о генезисе и этимологии показателя интер-латива, необходимо отметить, что он является рефлексом показателя старого латива на -д, который был унаследован из общедагестанского праязыка и в таком облике до сих пор сохранился в отдельных наречиях и в некоторых лативных формах тех или иных диалектов. Надо полагать, что этот показатель сопровождался

[46] О значении гІяя см. выше.
[47] Гигинейшвили Б. К. Указ. соч., с. 77.

гласным звуком, о качестве которого мы пока знаем очень мало. Известно только то, что этот исходный гласный, отмечаемый и в других показателях старого латива, на определенном этапе развития даргинского языка выравнялся в -и (в икающих диалектах) и -е (в екающих диалектах). После выравнивания перед гласными переднего ряда -д со временем переходит в -дз, который в зависимости от типов диалектов дал з (диал. акуш. типа) и цц (д-ты цуд. типа).

В отличие от других серий латива интер-латив не имеет материально перекликающегося с показателем и эквивалентного по значению послелога. Это обстоятельство способствует укреплению позиции данного падежа в отличие, например, от суб-латива. В исходной основе интер-латива произошли те же изменения, что и в исходной основе супер-латива (см. выше).

Падеж сближения на -хIи (ин-латив)

Сравнительно-исторический анализ данных современных диалектов даргинского языка позволяет предположить функционирование в прадаргинском языке ин-латива, основным назначением которого было выражение направленности действия в полое ограниченное пространство или вовнутрь пустотелого предмета.

В своем развитии прадаргинский ин-латив подвергся значительным изменениям как в плане содержания, так и в плане выражения. Изменения были настолько глубокими, что в большом количестве диалектов они привели даже к полному исчезновению материальной формы этого падежа.

Исходное семантическое состояние и его изменение в ходе исторического развития.

Первоначальное значение ин-латива — «направленность действия вовнутрь пустотелого предмета» — требовало оформления в ин-лативе имен существительных, обозначающих: а) элементы ландшафта и части тела, способные быть вместилищами чего-либо: *къада* «долина», *чукъла* «яма», *гIями* «дыра», *гIиникъ* «пещера», *кьакьа* «ущелье», *шурай* «пруд», *мухIли* «рот», *кани* «живот» и т. п.; б) предметы бытового и социально-хозяйственного назначения, имеющие полое пространство и являющиеся продуктом деятельности человека: *дярхъ* «сарай», *шанг* «котел», *гажин* «кувшин», *дабри* «обувь», *гавлаг* «мешок» и т. п.; в) некоторые вогнутые и плоские предметы, способные вместить что-нибудь: *тIас* «тазик», *кьулса* «ложка», *кьумур* «поднос» и т. п.

Дальнейшее увеличение удельного веса существительных, способных выступать в форме ин-латива, происходило только

за счет новых слов, имеющих подобную семантику (ср. *кабинаlихIи* «в кабину», *клублихIи* «в клуб» и т. п.). Вовлечение лексем иной семантики, характерное для других серий латива, почти не отмечается, если не учитывать некоторых случаев окказионального употребления.

Не происходит также расширения функции ин-латива. Показатель этого падежа в своем развитии приобрел лишь некоторые словообразовательные способности, например, при помощи показателя ин-латива **-хIи** в современных диалектах даргинского языка образуются деепричастия места и наречия, ср. лит. *вакIибих*Iи «туда, куда пришел», *бузуйх*Iи «туда, где работают», *цIябих*Iи «туда, где темно»» и т. п.

На данном этапе развития языка ин-латив как единица падежной системы находится на грани полного исчезновения. В одних диалектах (губд. и др.) он уже полностью вытеснен интер-лативом или другой серией латива, ср. герг. **кьванилехIе** *чIянкIи кабихьиб* (ин-лат.) «в сундук положили ткань» и **кьванилизе** *гIябул кабяхъиб* (интер-лат.) «в сундук забили гвоздь»; губд. **кьанилизе** *чIянкIи бихьиб* (интер-лат.) «в сундук положили ткань» и **кьанилизе** *гIябул бяхъиб* (интер-лат.) «в сундук забили гвоздь». В других диалектах этот падеж факультативно заменяется интер-лативом, ср. урах. **гажихIи** *шин хьартIа* (ин-лат.) и **гажизи** *шин хьартIа* (интер-лат.) «в кувшин воды налей». Обращает на себя внимание то, что ин-латив может быть заменен интер-лативом или другой серией латива, в то время как интер-латив другой серией латива не заменяется.

В настоящее время лишь в немногих диалектах отмечается четкое разграничение ин-латива и интер-латива, ср. мег. **будукьалехIе** *чIянчIи бихьа* (ин-лат.) «в сундук положи ткань» и **будукьализе** *гIябул бяхъя* (ин-лат.) «в сундук забей гвоздь», герг. **кьванилихIи** *чIянкIи кабихьа* (ин-лат.) «в сундук положи ткань» и **кьванилизе** *гIябул кабяхъя* (ин-лат.) «в сундук забей гвоздь». В обоих этих диалектах, являющихся относительно архаичными, пока еще сохраняется первоначальное состояние.

В отдельных случаях в тех или иных говорах акушинского диалекта ин-латив стал смешиваться с лативом на **-гIи**. Это явление навело исследователей на мысль о существовании в акушинском диалекте и в литературном языке двух самостоятельных лативов на **-хIи** и на **-гIи**. С. Н. Абдуллаев, Ш. Г. Гаприндашвили, Б. С. Сулейманов считают словоформы на **-хIи** и **-гIи** фонетическими вариантами одного и того же падежа и не усмат-

ривают разницы в значениях этих форм[48]. З. Г. Абдуллаев разграничивает падежи на **-гIи** и на **-хIи**. В первом он видит только ин-латив[49]. Причиной разногласий послужило то, что исторически разные серии латива на **-хIи** и на **-гIи** в результате семантической и фонетической близости в ряде случаев стали трудно различаемыми. Фонетическая близость этих серий латива, как будет показано ниже, возникла в результате различных исторических процессов. Кроме того, ин-латив стал заменяться и новообразованной семантически эквивалентной ему послеложной конструкцией, ср. **кьанилихIи** *кабихьа* (ин-лат.) «положи в сундук» и **кьанила бухIна** *кабихьа* «вовнутрь сундука положи».

На ослабление позиции ин-латива заметное влияние оказало появление в языке глаголов, имеющих ин-лативную семантику. Такие глаголы образуются при помощи омонимичного с послелогом преверба **бухIна** «вовнутрь», ср. **бухIна***бухъун* «вошли». Подобные глаголы стали передавать ин-лативные отношения, выражаемые прежде падежной формой существительных. Следовательно, деградации местных падежей способствует и то, что некоторые пространственные отношения в языке начинают выражаться производными при помощи локальных превербов глаголами. Таким образом, вымиранию ин-латива способствовал ряд причин.

Исторические изменения в плане выражения

В прадаргинском языке ин-латив был представлен форматом **-хIи (-хIе, -хIа)**. Неясным остается только качество гласного элемента этого показателя. Согласный элемент **-хI-** как показатель ин-латива хорошо сохранился в ряде диалектов. Он ныне функционирует, сохраняя без изменения свою семантику, в мегебском и в исторически близких к нему говорах мугинского диалекта, ср. муг. *картошка* **сумкалехIе** *дихьиб* и герг. *картушка* **сумкалехIе** *кадихьиб* «картошку в сумку положили» и т. п. В других же диалектах исходный **-хI-** в формах падежей модифицировался, но хорошо сохранился в наречиях и деепричастиях. Например, в мургукском говоре в формах падежей согласный элемент ин-латива **-хI-** утерян, но удержался в наречиях и деепричастиях, ср. **сумкалеэ** (← **сумкалехIе**) «в сумку» и **гьишахIа** «сюда», **гьитахIа** «туда», **асиблахIа** «туда, откуда взял», **шалалахIа** «туда, где светло» и т. п.

[48] См.: Абдуллаев С. Указ. соч., с. 117—126; Гаприндашвили Ш. Г. Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка, с. 285; Сулейманов Б. С. Указ. соч., с. 91—106.

[49] Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 186.

В левашинском говоре по характерному для него закону перехода **хI** в **гь** согласный элемент показателя соответственно преобразован в **гь** (ср. лит. **курлихIи**, лев. **курлигьи** «в яму»), в цудахарском говоре он озвончился (ср. **курлегIе**), в некоторых же говорах вообще выпал (ср. мург. **куллеэ** ← **куллехIе**). Выпадение согласного элемента факультативно отмечается и в цудахарском диалекте, ср. герг. **курлехIе** и цуд. **курле** (← **курлее** ← **курлегIе**) «в яму». Исходный показатель ин-латива плохо сохранился в диалектах цудахарского типа, где в функции этого падежа обычно выступает один из форматов старого латива, ср. куб. **кисана** или **кисан** «в карман», **гьаламле** «в мешок», кайт. **кьванан** (← **кьванана**) «в сундук» и т. п.

Своеобразный факультативный показатель ин-латива **-хIана** представлен в урахинском диалекте, ср. **гавлаглихIана** «в мешок». Отмечается он и в наречии лит. языка **цахIна** «вместе» (←ца-хIана, букв. «одно+вовнутрь»), где его можно разделить на две части: **-хIа** (показатель ин-латива) и **-на** (показатель старого латива). Видимо, этот сложный показатель является частью или неклассным вариантом показателя современного послелога **бухIна** «вовнутрь». Послелогу и превербу **бухIна** диалектов урахинского типа в кубачинском диалекте соответствует преверб **бена** (видимо, ← **биана** ← **бихIана** ← **бухIна**), ср. бен*кабихьхьа* «положи вовнутрь». Последнее обстоятельство дает право предположить существование ин-латива с показателем **-хIана** и в диалектах цудахарского типа, в частности, в кубачинском и кайтагском, где в результате различных фонетических изменений он значительно преобразовался. В первую очередь надо иметь в виду, что согласный элемент **-хI-** этого показателя в соответствии с процессом, имевшим место в истории кубачинского и кайтагского диалектов[50], выпал, что вызвало целый ряд других фонетических изменений, ср. куб. **кисан** (← **кисана** ← **кисана** ← **кисана** ← **кисахIана**) «в карман», кайт. **кьванан** (← **кьванани** ← **кьванани** ← **кьванаани** ← **кьваниани** ← **кьванахIани**) «в сундук».

Надо полагать, что в качестве показателя ин-латива в этих диалектах мог выступать, как и в урахинском, простой показатель **-хIе/-хIи**, не осложненный показателем **-на/-ни**. В таком случае форма ин-латива после выпадения **-хI-** сравнялась с исходной основой — формой старого латива на **-ле/-ли** или на **-и/-е**, ср. куб. **гьаламле** (← **гьаламле** ← **гьаламле** ← **гьаламлие** ← **гьаламлихIе**) «в мешок». Аналогичные изменения произошли и в цудахарском диалекте, где факультативно употребляются две равные формы ин-латива, ср. **курлегIе** и **курле** (← **курле** ← **курлее** ← **курлегIе** ← **курлехIе**) «в яму». Здесь надо иметь в виду,

[50] Магометов А. А. Указ. соч., с. 38.

что долгие гласные в исходе словоформы не сохранились в отличие от начальных долгих корня. В ряде говоров в результате выпадения интервокальных **гI** и **хI** совпали показатели двух разных серий латива, ср. мург. **кьванъилеэ** (← **кьванъилехIе**) «в сундук» и **цIалеэ** (← **цIалегIе**) «у огня». Отмеченные изменения в форме выражения сделали ин-латив малоинформативным, что, разумеется, еще больше пошатнуло его позиции.

К этимологии показателя -хIи. Показатель **-хIи** как в семантическом, так и в материальном отношении достаточно хорошо увязывается с предлогом **бухIна** «вовнутрь», являющимся, по всей видимости, формой архаичного латива существительного, поскольку в нем четко выделяется показатель старого латива **-на**. Остается выяснить этимологию исходной основы старого латива **бухI-**. С этой целью обратим внимание на то, что данная основа является классной и в ней выделяется живой классный показатель (ср. **в-ухI-на** — I кл., **р-ухI-на** — II кл., **б-ухI-на** — III кл., **д-ухI-на** — истор. IV кл. или форма мн. ч. III кл.). В даргинском языке изменяющимися по классам существительными, как правило, бывают названия частей тела. Однако в числе этих названий в современном даргинском языке нет слова, полностью совпадающего с основой **бухI-**. Остается признать, что **бухI-** является архаичной формой одного из функционирующих ныне классных существительных даргинского языка. В этом отношении наиболее близким к рассматриваемой основе является современное классное существительное **барг** «нутро» (**варг** — 1 кл., **рарг** — II кл., **дарг.**— ист. IV кл.). Если иметь в виду, что многие послелоги и показатели серий латива в даргинском языке возникли из названий частей тела, то можно заключить, что послелог **бухIна** является формой архаичного латива существительного **барг** «нутро», которое в прошлом могло функционировать с наибольшими семантическими и фонетическими изменениями и в виде **баг** в диалектах цудахарского типа (ср. куб. **баг** «середина»), **баъ** в диалектах урахинского типа (ср. урах. **байъ** «середина»). В таком случае в диалектах урахинского типа слово **баъ** в старом лативе должно иметь форму **буъна**, которая со временем и приняла облик **бухIна** или **бухIана** «в нутро». Здесь необходимо учесть как явление аблаута (**а** → **у**), отмечаемое при образовании старого латива (см. выше), так и появление **хI** вместо **ъ**. Таким образом, современный показатель ин-латива **-хIи** проецируется на корневой **г** классного слова **барг** «нутро». Здесь необходимо иметь в виду, что **хI** не является прямым рефлексом корневого звука. Он, по всей видимости, оказался возместительным звуком какого-либо исчезнувшего заднеязычного или гортанного согласного, который потерял окраску и оставил

один приступ, как раз и восполненный впоследствии согласным хI.

Следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Классный послелог *бухIна* мог функционировать в деклассировавшемся виде, как хIана, который хорошо сохранился в урахинском диалекте. Думается, что именно на основе последнего варианта сформировалось окончание ин-латива -хIи/-хIе.

Падеж сближения на -гIи, на -шшу/-чу (конт-латив)

В современных диалектах даргинского языка отмечаются две формы конт-латива: на -шшу/-чу и на -гIи. Остановимся на каждом из них в отдельности.

Конт-латив на -шшу/-чу

Во всех современных диалектах даргинского языка за некоторым исключением фиксируется такая серия латива, как конт-латив, основное назначение которого заключается в выражении приближения одного предмета вплотную к другому.

Значение этого падежа можно было бы передать не характерным для русского языка сочетанием двух предлогов в виде «к-около кого-то», «к-около чего-то», «к-у кого-то», «к-у чего-то». Семантическая однотипность содержания и материальное сходство показателей, отмеченных во всех диалектах, позволяют восстановить данный падеж и для прадаргинского языкового состояния. При этом необходимо иметь в виду, что этот падеж в процессе своего развития претерпел известные изменения, а в ряде диалектов вообще исчез. Так, в кайтагском диалекте он был вытеснен функционально близким к нему пре-лативом, который стал совмещать и функции конт-латива. В акушинском диалекте (соответственно и в современном литературном языке) в результате ряда фонетических процессов он формально совпал с другим, семантически близким к нему падежом — супер-латимом. Первоначально в акушинском диалекте конт-латив и супер-латив в плане выражения, несомненно, противопоставлялись довольно четко и выглядели, как полагаем, в виде: **нешличу** «к маме» (конт-лат.) и **нешлики** «на маму» (супер-лат.). Со временем, согласно закону палатализации заднеязычных, имевшему место в истории акушинского диалекта, показатель супер-латива **-ки** перешел в **-чи**[51], в результате чего он стал звучать довольно близко к показателю конт-латива **-чу**. Первоначальный

[51] Гаприндашвили Ш. Г. Фонетика даргинского языка, с. 252.

показатель **-ки** хорошо сохранился во многих диалектах, ср. муг. *нешлики* «на маму» и *нешличу* «к маме». Смешению конт-латива и супер-латива способствовала большая семантическая близость обоих падежей. На современном этапе они даже взаимозаменяемы, ср. мург. *илхIале ну* **хIеркIлике** (супер-лат.) *каилле*, букв. «тогда я на реку дошел», т. е. «до реки» и *илхIале ну* **хIеркIличу** (конт-лат.) *каилле* «тогда я до реки дошел». Аналогичная семантическая близость конт-латива и пре-латива, разумеется, отмечалась и в кайтагском диалекте, где первый был вытеснен последним. Наконец, данный падеж в своем историческом развитии заметно расширил и видоизменил свои функции, о чем и пойдет речь в следующих параграфах.

Исторические изменения в содержании конт-латива на -шшу/-чу

Семантические предпосылки зарождения конт-латива. Изначальное и единственное исходное значение конт-латива связано с выражением предмета, к которому вплотную приближается другой предмет. Поэтому полагаем, что конт-латив первоначально употреблялся исключительно с глаголами движения и при этом исполнителем действия был одушевленный предмет. Кроме того, имя, принимающее форму конт-латива, также должно было обозначать предмет определенного рода. В частности, необходимо было, чтобы такой предмет был объемным, наподобие человека, животного, дерева, столба, дома, булыжника и т. п., способным выделяться на поверхности земли своим вертикальным положением. Сказанное подтверждается фактами из современного даргинского языка. Так, в современном даргинском языке с управляющими конт-лативом глаголами нельзя употребить супер-латив, управляющий обычно словами, обозначающими плоские предметы или предметы, имеющие плоскую поверхность, в то время как в конт-лативе могут оформиться и наименования плоских предметов. Нельзя сказать, например, **юртлике** *гъамира*, букв. «на дом приблизился» (мург.), но можно сказать **хIеркIлике** *саилра*, букв. «на реку дошел», «к реке подошел» (мург.)

Кроме того, как будет показано, формант конт-латива этимологически восходит к понятию «бок», «сторона». Это свойственно вертикально выделяющимся предметам, и в особенности одушевленным.

В форме конт-латива, как правило, в современном даргинском литературном языке не выступают абстрактные существительные.

Расширение функций. В процессе исторического развития конт-латива происходит расширение системы функций, выполняемых этим падежом. В первую очередь можно указать на

расщепление исходного значения, вместо которого появились два дифференцированных значения. Первое связано с обозначением предмета, к которому по горизонтали вплотную приближается или подходит другой предмет, выступающий либо как субъект, либо как объект действия. В таких случаях основной целью направленности действия является приближение одного предмета в пределах пространственной досягаемости другого предмета, ср. **нешличу** *вакIира* «пришел к маме» и **нешличу** *кабихьира,* букв. «к маме положил», т. е. «положил к маме на время или на хранение». Второе значение отражает предмет, являющийся пределом продвижения в пространстве по горизонтали (либо прямой, либо наклонной) другого предмета. Целью направленности действия является приближение одного предмета (субъекта или объекта) к другому только на определенное расстояние как достижение известного предела, границы и не дальше, ср. *ну* **нешличу** *саилра* «я дошел до мамы», *иш гавлаг хIуни ит* **тIайчу** *бетаахъа* «этот мешок ты до того столба донеси» (мург.). Появление второго значения способствовало употреблению в форме конт-латива субстантивов, обозначающих и плоские предметы, ср. *ит* **тугъличу** *ретаайке дуцIрухъен* «добеги до той линии» (мург.), что значительно увеличило удельный вес субстантивов, выступающих в конт-лативе.

В результате развития языка путем метафорического употребления слов значительно расширился и стал более разнообразным круг глаголов, способных управлять конт-лативом, ср. **хIачу** *чарсяхъяб* «к тебе повернулся» (муг.), **дичу** *лайсадакIа* «ко мне брось» (мург.) и т. д.

В своем истоке конт-латив выражал исключительно пространственные значения, но со временем он приобрел способность выполнять и иные функции. Например, в урахинском диалекте он выражает и временное значение, ср. **бархIехъличу** *цакьадар бугIярбиб* «к вечеру немножко похолодало». В этом же диалекте конт-латив сохраняет и приобретенное им в свое время комитативное значение, ср. *гьил* **пикриличу** *вакIиллив хIу дичу?* «с этой мыслью ты ко мне пришел?». Здесь надо иметь в виду, что в урахинском диалекте не оформился комитатив. Его функции, как и в прошлом, до сих пор совмещает конт-латив. Правда, в таких случаях он стал употребляться больше с новообразованным послелогом **барх** «вместе» (ср. **удзичу варх** «с братом»).

Сравнительно новым для конт-латива является выражение атрибутивных отношений, ср. **бадзличу** *гьуни халаси саби* «до луны дорога длинная есть (мург.); *ма, иш* **хIачу** *кагъар,* букв. «на, к тебе письмо». Сходные функции конт-латива в основном отмечаются в газетных заголовках, что, как думаем, говорит об их возникновении под влиянием русского языка. Свое дальней-

шее развитие конт-латив получает и в количественном расширении типов управляющего слова. Не вызывает сомнения, что изначально конт-латив был только приглагольным. Со временем им стали управлять существительные (урах. **узичу** *кагъар* «к брату письмо»), наречия (**нешличу** къалабали, нуни селра балуси агара, букв. «к маме быстро, я ничего не знаю», т. е. «я ничего не знаю, потому что тороплюсь к маме») и прилагательные (**нешличу** *къалабаси адам хIейалли,* букв. «к маме быстрый человек», т. е. «к маме стремящийся человек»). Причиной, способствовавшей появлению приименного конт-латива, как было отмечено, является влияние русского языка на развитие книжного стиля даргинского языка. Принаречное и приадъективное употребление конт-латива продиктовано тем, что отмеченные наречия и прилагательные по своей семантике очень близки к словам категории состояния, заключающим в себе и признаки глагола, точнее деепричастия. Кроме того, здесь важную роль сыграло и стяжение, при котором пропущен подразумеваемый вспомогательный глагол «быть». Так, например, приведенные выше наречная синтагма **нешличу** *къалабали* и атрибутивная **нешличу** *къалабаси* мыслятся как **нешличу** *къалабали сайли,* букв. «к маме быстро будучи» и **нешличу** *къалабаси сайси,* букв. «к маме быстрый бывающий». Кроме того, в урахинском диалекте конт-латив управляем послелогом **барх** «с», «вместе». Такая послеложная конструкция выражает значение комитатива, ср. **рудзихьичу дарх** *шагьаллизи дикьвянна,* букв. «к около сестры вместе в город пошла», т. е. «с сестрой в город пошла». Конт-латив сочетается и с послелогом *бикайке* (мург.). Такая послеложная конструкция имеет значение конечного пункта пространственной протяженности, ср. *гьит* **галгаличу** *бетаайке хъу нушала саби* «до этого дерева поле наше». Способность отмеченных послелогов управлять конт-лативом детерминирована природой того глагола, от которого они произошли. Как известно, послелог **бикайке** одновременно является и деепричастием, образованным от глагола *бикес* «попасть». Послелог **барх**, сочетающийся с конт-лативом в урахинском диалекте, одновременно является и наречием, образованным от глагола *бархес* «зацепиться». Относительная молодость рассматриваемых послелогов говорит о том, что послеложное управление конт-лативом является новообразованием, возникшим сравнительно недавно.

Необходимо остановиться еще на одном факте, свидетельствующем о расширении функциональных способностей показателя **-чу**. Имеется в виду приобретение этим показателем словообразовательной функции. В урахинском диалекте показатель **-чу** сочетаясь с теми или иными основами глагола, образует деепри-

частие времени со значением «как только», ср. *хIу* **вакIибичу**, *ит арикьвян* «он ушел, как только ты пришел».

Сохранение недифференцированного состояния конт-латива, конт-эссива и комитатива. Общепризнано, что эссив даргинского языка оформился на базе латива. Аналогичным, как это будет показано ниже, является происхождение и комитатива. Однако в ряде диалектов до сих пор сохраняется древнее состояние языка, которое выражалось в недифференцированности латива, эссива и комитатива и в совмещении лативом функций эссива и комитатива. Совмещение конт-лативом конт-эссивных функций при отсутствии их формального выражения наблюдается в губденском говоре, ср. губд. *рурси* **нешичу** *ракIиб* «девушка к маме пришла» и *рурси* **нешичу** *сари*, букв. «девушка к маме есть» — при *рурси* **нешличу** *ракIиб* и *рурси* **нешличур** *лер* в мекегинском говоре. Выполнение комитативных функций конт-лативом при отсутствии оформленного комитатива отмечается в урахинском диалекте, ср. *ну* **рудзичу дарх** *шагьаллизи дикьвянна* «я вместе с сестрой в город поехала» и *ну* **рузичу** *дикьвянна* «я поехала к сестре» — при *ну* **рудзичал рарх** *шагьарлизе рякьунра* и *ну* **рудзичу** *рякьунра* в мекегинском говоре. Отмеченные случаи недифференцированности латива, эссива и комитатива являются следами некогда пережитого даргинским языком состояния и особенностей функционирования падежной системы.

Зачатки тенденций к ослаблению позиций конт-латива и их предпосылки. Ввиду большой семантической близости к некоторым сериям латива конт-латив в ряде случаев ослабил свои позиции. Одним из проявлений такого процесса являются отмеченные выше случаи вытеснения этого падежа в отдельных диалектах: пре-лативом — в кайтагском и супер-лативом — в акушинском. Отмечены также факты замены конт-латива историческим пост-лативом, ср. урах. **цIаличу** *итаараши дуцIухъин* и **цIалигIи** *итаараши дуцIухъин* «добеги до огня». Заменяется конт-латив и генитивными послеложными конструкциями, ср. урах. **дичу** *ваши* «иди ко мне» и **дила шӀулгIи** *ваши*, букв. «в мое около иди», **дила мякьли** *ваши*, букв. «в мое вблизи иди», **дила гьишкIу** *ваши*, букв. «в мое сюда иди», т. е. «иди ко мне». Естественно, все это ослабляет позиции конт-латива.

Исторические изменения в форме конт-латива на -шшу/-чу

В современных диалектах отмечаются три алломорфных показателя конт-латива: -шу, -шшу и -чу, которые являются рефлексами исторического показателя -шу, сохранившегося в мегебском говоре (ср. *рузи*-шу «к сестре»). Показатель -шшу отмечается в говорах и диалектах цудахарского типа, а показатель -чу

— в говорах и диалектах акушинско-урахинского типа, ср. урах. *рудзи*чу и цуд. *руцци*шшу «к сестре».

Первоначально в прадаргинском языке конт-латив имел показатель -шу, который соответственно в диалектах цудахарского типа под воздействием закона геминации спирантов, действовавшего в истории этих диалектов, трансформировался в -шшу, а в диалектах акушинско-урахинского типа после утери лексического значения по субституции для большей формализации перешел в -чу. Начало этого процесса в настоящее время отмечается в законсервировавшемся мегебском диалекте, где функционируют оба эти варианта, ср. *рузи*шу и *рузи*чу «к сестре». Реконструкция исходного показателя конт-латива именно в виде -шу обосновывается фонетической близостью последнего со словом, к которому он этимологически восходит. Таким словом, как мы полагаем, было существительное **шали** «бок», «сторона», которое звучало раньше примерно как **шул** (ср. **шул**-*ри* «бока», «стороны», **шул**-*гIи* «рядом». Со временем это слово, в силу своей соотносимости почти со всеми конкретными существительными, превращается в послелог, который, в свою очередь, как и другие аналогичные послелоги в подобных ситуациях, стал окончанием. Необходимо иметь в виду, что этот послелог внешне не был таким, как современный послелог **шулгIи** «рядом», который также образовался от слова **шали** «бок». Современные пространственные послелоги, в отличие от их древних прототипов, оформились в лативе, приняв его окончание. В окончания латива превратились именно те древнейшие варианты таких послелогов, которым в силу своей грамматической неоформленности было легче превратиться в окончания.

Конт-латив на -гIи

В литературном языке и в ряде диалектов отмечается функционирование конт-латива на **-гIи**, который выражает также направленность действия к окрестности «к+около» или «у чего-то», ср. лит. **цIалигIи** *кайиб* «подсел к огню» (букв. «у огня», «около огня»). Конт-латив на **-гIи**, как полагаем, является следствием существовавшего в прадаргинском языке наряду с конт-лативом на **-шшу** другого конт-латива, очевидно, имевшего показатель **-кье**/**-гIе**. Как выясняется, необходимость функционирования двух внешне различавшихся конт-лативов обусловлена семантикой субстантивов, вступающих в конт-лативные отношения: конт-латив на **-гIи** употребляется только по отношению к неодушевленным и конкретным предметам. В конт-лативе на **-шшу**, **-чу** (← **шу**) в основном оформляются существительные, обозначающие одушевленные предметы. Такая дистрибуция вытекает

из того, что показатель конт-латива одушевленных существительных возник из названия части тела (в данном случае это существительное *шали* «бок»), а показатель конт-латива неодушевленных существительных — из названия части предмета (в данном случае, как будет показано ниже, из слова *мякь* «ствол»).

Судя по основному значению, конт-латив на **-гIи** первоначально употреблялся с глаголами движения, и в конт-лативе на **-гIи** оформлялись субстантивы неодушевленной и конкретной семантики, которые обозначали предметы, способные выделяться на поверхности земли своим вертикальным положением (типа дерева, булыжника, дома и т. п.).

Такое положение в некоторой степени сохраняется и в современном даргинском языке. Так, например, в конт-лативе на **-гIи** не употребляются слова *чIябар* «пол», *хIеркI* «река», но зато употребляются слова, обозначающие вертикальные предметы *унза* «дверь», *бяхI* «стена», чтобы выразить понятие «у двери» *(унзалигIи)* и «у стены» *(бяхIлигIи)* и т. п. Кроме того, в конт-лативе на **-гIи** не выступают слова абстрактной лексики.

В процессе развития языка конт-латив на **-гIи**, хотя и незначительно, расширил свои функции. В частности, например, в конт-лативе на **-гIи** стали оформляться существительные, называющие место, где совершается действие. При этом в конт-лативе оформляется имя, обозначающее то, что подвергается определенному действию или процедуре, ср. *тIутIилигIи* «на уборку винограда» (*тIутIи* «виноград»), *муралигIи* «на сенокос» (*мура* «сено»), *арцIилигIи* «на прополку» (ср. *арцIи* «сорняк») и т. п.

Конт-латив способствовал формированию даргинской микротопонимии, ср. *Хуламиглеэ (← ХуламиглигIи*, букв. «к+около большого дуба» — сел. Мургук), *Угъламбейлигlи* (сел. Маммаул), *КармагIи*, букв. «к+около печек» — сел. Сергокала) и т. п.

Семантическая обусловленность применения конт-латива на **-гIи** способствовала формированию системы наречий путем лексикализации отдельных словоформ конт-латива (ср. *хъайгIи «домой»* и *хъали* «дом»).

Показатель конт-латива со временем стал принимать участие в образовании наречий от прилагательных, ср. *гъамигIи* «близко» (букв. «туда, куда близко») и *гъамси* «близкий», *гьарахъигIи* «далеко» (букв. «туда, куда далеко») и *гьарахъси* «далекий».

Если в своем истоке конт-латив на **-гIи** был исключительно приглагольным, то со временем стал употребляться с наречиями (ср. **унзалигIи** *гъамли тIашизур* «остановился близко к двери») и прилагательными (ср. **унзалигIи** *гъамси мер* «близкое к двери место»).

Судьба конт-латива на **-гIи** в диалектах не одинакова. В диалектах цудахарского типа, например, он не получил развития и деградировал. Это было обусловлено как фонетическими процессами, которые ослабили его манифестацию, так и содержательными особенностями, характеризующими данный падеж слабым семантическим противопоставлением другим сериям латива. Последнее давало возможность в тех или иных случаях заменять конт-латив пре-лативом, пост-лативом и конт-лативом на **-шу**. Так, конт-латив на **-гIи** литературного языка заменяется в кайтагском диалекте историческим пре-лативом на **-са** (ср. лит. *цIалигIи* и кайт. *цIалса* «к+около огня», «у огня»), в цудахарском — старым лативом на **-ле** (ср. лит. *цIалигIи* и цуд. *цIале* «около огня»), в кубачинском — конт-лативом на **-шшу** (ср. *цIалишшу* «к огню»), в губденском — конт-лативом на **-чу** (ср. губд. *цIаличу* и лит. *цIалигIи*), в мегебском диалекте — конт-лативом на **-шу** (ср. мег. *цIалишу* и лит. *цIалигIи*). Случаи употребления неодушевленных существительных в конт-лативе на **-шшу**/**-чу** являются следствием индуцирующей роли одушевленных субстантивов в формировании системы словоизменения. Начало ослаблению семантического противопоставления конт-латива было положено употреблением в форме конт-латива новых существительных разных значений, недостаточно удачных для передачи конт-лативных отношений.

Говоря о фонетических процессах, способствовавших деградации конт-латива на **-гIи**, надо иметь в виду следующее. Согласный элемент **-кь-** восстанавливаемого показателя конт-латива в процессе исторического развития подвергся значительным изменениям. В акушинском говоре он был заменен звуком **-гI-**. Такая замена отмечается и в других случаях, ср. муир. *дякь* и акуш. *дягI* «тропинка». В отдельных говорах и диалектах этот согласный исчез, оставив после себя лишь незначительный возместительный приступ, ср. мург. *цIалеъэ* (← *цIалегIе*) «к огню». В диалектах цудахарского типа, особенно в кубачинском и кайтагском, где звуки **гI** и **хI** не получили дальнейшего развития, а наоборот, подверглись редукции, не сохранился показатель конт-латива **-гIи**/**-гIе**. Таким образом, в плане выражения конт-латив неодушевленных существительных в результате различных фонетических изменений в одних диалектах (кайтагском, кубачинском и т. д.) исчез, в других (мургукский и т. д.) совпал с ин-лативом (ср. лит. *цIалигIи* «к огню» и мург. *цIалеъэ; лит. кьанилихIи* «в сундук» и мург. *кьванъилеэ*). В тех же диалектах, где в настоящее время функционируют конт-латив на **-гIи** и ин-латив, отмечается смешение в употреблении этих падежей, что вызвано, во-первых, определенным фонетическим сходством их показателей (ср. **-хIи** и **-гIи**), во-вторых, близостью содержательных

сторон. Распаду конт-латива на **-гIи** способствует также новообразованная, семантически тождественная данному падежу послеложная конструкция типа «ген.+**мякьла**», ср. *цIалигIи* «около огня» и *цIала мякьла*, букв. «огня-вблизи».

Послелог *мякьла* представляет собой форму старого латива существительного *мякь* «корень», «ствол», из которого, как полагаем, возникло и окончание конт-латива **-гIи**. Достаточно далеко разошедшиеся в плане выражения слово *мякь* и морфема *-гIи* обнаруживают свою былую материальную близость при сравнительном анализе. Предполагается, что *мякь* сохранило свое прадаргинское звучание, в котором **-кь** является корневым согласным, а **м(я-)** — окаменелым классным показателем. Согласный **-кь** как показатель латива ныне отмечается в послелоге *гьаракье* «вперед» мегебского диалекта. Случаи перехода этого согласного в гI мы можем видеть в звукосоответствии кь—гI, отмечаемого при сопоставлении слов урахинского и акушинского диалектов, ср. урах. *мякьли* и акуш. *мягIла* «рядом». Следовательно, согласный показателя **-гIи** является рефлексом согласного корневого **кь**, отмечаемого ныне в слове *мякь* «ствол», «корень».

Падеж сближения на -гьа,-са,-та (пре-латив)

Есть основания предположить, что в прадаргинском языке функционировала серия латива, имеющая значение направленности действия к передней части чего- или кого-нибудь, т. е. пре-латив. Эта серия хорошо сохранилась в ряде современных говоров и диалектов даргинского языка. Если до сих пор существование такого падежа отмечалось чаще в кубачинском диалекте [52], то специально проведенные в этом плане поиски показали, что пре-латив функционирует и в говорах сиргинского и муиринского диалектов, ср. карбач. **диса** *кайцци* «передо мной встань», кирд. **бяхIлигьа** *кайцци* «перед стеной становись» и т. п.

В некоторых же диалектах сохранившаяся форма исторического пре-латива изменила свою семантику. В кайтагском диалекте, например, в настоящее время она в основном выполняет функции конт-латива, ср. *ду* **риццулса** *червихIявда* «я к сестре вернулся». Значительно завуалировано исходное значение пре-латива в бутринском и цудахарском диалектах. В пре-ративе оформляются в основном конкретные существительные и местоимения. Случаи же функционирования в пре-ративе слов абстрактной семантики не отмечаются, что указывает на то, что прадаргинский пре-латив не развил свои функции. Более того, в большинстве современных диалектов даргинского языка он

[52] Магометов А. А. Указ. соч., с. 114.

уже не функционирует. Не знают пре-латива, например, литературный язык и значительное количество современных диалектов акушинско-урахинского типа, в которых функции пре-латива выполняет послеложная конструкция типа «ген.+гьала», ср. лит. **бяхIла гьала** *кайзи,* букв. «стены впереди становись» и кищ. **бяхIлигьа** *кайцци* «перед стеной становись» и т. п.

Деградировавший пре-латив оставил в ряде случаев свои следы в топонимике. Бывшие пре-лативные словоформы нарицательных существительных превратились в топонимические названия, которые в современном даргинском языке в основном выполняют функции местного падежа, отвечающего на вопрос «куда?», ср. *Шурагьа* «в Шуру», т. е. «в Темир-Хан-Шуру» (*шурагьа* «к передней части пруда» — при *шурай* «пруд»), *Ургьарагьа* (название местности в сел. Мургук; этимология *Ургьара,* давшего форму пре-латива, не ясна), *Сирагьа* (название села в Сергокалинском районе; этимология *Сира,* давшего также форму пре-латива, не понятна), *Шилягьи* (название села в Кайтагском районе; возможно от *шуригьа* «перед скалой») и т. п. Аналогичное происхождение, видимо, имеет и слово *гумагьа* «на годекан», «годекан» (муир.), ср. лезг. *кким* «годекан».

Деградации пре-латива, видимо, способствовало, в первую очередь, развитие в языке других частей речи, имеющих пре-лативную семантику. На базе той же лексемы, ставшей окончанием пре-латива (видимо, уже после его становления), возникают наречия-послелоги и глаголы пре-лативной семантики, ср. лит. *гьала,* сирг. *сала,* куб. *тала* «вперед», «к передней части», ср. *гьабуцес* «подать» (букв. «пред-держать»), *гьалабихьес* «предложить» (букв. «впереди положить»), *гьалабухъес* «обогнать» (букв. «впереди пойти»), *гьалабарес* «предпочесть» (букв. «впереди-сделать») и т. п. Как показывают факты, выражение пре-лативных отношений от падежных форм имени постепенно перешло к подобным глаголам. Возникновение послелогов и глаголов пре-лативной семантики сделало необязательным оформление субстантива в пре-лативе, ибо такие глаголы и послелоги сами стали носителями этой семантики. Поэтому существительные при них стали оформляться и в других падежах: при послелогах — в генитиве, а при глаголах — либо в пре-лативе (в тех диалектах, где пре-латив еще сохранился), либо в другой серии латива (в тех диалектах, где пре-латив не сохранился), ср. куб. **лакьу лита** *тIамсса такахьхьва* «перед люлькой ковер постели» (букв. «перед люлькой ковер перед положи»), кищ. **бяхIлигьа** *гьабихьа* «положи перед стеной» (букв. «перед стеной перед-положи»), лит. **бяхIла гьала** *кабихьа* (букв. «стены впереди положи») и т. д.

Дальнейшее затухание пространственных пре-лативных значений обусловило возможность употребления при глаголах с приставкой **гьала-** других падежей, в частности, датива, ср. *ит наб гьалавакIиб* «он меня встретил» (букв. «он мне впереди пришел»), *ит* **дигьа** *гьалавакIиб* (букв. «он передо мной впереди пришел»).

Этимологически связанными с элементом **гьа-** являются, очевидно, и следующие слова: лит. *гьанна* «сейчас» (видимо, *гьан-* «впереди», ср. мург. *гьанахIа* «сейчас»), мург. *гьанаке* «близко», *гьанбикиб* «вспомнил» (← *гьан* + *бикиб* «попалось», букв. «впереди попалось»).

Из примеров становится очевидным, что деградация пре-латива происходила, во-первых, путем его замены послеложной конструкцией или другими сериями латива и, во-вторых, путем реинтерпретации содержательной стороны и одновременного приобретения формой пре-латива иных функций.

В плане выражения в зависимости от диалектов пре-латив представлен показателями: **-та** (куб. *лакьуйлита* «перед люлькой»); **-са** (кайт. *абаса* «перед мамой»); **-гьа** (кищ. *абагьа* «перед мамой»). Данные морфемы в таком же облике содержатся и в послелогах, ср. куб. **тала**, ицар, **сала**, кищ. **гьала** «впереди». Алломорфы пре-латива **-та**, **-са**, **-гьа** являются генетически родственными. Расхождение в звучании согласного элемента — результат исторических фонетических процессов. Звукосоответствие т (куб.)— с (сирг.)— гь (кищ.) широко представлено и в других случаях, ср. куб. т*име*, сирг. с*ими*, кищ. гь*ими* «желчь» [53]. В соответствующей литературе сказано, что исконный прадаргинский с в урахинском диалекте в ряде случаев переходит в гь[54]. Неясным остается хронологическое соотношение сиргинского с и кубачинского т в случаях: сирг. с*ими* и куб. т*име* «желчь». Трудно выяснить этимологию показателей **-гьа**, **-са**, **-та**. Если показатели других серий латива более или менее легко этимологически возводятся к тем или иным названиям частей тела, то форманты пре-латива **-са**, **-гьа**, **-та** материально трудно увязываются с современными названиями частей тела, имеющими семантическое родство со значением пре-латива или послелога *сала/гьала/тала* «впереди». В ряде родственных языков эта близость выступает довольно прозрачно даже на современном уровне, ср. лезг. *вилик* «впереди» и *вил* «глаз». В некоторой степени окончание пре-латива **-гьа** в диалектах урахинского типа материально перекликается с корневым звуком слов *бя-***хI** «лицо»

[53] Более подробно об этих звукосоответствиях в диалектах даргинского языка см.: Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 278, 285.

[54] Бокарев Е. А. Указ. соч., с. 91.

и хI-*ули* «глаз». При этом надо иметь в виду и некоторые другие обстоятельства. Во-первых, понятия «лицо» и «глаза» в даргинском языке исторически могли выражаться одним и тем же словом. Видимо, неслучайно совпадение корневого согласного современных слов даргинского языка, обозначающих эти понятия, ср. *бя*-хI «лицо» и хI-*ули* «глаз». Во-вторых, в слове *бя*-хI «лицо» отмечается живой классный показатель, который при семантическом изменении слова легко нейтрализуется либо путем окаменения (ср. *бяхI* «стена», «склон горы», «страница»), либо путем выпадения (ср. хI*ули* *(← дя*-хI*ули)* «глаз»). В-третьих, звуки гь и хI без труда могут замещаться по субстиции (ср. мург. *дархIа «сын»*, «детеныш» и кайт. *даргьа; лит. хIули* «глаз» и леваш. *гьули)*. Таким образом, в диалектах акушинско-урахинского типа показатель пре-латива -гьа материально увязывается со словами *бяхI* «лицо» и хI*ули* «глаз». Однако такую связь очень трудно проследить на современном этапе в кубачинском и сиргинском диалектах. Кроме того, решению данного вопроса мешает отсутствие восстановленного прадаргинского или прадагестанского звучания данных слов.

Падеж сближения на -гь/-гьа,-гьира (пост-латив)

В прадаргинском языке существовал и такой падеж приближения, который имел противоположное пре-лативу значение, т. е. направленность действия к задней части предмета. Пост-латив ныне сохранился лишь в немногих диалектах цудахарского типа и впервые был зафиксирован нами в ицаринской группе говоров, ср. *курсилег*ь «за стул», *уцулег*ь «за быка», *иг*ьа «за тебя», *диг*ьа «за меня», *итиг*ьа «за него» и т. п. Отмеченные примеры представляют собой следы утраченного подавляющим большинством современных диалектов прадаргинского пост-латива.

Затухание прадаргинского пост-латива было обусловлено начавшимся в языке общим процессом перемещения выражения пространственных отношений из системы имен в систему других частей речи — глаголов, наречий и послелогов. В процессе развития языка на базе этимона показателя пост-латива возникают наречия, послелоги и глаголы, способные выражать пост-лативные отношения.

В тех диалектах, где исчез пост-латив, его функции ныне выполняет послеложная конструкция «ген.+гIела», ср. лит. **школа гIела** *кабикиб*, букв. «школы к сзади упал» и ицар. **ушкул легь** *ттибягьиб* «за школу упал»; лит. **хъа гIела** *вякьунр* букв. «дома позади пошел» и ицар. **хъаллегь** *вярунда* «пошел в дом».

В диалектах, где еще функционирует пост-латив, отмечается сосуществование пост-латива и семантически эквивалентной ему послеложной конструкции, ср. ицар. **хъалла гьела** *кабичиб*, букв. «дома позади упал» и **хъаллегь** *кабичиб* «упал за дом». Вполне вероятно, что в этих диалектах послеложная конструкция постепенно вытеснит пост-латив.

В современном даргинском языке отмечается большая группа глаголов, образованных при помощи преверба **гIе-/гIела-**, материально и семантически эквивалентного послелогу **гIела**. Исходным значением подобных глаголов было выражение пост-лативных отношений — идеи направления одного предмета за другой. Возникновение в языке подобных глаголов подчеркивает начало процесса перехода пост-лативной семантики из падежа в глагол, что способствует затуханию пост-латива. Это объясняется тем, что дальнейшее развитие такого процесса делает необязательным функционирование при таких глаголах имени, манифестирующего пост-лативные отношения, ср. *бархIи* **гIела***бикиб*, букв. «солнце за ушло», т. е. «солнце закатилось». В исторически исходном состоянии данной фразы предполагается присутствие субстантива, обозначающего предмет, к задней части которого должно зайти солнце.

На синтаксическом уровне пост-латив выполнял только функции обстоятельства места. Не зарегистрированы данные, свидетельствующие о дальнейшем расширении этих исходных функций и о выполнении пост-лативом иных синтаксических функций. Можно предположить, что первоначально в пост-лативе оформлялись неодушевленные существительные. Но далее по аналогии в пост-лативе стали оформляться и одушевленные существительные, ср. ицар. *унцу***гьа** «за быком» (букв. «в пространство, которое находится за быком»), *Мухтарри***гьа** «за Мухтаром» и т. п.

В плане выражения пост-латив ныне представлен показателями **-гьа** (ицар. *ди***гьа** «за меня», «за мной»), **-гьира** (кунк. *кьванили***гьира** «за сундук»), **-гь** (ицар. *курсиле***гь** «за стул»), которые, как предполагается, должны восходить к **-гIе**. Исходное звучание согласного компонента этого показателя хорошо сохранилось в составе генетически родственных послелогов, предлогов и наречий, ср. **гIела** «позади» (← **гIе**+**ла**), **гIела***бухъес* «оставь» (← **гIела**+*бухъес*, букв. «позади стать»), **гIерг**ъ*и* «после», **гIу-***р* «потом». Что же касается исходного гласного компонента показателя, то его качество остается пока недостаточно ясным, ибо, как показывают материалы современных диалектов, за согласным может следовать любой гласный, ср. *гIела, гIур, гIила* (урах.).

В ицаринском диалекте исходный гласный **гI** во всех приведенных случаях перешел по субституции в **гь**, ср. лит. *гIела* и ицар. *гьела* «за», лит. *гIелабухъес* и ицар. *гьелабухъанай* «отстать», лит. *гIергъи* и ицар. *гьетти* «через».

Генезис показателя пост-латива проявляется при выяснении этимона этого показателя. С этой целью прежде всего необходимо проследить генетические взаимоотношения рассматриваемого показателя и семантически родственного ему названия соответствующей части тела — спины. Сопоставление исходного показателя пост-латива **-гIе** и слова **къакъ** «спина», на первый взгляд, как будто исключает возможность генетического родства материальной стороны. Однако привлеченный диалектный материал вскрывает эти завуалированные генетические связи. Дело в том, что слово *къакъ*, как это выясняется, является значительно видоизменившимся фонетическим вариантом восстанавливаемого более старого варианта — *регъ* или *рекь* «спина».

Материально перекликающиеся как с показателем **-гIе**, так и со словом **регъ/рекь** варианты хорошо сохранились в системе превербов, ср. лит. *гIергъи+ухъес*, муир. *гIирикъкъи+ухъна*, мург. *эргъав+ухъес*, урах. *гIиргIи+ухъис* «погнаться» (букв. «вслед побежать»). Диалектные варианты **гIергъи-, эргъа-, гIирикъкъи-, гIиригIи-** восходят к этимону *эргъ* (→ *регъ*). Фонетические процессы, происшедшие в этимоне, объясняются следующим образом. Первоначально по закону метатезы сонорного и гласного в начале слова этимон стал звучать как *эргъ*. Далее в ряде диалектов (акушинском, муиринском и урахинском) появляется наращение звука **гI** в начале слова (**гI**+*эргъ* → *гIергъ* → *гIиргъ*). Под влиянием другого закона, также имевшего место в истории даргинского языка,— тенденции к открытию конца слова — на исходе этимона появляется гласный **-и** (или иногда **-а**), ср. *гIергъ+и* → *гIергъи*. Подвергся изменению и корневой согласный этимона: в муиринском диалекте он перешел в **къ**, а в урахинском — в **гI**. Подобное изменение исходного **гъ** наблюдается в развитии диалектов даргинского языка [55].

Восстановленный этимон *регъ* материально и семантически очень близок к слову «спина» в его звучании в современных дагестанских языках, ср. дарг. *мугъ* «спина» (кайт.), *муъ* «задняя сторона топора», лак. *мукъ+ав* «на спине», лезг. *йукъ* «спина» и т. д.[56] Здесь необходимо иметь в виду, что в даргинском языке общедагестанский **къ** дал **гъ**[57] и что начальные сонорные **р**, **м**

[55] Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 273—274.

[56] См.: Хайдаков С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, с. 43; Гигинейшвили Б. К. Указ. соч., с. 109.

[57] Гигинейшвили Б. К. Указ. соч., с. 108—109.

являются окаменелыми классными показателями, которые в историческом прошлом выражали классную притяжательность названий частей тела.

К прадаргинскому или же общедаргинскому звучанию восходит современное слово *къакъ* «спина», у которого конечный согласный къ является рефлексом исконного гъ (ср. лит. *гIергъи* и муир. *гIирикъкъи*), а начальный — результатом редупликации корневого звука, занявшего место выпавшего классного показателя. Все эти процессы истории слова *къакъ* схематически можно изобразить в следующем виде: *къакъ* ← *ъакъ* ← *ракъ* ← *регъ*.

Таким образом, показатель прадаргинского пост-латива -гIе этимологически восходит к названию части тела, а именно к названию спины. Но в настоящее время в результате различных фонетических изменений этимологическая связь материально не ощущается. Более того, в послелоге гIела «кзади» и в восстанавливаемом показателе прадаргинского пост-латива -гIе уцелела только начальная часть одного фонетического звена эволюционной цепи этимона, ср. лит. *гIергъи* (← *эргъи* ← *эргъ* ← *рекъ* «спина»).

Отпочкование датива от латива

Факты современных диалектов даргинского языка показывают, что в результате дальнейшего развития адресатных отношений, выражавшихся лативом (суб-лативом и интер-лативом), от последнего в большинстве диалектов отпочковался современный датив, в то время как в ряде диалектов, образующих зону консервации, до сих пор сохраняется старое положение, когда адресатное значение передается формой латива. Такое положение, например, отмечается в кайтагском, ицаринском и чирагском диалектах, ср. кайт. *устIулжи* «столу» и «на стол», *ккалкканжи* «дереву» и «на дерево» и т. п.; ицар. *хIяйванни* «скоту» и «на скот», *урхьхьули* «морю» и «на море» и т. п.; чираг. *урхьхьулий* «морю» и «на море», *лягIлий* «уху» и «на ухо» и т. п. В настоящее время в этих диалектах отмечены некоторые начатки дифференциации латива и датива. Так, в кайтагском диалекте относительно новая форма *дамиж* «мне», «на мне» и «на меня» употребляется как в значении датива, так и в значении латива, в то время как старая форма *дам* «мне» употребляется только в значении датива. В большинстве диалектов специализация этих форм уже совершилась, ср. акуш. *наб* (← *дам* • *даб*) «мне» и *набчи* «на меня». В ицаринском же диалекте старая форма *дам* и поныне выражает как лативное, так и дативное значение «мне» и «на меня». Общая тенденция развития

старых форм латива личных местоимений характеризуется их преобразованием в формы датива и возникновением на их базе новых форм латива. Генетическая связь датива с лативом на современном уровне развития даргинского языка довольно ясно прослеживается и подтверждается и целым рядом других аргументов.

Прежде всего такая связь очевидна в содержании обоих падежей. Укажем хотя бы на взаимозаменяемость одного из этих падежей другим при одном и том же глаголе с адресатной семантикой, ср. лит. *собраниеличиб* **нешлис** *гъай бедиб* «на собрании маме дали слово» и *собраниеличиб* **нешлизи** *гъай бедиб*, букв. «на собрании в мать дали слово», т. е. «на собрании маме дали слово».

Кроме этого, семантика датива и семантика латива довольно близки и в ряде случаев имеют точку соприкосновения в идее направленности действия. Видимо, неслучайным является факт передачи адресатных значений лативом в тех языках, где отсутствует датив.

Более употребительные примеры, подтверждающие происхождение датива от латива, обнаруживаются в плане выражения. Во-первых, обращает на себя внимание материальное сходство показателей датива и латива, ср. цуд. *нешли*-**з** «маме» (дат.) и лит. *нешли*-**зи**, букв. «в маму» (лат.); сирг. *аба*-**й** «маме»(дат.) и кайт. *уба*-**й** «на маму» (лат.); лит. *рузи*-**с** «сестре» и кайт. *рицци*-**с**+**а** «к сестре»; усиш. *Муса*-**ж** «Мусе» (дат.) и кайт. *устулл*-**ж**-**и** «на стол»; лит. *хIе*-**д** «тебе» (дат.) и куб. *гъунзба*-**д** «за яблоками» (← «к яблокам»). В отдельных же диалектах в качестве показателей латива и датива представлены лишь фонетические варианты генетически единого показателя, ср. лит. *нешлис* «маме», *нешлиз* (дат., цуд.) и *нешлизи* (лат.) и т. п. Во-вторых, датив и латив имеют одинаковые исходные основы: а) форму абсолютива при склонении разумных (в отдельных диалектах еще и одушевленных) существительных с гласным исходом, ср. лит. *узи*-**с** и *узи*-**зи** «брату» (лат.); куб. *ччитту*-**й** «кошке» (дат.) и *ччитту*-**же** «на кошку» и т. п.; б) форму эргатива при склонении остальных существительных, ср. лит. *газали*-**с** «кирке» и *газали*-**зи** «в кирку»; куб. *гьаламли*-**й** «мешку» и *гьаламли*-**цце** «в мешок» и т. п.

О возможной генетической связи даргинского латива и датива в свое время говорил и С. Абдуллаев[58]. Но допускаемая им этимологическая связь показателей латива -зи и -чи вызывает возражения. Предположение о происхождении датива из местного падежа подкрепляется и утверждениями исследователей

[58] Абдуллаев С. Указ. соч., с. 17.

родственных языков, которые допускают генетическую связь датива с одним из местных падежей. Так, например, о формировании дательного падежа лезгинского языка Р. И. Гайдаров пишет: «Зафиксированные в кубинском диалекте формы на **-ди**, образованные от основы дательного падежа *(зазди* «мне»), свидетельствуют о том, что дательный падеж первоначально был больше местным, чем общеграмматическим» [59].

Наконец, можно отметить и то, что приведенные факты из даргинского языка хорошо согласуются с общетеоретическим положением, согласно которому датив формируется, как правило, на базе одного из местных падежей — большей частью латива.

По нашему мнению, зарождению латива в даргинском языке был дан импульс углублением и дальнейшим развитием адресатных отношений, которые в прадаргинском языке выражались лативом. С развитием языка и мышления возникла необходимость выразить значение передачи чего-либо в собственность другому лицу и отделить это значение от пространственных, выражаемых также лативом. Ведь даже в современном даргинском языке датив от латива отличается лишь тем, что первый выражает полное и постоянное обладание чем-нибудь, а второй — временное, ср. *нуни* **нешлизи** (лат.) *ручка бедира* «я дал ручку маме» (т. е. передал на временное хранение, а не в собственность) и *нуни* **нешлис** (дат.) *ручка бедира* «я отдал маме ручку» (т. е. в собственность, навсегда). В таких случаях для отделения адресатных отношений от пространственных на формально-грамматическом уровне был реализован один из фонетических вариантов латива, выражавшего адресатные отношения. Так, для передачи пространственных отношений был сохранен исходный показатель **-зи**, для выражения адресатных значений был использован его усеченный вариант **-з**, который в диалектах акушинского типа подвергся оглушению, ср. *нешлиз* (цуд.) → *нешлис* (лит.) Наше предположение подтверждается и параллелями из других диалектов. В сиргинском диалекте, например, в качестве исходной базы для датива была использована серия латива на **-йа** со значением «на что-нибудь» в отличие от акушинского, урахинского, цудахарского и других диалектов, где для данной цели была взята серия латива на **-зи** со значением «во что-то». Поэтому в этом диалекте показателем датива стал **-й**, также являющийся усеченным вариантом **-йа**, ср. сирг. *столлийа* «на стол» и *столлий* «столу». Разобраться в процессах, происшедших в этом

[59] Гайдаров Р. И. О некоторых исторически значимых особенностях лезгинских диалектов в области склонения.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках, с. 67.

плане в сиргинском диалекте, помогают данные кайтагского диалекта, где оформление датива происходит на наших глазах. В этом диалекте датив на -*йа* функционирует в двух формах: в форме с усеченным вариантом -*й* и в полной форме с исконным -*йа*, ср. *убай* «на маму», «маме» и *убайа* «на маму», «маме». Как показали наблюдения, формы латива на -*й* встречаются большей частью у одушевленных существительных с гласным исходом, и, как правило, когда они употребляются для выражения чисто адресатных отношений.

Полагаем, что оформление датива в даргинском языке началось при управлении глагола с адресатной семантикой, а именно при глаголе *бедес* «дать», и у разумных существительных, ибо исходное значение датива «дать в собственность» можно допустить лишь по отношению к последним. В этом плане, видимо, не является случайным то, что зачатки датива, обнаруживаемые в кайтагском диалекте, отмечаются только у одушевленных существительных и личных местоимений.

О глаголе *бедес* «дать» следует заметить, что согласно общей теории эргативности он относится к словам наиболее поздней формации и, как правило, формируется «через использование глагольных слов иной, более конкретной семантики» [60]. Проведенное в этом плане исследование показало, что даргинский глагол *бедес* (← *бет-гес*) возник на базе глагола *а-гес* «попасть», «удариться» при помощи направительного преверба бет- «туда». Глагол *агес* управляет лативом на -*зи* «в», из которого, как полагаем, и возник датив. Последний, видимо, также оформился одновременно с глаголом *бедес* «дать», «отдать». Аналогичные процессы формирования датива, засвидетельствованные также в ряде других языков эргативного строя [61], возможно, подчеркивают одну из общих типологических особенностей развития языков.

---

[60] Климов Г. А. Указ. соч., с. 153.

[61] См.: Рифтин А. Н. Из истории множественного числа.— Уч. зап. ЛГУ. Серия фил. наук. 1946, вып. 10, с. 42—43; Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности, с. 190.

Падежом покоя, или эссивом, называется местный падеж, оформляющий имя, в пределах которого (в, на, под, около, за...) находится, совершается действие, подвергается действию или пребывает в определенном состоянии предмет. В отличие от серий латива, которые отвечают на вопрос куда?, эссив отвечает на вопрос где?

В даргиноведении эссив известен под названиями: падеж покоя [1], латив [2], местные падежи [3], локатив [4], серия падежей покоя [5] и, наконец, в литературе на даргинском языке *«паргъатдешла падеж»* [6]. Очевидно, что категориальная форма эссива специалистами воспринимается то как единый самостоятельный падеж, то как серия падежей. Такое понимание, разумеется, вытекает из отсутствия в науке утвердившегося единого мнения о понятии «серия падежей». Согласно нашему пониманию термина, категориальную форму эссива следует квалифицировать как несериальный, единый падеж, поскольку эссивное значение в ней выражается единым показателем, в отличие от латива, где каждая серия имеет свой самостоятельный показатель, совпадающий с показателем локализации.

Относительно изученности эссива надо заметить, что он освещен в той или иной степени лишь в синхронном аспекте [7]. В диахроническом плане эссив совсем не изучен.

Эссив в современных диалектах даргинского языка и его восстанавливаемое состояние в прадаргинском языке

Материалы современных даргинских диалектов показывают, что эссив представлен не во всех диалектах. Его нет, например,

---

[1] Услар П. К. Указ. соч., с. 32.

[2] Жирков Л. И. Указ. соч. с. 47—49.

[3] См.: Абдуллаев С. Указ. соч., с. 103; Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 296.

[4] Магометов А. А. Указ. соч., с. 144.

[5] Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 186.

[6] См.: Абдуллаев С. Дарган мезла грамматика... с. 49; Сулейманов Б. С. Указ. соч., с. 92.

[7] См.: Абдуллаев С. Указ. соч., с. 110; Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 296—308; Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 186—189.

в таких архаичных диалектах, как кайтагский и чирагский. Отсутствует он и в губденском говоре, входящем в зону инноваций. Такое положение, разумеется, значительно затрудняет однозначное решение вопроса о наличии или отсутствии эссива в прадаргинском языке. Затруднение вызывает еще и то, что в кайтагском, чирагском и в губденском диалектах наряду с фактами, подтверждающими отсутствие в прошлом эссива, заметны некоторые следы, говорящие о функционировании в этих диалектах в прошлом в отдельных обстоятельствах какого-то падежа, напоминающего современный эссив. Подобные следы, например , сохранились в составных числительных, в которых, как известно, первый компонент представляет собой историческую форму эссива, ср. губ. *даршлим (← даршлиб) ца*, чираг. *даршлиб ца*, кайт. *даршлум (← даршлиб) ца*, букв. «на сто один», т. е. «сто один». Аналогичные следы сохранились также в некоторых словоформах и топонимических названиях. Судя по этим фактам, можно предположить, что эссив существовал в прошлом и в этих диалектах. Он отличался от современного эссива тем, что функционировал очень ограниченно и был оформлен на базе старого латива. С течением времени этот эссив исчез и в данных диалектах. Что же касается эссива, оформленного на базе новых лативов, то он в этих диалектах не развился. Таким образом, для прадаргинского хронологического уровня восстанавливается такой эссив, функционирование которого в отличие от современного эссива было ограничено какими-то строгими правилами. Такое состояние, видимо, было унаследовано прадаргинским из общедагестанского языка-основы, ибо обращение к фактам родственных языков показывает, что в большинстве из них эссив не функционирует и его замещает латив, в тех языках, где он представлен, отмечается нечто обратное тому, что свойственно даргинскому языку: в даргинском языке эссив создается на базе латива, а в родственных языках, наоборот, латив создается на базе эссива, что, по всей вероятности, является результатом неоднонаправленного развития состояния недифференцированного существования латива и эссива в общедагестанском праязыке, где они были совмещены в одном падеже, а лативное и эссивное значения передавались семантикой глагола подобно тому, что мы имеем сейчас в губденском говоре, ср. *дудеш хъули лев* «отец дома есть» (значение эссива) и *дудеш хъули вакIиб* «отец домой пришел» (значение латива), букв. «отец в дом пришел». Со временем при глаголах эссивной семантики (быть, находиться, покоиться), как полагаем, стала оформляться специальная падежная форма. Такое состояние, очевидно, было характерно для периода начавшегося распада общедагестанского праязыка. В дальнейшем же с развитием су

бъектно-объектных отношений и с перестройкой системы глаголов по иному семантическому признаку — переходности и непереходности — стало возможным употребление эссива с любым глаголом, ибо местом, где совершает действие субъект или объект подвергается воздействию со стороны субъекта, может служить фактически любое пространство, обозначаемое именем в эссиве. Однако такая возможность была использована не всеми дагестанскими языками, и поэтому в одних языках, где не развился эссив, продолжается недифференцированное состояние эссива и латива, в других языках, где произошла такая дифференциация, отмечается закрепление за новой формой или эссивного, или лативного значения.

В языке-основе эти значения выражались общей падежной формой. После распада языка-основы и развития самостоятельных языков начинается дифференциация этих значений в плане выражения. Для выражения данных значений возникает еще одна форма. В одних языках вновь возникшая форма стала выражать эссивное значение, как, например, в даргинском языке, а в других — лативное, как, например, в аварском.

Возможны и иные последствия исторического развития данного явления. Если, например, в языке оформился специальный падеж, употребляемый лишь при глаголах пребывания или нахождения, то он в дальнейшем мог быть вытеснен лативом, совмещающим функции эссива и имеющим более широкое употребление в языке. Нечто аналогичное, видимо, произошло и в тех диалектах даргинского языка, где ныне эссив не существует.

Таким образом, начальный этап прадаргинского состояния характеризуется наличием такого эссива, который употреблялся лишь при глаголах нахождения и был создан на базе старого латива. Этот эссив в одних диалектах (кайт. и чир.) элиминировался, а в других получил дальнейшее развитие на базе новых, вновь возникших лативов.

На формально-грамматическом уровне эссив возникает в результате стяжения словосочетания типа «форма латива + вспомогательный глагол **би** «быть». Такое превращение схематически выглядит следующим образом: *хъули би* «дома есть» → *хъулиби* → *хъулиб* «дома». Предположение подтверждается, во-первых, тем, что аналогичные словосочетания ныне сохранились именно в тех диалектах, где не развились эссивы (ср. кайт. *рицци* **хъули ри** «сестра дома есть» и лит. *рузи* **хъулир лер** «сестра дома есть» и т. п.), во-вторых, в отличие от других падежей от словоформ эссива образуются слова, напоминающие причастие и деепричастие (ср. *хъулиб-си* «находящийся дома», *хъулибли* «находясь дома»), что обусловлено, как думаем, сохранившимися в словоформе признаками былой глагольной природы.

а именно слившегося вспомогательного глагола. Это подтверждается и типологически. Известно, что в ряде языков мира вспомогательный глагол в сочетании со словами, обозначающими местонахождение, часто опускается. Убедительный пример в этом отношении дает русский язык, ср. он дома (← он есть дома).

Историческое развитие содержания

Первоначально эссив выражал лишь место, где покоится предмет. Это значение остается основным и в настоящее время, чем и обусловлена одна из терминологических характеристик эссива — падеж покоя.

Анализ материала показывает, что эссив в своем историческом развитии значительно расширил семантику и стал более разнообразным в плане содержания. Прежде всего он приобрел способность выражать место, где субъект совершает действие или испытывает определенное состояние, ср. *дурхIни* **школализиб** *бучIули саби* «дети учатся в школе», *виштIаси* **кроватьличив** *усули сай* «малыш спит в кровати».

В процессе развития эссив стал обозначать и место состояния, ср. **галгалиуб** *тяхIули саби* «под деревом прохладно», **коридорлизиб** *бугIярли саби* «в коридоре холодно» и т. п.

Особый интерес представляет появление у эссива нелокальных значений, которые, бесспорно, являются вторичными и развились в результате реинтерпретации бывших пространственных отношений.

Значения эссива, связанные с выражением объекта, над которым смеются, которому мстят, которого боятся или ищут, который является виновником, как выясняется, первоначально мыслились как выражение места действия или места испытания состояния, ср. **хIечив** *дукаркIули сай* «над тобой смеется» (букв. «на тебе смех говорит»), **хIечиб** *гьими ахъиб* «тебе отомстил» (букв. «на тебе зло одолел»), **бецIлигIив** *урухиуб* «возле волка страх испытал», **бецIлигIив** *умцIи* «искал волка» (букв. «ходил там, где волк»), **хIечиб** *гIяйиб леб* «на тебе вина есть».

Подобная реинтерпретация стала возможной лишь после того, как в эссиве стали употреблять названия одушевленных или разумных существ, после переориентации в аналогичных предложениях центров объектных или субъектных отношений, в результате чего исторические объекты превратились в части сказуемого (ср. *гьимиахъиб*, букв. «зло одолел», т. е. «отомстил», и т. п.). Со временем в даргинском языке эссив стал выражать и понятие «наизусть», ср. **уркIиличиб** *бурес*, букв. «на сердце рассказать», т. е. «рассказать наизусть». Возникло данное понятие в даргинском языке сравнительно недавно, о чем свидетельствует диалект-

ный материал, где отмечается выражение этого понятия формой аблатива, ср. цуд. **урчIелила** *бурссиз,* букв. «из сердца рассказать».

Если изначально в эссиве оформлялись существительные определенной семантики, и то при специальных глаголах, то в дальнейшем, с развитием языка по аналогии с данными существительными и глаголами, стало возможным оформление в эссиве почти любого существительного при любом глаголе. Это обстоятельство способствовало обогащению структуры семантического поля эссива. Так, названия отрезков времени и отвлеченных понятий, выступающие в форме эссива, стали выражать время или способ действия, ср. *иш* **дуслизиб** *колхозникунани халаси сабухъ бучиб* «в этом году колхозники собрали хороший урожай», *иш анцIбукь* **хатIаличиб** *кабикибси саби,* букв. «этот случай произошел на ошибке», т. е. «по ошибке». Оформившиеся в эссиве названия отвлеченных понятий вместе со вспомогательным глаголом довольно часто стали выражать состояние или действие субъекта, ср. *ит* **яхIлизив** *сай,* букв. «он в старании есть», т. е. «он старается», *ит* **дардлизив** *сай* «он в горе есть», т. е. «он горюет». Возможно, по аналогии с данным явлением для выражения определенного состояния в эссиве оформлялись даже некоторые относительно конкретные понятия, ср. **вавализиб** *саби,* букв. «в цветке есть», т. е. «находится в состоянии цветения», *гьиш* **иштIайццир** *сари,* букв. «она в малыше», т. е. «она в состоянии беременности» (кищ.).

К приобретенным нелокальным значениям эссива следует отнести также значение цели и обозначение того, в чем один предмет превосходит другой: *неш* **кьарличир** *сари,* букв. «мать на траве есть», т. е. «мать (пошла) за травой», *иш итван ахIи* **куцлизив** *жагали сай,* букв. «этот в фигуре красивее есть, чем тот», т. е. «у этого фигура красивее, чем у того». Эти значения, разумеется, возникли на базе пространственных.

В процессе исторического развития эссив приобрел синтаксические функции обстоятельства времени *(ил хIянчи* **янилизиб** *барес хIейрар,* букв. «эту работу в зиме нельзя сделать», т. е. «зимой»), обстоятельства цели *(дудеш* **урцуйчив** *сай,* букв. «отец на дрова есть», «отец за дровами»), обстоятельства образа действия (ср. мург. **хатIаликеб** *бибил саби,* букв. «на ошибке случилось», т. е. «по ошибке»).

Со временем среди синтаксических функций эссива развивается и функция дополнения, ср. *ит хIела* **дудешличив** *дукаркIули сай,* букв. «он на твоем отце смеется», т. е. «над твоим отцом»; *нашани илхIели* **душмайчиб** *гьимиахъира,* букв. «мы тогда на враге зло провели», т. е. «отомстили врагу»; *ил* **синкалигIив** *урухxIейуб,* букв. «он у медведя страх не испытал»,

т. е. «он не испугался медведя»; *ит* **кьаркьайзив** *кьуватли сай*, букв. «он в теле сильнее», т. е. «он телом силен», и т. п.

Отмечены случаи функционирования форм эссива и в роли именной части составного сказуемого, ср. *ил* **къайгъилизив** *сай*, букв. «он в старании есть», т. е. «он старается». В народной поэзии засвидетельствованы факты, говорящие о выполнении эссивом еще и определительной функции, ср. **вацIайлизир** *хIула ши* «в лесу твое село», *икIди ахъ* **дубуртачир** *чамкур чакарла галга* «на тех высоких горах сахарное дерево».

Синтаксические функции обстоятельств времени, цели, образа действия, дополнения и определения, выполняемые ныне эссивом, появились, во-первых, в результате охвата эссивом существительных разнообразной семантики, во-вторых, в результате употребления глаголов неэссивной семантики в переносном значении и, наконец, в результате реинтерпретации пространственных отношений.

Историческое развитие эссива проявляется и в постепенном росте удельного веса выступающих в эссиве существительных и слов, управляющих эссивом. Выясняется определенная последовательность вовлечения разных существительных в эссивные отношения, обусловленная семантикой существительных: неодушевленные конкретные существительные → одушевленные или разумные существительные → существительные отвлеченной семантики.

Расширение типов слов, управляющих эссивом, видимо, происходило в следующей последовательности: глаголы нахождения → глаголы состояния → переходные и непереходные глаголы → нефинитные формы глагола → существительные. После такого расширения типов управляющих слов эссив перестал быть чисто приглагольным падежом, функционирующим при глаголах нахождения.

Семантические сдвиги в содержательной стороне эссива сказались и в словообразовании. Развитие эссива обогатило лексику. Это выразилось, во-первых, в том, что показатель эссива стал принимать участие в создании особых форм наречий, послелогов и деепричастий с эссивным значением, обозначающих место, где происходит действие, ср. *гьала* «вперед» и *гьала+б* «впереди», *урга* «в середину» и *урга+б* «в середине», *балуйгIи* «направо» и *балуйгIи+б* «на правой стороне», *вакIибихIи* «туда, куда пришел» и *вакIибихIи+б* «там, куда прищел» и т. д., во-вторых, в том, что ряд словоформ из числа имеющих более раннее происхождение подвергся лексикализации. В одних случаях они стали частью составных числительных: **даршлим** *ца (даршлиб ца* «на сто один») «сто один»; в других случаях — формой абсолютива: *хIеб* «весна», «весной» (←*хIияб* «весной»), **дуцIрум**

«лето, летом», *(← дуцIри-б* «летом»). Изначальные формы абсолютива последних двух слов элиминировались. Кроме того, значение эссива, связанное с обозначением предмета, который сравнивается с другим, способствовало превращению окончания эссива вместе с показателем локализации **-чи-** «на» в сравнительную частицу, ср. **унцличиб** *кьял дурхъали саби*, букв. «на быке корова дороже», т. е. «корова дороже быка» и *унцлайичиб кья куц жагали саби* «вид у коровы красивее, чем у быка». Таким образом, в настоящее время **-чиб** функционирует то как окончание эссива с показателем локализации, то как сравнительная частица.

Своеобразным свойством словоформ эссива является то, что они легко становятся базой для создания специфических причастий и деепричастий, которые можно назвать отыменными, ср. *школализиб* «в школе» и *школализибси* «находящийся в школе», *школализибли* «находясь в школе». Эта особенность словоформ эссива, разумеется, вытекает из природы форм эссива, представляющего в прошлом сочетание формы латива и глагола **би** «быть», «находиться».

Исторические изменения в форме

В современном даргинском языке эссив образуется путем присоединения одного их живых классных показателей к словоформам серий латива, ср. *уталичи* «на стул» (супер-латив) и *уталичи+б* «на стуле» (эссив), *уталиц* «под стул» (суб-латив) и *уталиц+б* «под стулом» (эссив) и т. п.

Эссив образуется от всех серий латива, поэтому показатель эссива вместе с сериальным показателем латива, который, в свою очередь, является и показателем локализации, образуют своеобразные комбинированные значения: супер-эссив (**утали-чи+б** «на стуле»); суб-эссив (**утали-у+б** «под стулом»); ин-эссив (**гавлагли+хIи+б** «в мешке»; конт-эссив (**цIали-гIи+б** «у огня», урах. **удзи-чу+в** «у брата»); интер-эссив (**кьарли-зи+б** «в траве»); пре-эссив (куб. **гьаламли-та+б** «перед мешком»); пост-эссив (ицар. **ди-гьа+б** «за мной»).

Окончания эссива в отличие от показателей других падежей необычны. Они поликатегориальны, т. е. одновременно являются показателями класса, числа и частично даже лица, ср. *урши* **школализи+в** *сай* (эсс. 1 кл., ед. ч.) «мальчик в школе есть», *рурси* **школализи+р** *сари* (эсс. II кл., ед. ч.) «девушка в школе есть», *байрахъ* **школализи+б** *саби* (эсс. III кл., ед. ч.) «знамя в школе есть», *дурхIни* **школализи+б** *саби* (эсс. мн. ч., I и II классов) «дети в школе есть», *жузи* **школализи+р** *сари* (эсс. мн. ч., III кл.) «книги в школе есть», *нуша* **школализи+р** *сарри* (эсс.

мн. ч., I кл.) «мы в школе были», *хIуша* **школализи+р** *сарри* (эсс. мн. ч., II кл.) «вы в школе были», *итди* **школализи+б** *сабри* (эсс. мн. ч., III кл.) «они в школе были».

Как полагаем, первичные показатели эссива были такими же, какими они являются в настоящее время. В своем развитии они почти не изменились. Отмечаются лишь некоторые фонетические изменения в тех или иных диалектах. Показатель эссива и II кл. -**р** в кубачинском диалекте перешел в -**й**, ср. лит. *шилизи*-**р** (эссив, II кл.) «в селе»; куб. *шшилицци*-**й** (эссив, II кл.) «в селе»; а показатель эссива и мн. числа класса вещей -**д** в диалектах акушинско-урахинского типа перешел в -**р**, ср. цуд. *шилице*-д (эсс. мн. ч., III кл.) и акуш. *шилизи*-**р** (эсс. мн. ч., III кл.) «в селе».

В лексикализировавшихся формах окаменелые классные показатели иногда имеют фонетические варианты, ср. сутб. *дашли***б** *ца* и лит. *даршли***м** (←*дашли***б**) *ца*, букв. «на сто один», т. е. «сто один»; муг. *унцики***б** и мург. *унцике***м** (←*унцике***б**) «чем бык».

Во многих современных диалектах даргинского языка кроме латива, обозначающего предмет, к которому направлен другой предмет с обязательным достижением его, функционирует еще падеж направления (аллатив), оформляющий имя предмета, в сторону которого направлено действие, но без обязательного достижения этого предмета, ср. лит. *унц* **вацIализибяхI** *арбякьун* «бык в сторону леса пошел» и *унц* **вацIализи** *арбякьун* «бык в лес пошел» и т. п.

О необходимости включить в состав падежей даргинского языка еще один падеж с окончанием **-бяхI** впервые заявил З. Г. Абдуллаев, который назвал данный падеж отправительным[1]. Со временем этот падеж был включен в состав падежей, изучаемых и в школьных учебниках под названием *«бяхIчибиз»*[2] падеж, что в буквальном переводе на русский язык означает «направление-падеж».

В настоящее время аллатив отмечается как в диалектах цудахарского типа, образующих зону консервации, так и в диалектах акушинско-урахинского типа, образующих зону инноваций. Однако представленный в диалектах аллатив качественно не одинаков. В одних диалектах он является несериальным и обозначает общую направленность действия к предмету, не конкретизируя, куда именно: вверх или вниз, сюда или туда — направлено действие. Такой аллатив отмечается во всех диалектах акушинско-урахинского типа и в отдельных диалектах, говорах цудахарского типа. В ряде же диалектов и говоров цудахарского типа наблюдается только сериальный аллатив, обозначающий конкретизированное направление действия. Конкретизация осуществляется путем дифференциации направленности действия на серии в зависимости от того, куда именно: вверх или вниз, сюда (к говорящему) или туда (от говорящего)— направлено действие. Так, например, в кункинском говоре пред-

[1] Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 88—89, 194.

[2] Сулейманов Б. С., МяхIяммадов М.-XI. Дарган мезла грамматика. I ибил бутIа, морфология. Махачкала, 1972, с. 19.

ставлены такие серии аллатива: а) на **-ба+гьа**[3], обозначающая предмет, в сторону которого движется другой предмет и который находится выше последнего, ср. *гали* **ушкуллевагьа** *агур,* букв. «мальчик в сторону школы вверх пошел»; б) на **-ба+ка**, обозначающая предмет, в сторону которого направлен другой и который находится ниже, ср. *гали* **ушкуллевака** *кагур,* букв. «мальчик в сторону школы вниз пошел»; в) на **-ба+ца**, обозначающая предмет, находящийся рядом с говорящим, в сторону которого сюда (к говорящему) по горизонтали движется другой предмет, ср. *гали* **ушкуллеваца** *савчIиб,* букв. «мальчик в сторону школы сюда пошел»; г) на **-ба+де**, обозначающая предмет, находящийся вдали от говорящего и в сторону которого по горизонтали движется или направлен другой предмет, ср. *гали* **ушкуллевадe** *агур,* букв. «мальчик в сторону школы туда пошел».

Приведенные примеры говорят о том, что серия местных падежей выражает место положения (на, под, перед, за, в, около) предмета и направленность действия вверх, вниз, туда и сюда[4]. Подобные серии, как будет показано ниже, отмечаются и у аблатива.

Современный диалектный материал позволяет предположить, что истоки аллатива находятся в прадаргинском языке, где, может быть, прототип современного аллатива функционировал в виде послеложной конструкции, не успевшей еще окончательно превратиться в самостоятельный падеж. Очевидно, данный прототип был сериальным.

Происхождение аллатива удивительно прозрачно. Так, например, нынешняя форма аллатива литературного языка равна сочетанию словоформы латива и морфемы **-бяхI** в его классно-числовых и различных диалектных вариантах, ср. *школализи-***бяхI** «в сторону школы». Исходная основа **школализи** «в школу» представляет собой форму латива. Здесь следует отметить, что исходной основой аллатива может быть любая из существующих серий латива, но при этом форма аллатива будет указывать в каждом случае еще на направленность действия к определенной части предмета (на, под, в, между, около, перед, за). В тех

---

[3] Сериальный показатель **-ба+гьа** (III кл. ед. ч.) в зависимости от класса и числа субъекта или объекта реализуется в виде **-ва+гьа** (I кл. ед. ч.) **-ра+гьа** (II кл. ед. ч.) и **-да+гьа** (IП кл. ед. ч.). Но для удобства здесь и далее мы будем оперировать лишь формой III класса ед. числа, которая более часто встречается в речи.

[4] Впервые о существовании сериального аллатива даргинского языка было сообщено нами в специальном докладе на девятой региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. См.: Мусаев М.-С. М. Серии аллатива и их образование в даргинском языке.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках, с. 60—63.

же диалектах, где функционирует сериальный аллатив, от каждой серии латива образуется по четыре серии аллатива. Так, например, в кункинском говоре, где представлено шесть серий латива, аллатив реализуется в двадцати четырех самостоятельных формах, не считая классно-числовых вариантов.

Морфема **-бяхI (-вяхI, -ряхI, -дяхI)**, носящая аллативное значение, совпадает с классным существительным современного даргинского языка, обозначающим понятие «лицо», ср. **вяхI** «лицо мужчины», **ряхI** «лицо женщины», **бяхI** «лицо животного». Кроме того, **-бяхI** обозначает еще «сторону», «склон горы», «страницу». Последние понятия, разумеется, развились из первичного понятия «лицо». Таким образом, показатель аллатива возник также из названия части тела, а именно названия лица. В данном случае подтверждается предположение Б. А. Серебренникова о том, что образование направительного падежа возможно путем использования слова, обозначающего понятия «лицо» или «сторона» [5].

В отдельных диалектах даргинского языка аллатив образуется при помощи слов **бекI** «голова» и **шали** «бок», ср. мург. *вацIализебекI* «в сторону леса», амузг. *ушкулалишшу-шал* «в сторону школы».

В мургукском говоре в настоящее время факультативно употребляется две разновидности аллатива: а) образованная при помощи морфемы, совпадающей со словом «лицо»; б) образованная при помощи морфемы, совпадающей со словом «голова», ср. *школализе***бяхI** и *школализе***бекI** «в сторону школы». При этом первая разновидность больше употребляется в тех случаях, когда речь идет о людях, а вторая — когда речь идет о животных. Однако следует сказать, что в настоящее время подобное разграничение в употреблении обеих разновидностей аллатива не всегда соблюдается. Отмечается употребление в том и в другом случаях обеих форм.

Серии аллатива образуются путем присоединения к словоформе несериального аллатива еще морфем **-а/-гьа; -ка; -са/-ца; -де/-бет**, соответственно выражающих направленность действия вверх, вниз, сюда и туда. Например: а) *ушкуллеба(хI)-***гьа** «вверх в сторону школы»; б) *ушкуллеба(хI)-***ка** «вниз в сторону школы»; в) *ушкуллеба(хI)-***ца** «сюда в сторону школы»; г) *ушкуллеба(хI)-***де** «туда в сторону школы».

Отмеченные морфемы — носители сериальных значений аллатива — с аналогичной семантикой широко представлены также в системе направительных превербов и сериальных окончаний

[5] Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике, с. 197—198.

аблатива. Например: бутр. а) **гьа**+*букъкъа* «принеси вверх», *вацIалицциp*+**гьа** «из лесу вверх»; б) **ка**+*букъкъа* «принеси вниз», *вацIалицциp*+**ка** «из лесу вниз»; в) **са** +*букъкъа* «принеси сюда» и *вацIалицциp*+**са** «из леса сюда»; г) **би**+**т-кка** «отдай» и *вацIалицциp*-**де** «из лесу туда, через лес». Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предположить, что морфема со значением направленности предмета сюда, к говорящему, этимологически восходит к местоимению **иш** (← **ис**/-**са**, ср. нац. *ису* «сюда», ашт. **синва** «сюда» ← **си**-*н-ва* «этот», «то, что здесь»). С данным формантом, очевидно, этимологически связаны окончание первого лица глагола -**с** (ср. *лукIа*+**с** «напишу»), суффикс прилагательного -**си** (ср. *хала*-**си** «большой»), возвратное местоимение (ср. **су**-*нела* «свой»), которые перекликаются материально и объединяются общей идеей эгоцентризма, иными словами, общим значением «здесь», «я». Видимо, не случайно материальное созвучие и личного местоимения *со* «я» родственного чеченского языка с рассматриваемым формантом.

Как кажется, в далеком прошлом в языке-предшественнике понятия «я» и «этот» выражались одним словом, возможно, близким к *са*/*су*, а впоследствии эти понятия дифференцировались, и для выражения понятия «я» возникло в даргинском языке новое слово. За старым же словом *са* закрепилось значение указательного местоимения «этот». При таком допущении становится понятным происхождение как личного окончания -**с**, так и суффикса прилагательного -**си**. Оба эти элемента должны восходить к древнему местоимению *са*/*су* «я», «этот», ибо, во-первых, превращение личного местоимения в личное окончание — явление широко известное, во-вторых, превращение личного местоимения в суффикс прилагательного, как надо полагать, могло произойти через категорию личной притяжательности, которая, видимо, существовала в языке-основе и выражалась суффигированием личных местоимений.

Формат -**де** (← *бада*), имеющий и значение «вдаль от говорящего», этимологически восходит к указательному местоимению **ит** (← *бет* ← *бад* ← **бада*). Как будет выяснено ниже, показатель аблатива -**д** также восходит этимологически к указательному местоимению **ит** «тот».

Направительный формант -**ка**, имеющий значение направления сверху вниз, этимологически увязывается с элементом **кат**-, отмеченным в наречии *катхIел* «вниз по спуску». Элемент **кат**- представляет собой лексикализировавшуюся словоформу старого аблатива. Он состоит из двух исторических частей: *ки*+*ат* (← киат), где **ки**- обозначает верх чего-то, а -**ат** является формантом отделения. При рассмотрении этимологии окончания супер-латива было указано на возможную генетическую связь **ки**

«верх» со словом *бекI* (← *бе*+г) «голова» и указательным местоимением *икI* (← *иг*). Значит, направительный формант -ка возник из наречия послелога кад в результате отпадения конечного согласного. Показательно то, что этот исчезнувший согласный восстанавливается в генетически родственном с данным наречием превербе глагола отрицательной формы, ср. мург. ка-*буха* «принеси сверху вниз» и *катхIахис* (← *кадхIахис*) «не принесу вниз». В морфеме -а/-гьа исторический исходный согласный исчез, поэтому установить этимологию этой морфемы довольно трудно.

По значению аллатив близок к лативу, поэтому в истории развития языка он может легко превратиться в латив. Видимо, старый латив даргинского языка в своем истоке был аллативом, совмещающим и лативные функции. В аштынском говоре отмечаются случаи преобразования аллативных наречий в лативные, ср. *тинва* «туда» (← *тин*+*вяхI* «по направлению в ту сторону»), *синва* «сюда» (← *син*+*вяхI* «по направлению сюда») и т. п.

Обращает на себя внимание материальное сходство показателей аллатива ряда родственных языков, в которых, как и в даргинском, он представлен с одним из классных вариантов показателя аллатива даргинского языка, ср. лак. *къатлувун*-май и дарг. *хъули*-бяхI «по направлению в дом», гин. *чехьи*-до и дарг. *вацIализи*-дяхI «по направлению в лес», таб. *аьрбайъна*-ди и дарг. *гIярбалишшу*-дя *(ашт.)* «по направлению к арбе». В некоторых родственных языках материально сходный показатель отмечается в семантически близком к аллативу лативе, ср. дарг. *ГIянди*-бяхI «по направлению к Анди» и авар. *ГIанди*-бе «в Анди», ср. дарг. *хъули*-дяхI и анд. *гьакъила*-ди «в дом», лезг. *тамув*-ди «к лесу», рут. *зал*-даь «к дому».

Не исключено, что отмеченные показатели аллатива и латива родственных языков имеют одинаковое с показателем аллатива даргинского языка происхождение, т. е. возникли из классного слова *(дяхI, бяхI, ряхI, вяхI)*, обозначавшего понятие «лицо», «сторона». Но происхождение показателя аллатива в данных языках значительно завуалировано, поскольку изменяющиеся по классам названия частей тела в них не сохранились в отличие от даргинского языка, где такие названия еще бытуют в древнейшей форме, варьирующейся по классам. Таким образом, становится более ясной и предполагаемая генетическая связь окончаний аллатива и латива -ди, -даь, -бе этих языков с классными показателями, поскольку они представляют собой сохранившуюся начальную часть классного слова *дяхI*/*бяхI* «лицо» или «сторона».

В процессе исторического развития аллатив подвергся различным изменениям. Во-первых, в отдельных случаях он приоб-

рел лативное значение, в частности, в аштынском говоре наречия с первоначальным аллативным значением превратились в наречия с лативным значением, ср. *тинва* «туда» (← *тин+ва* «по направлению туда»), *синва* «сюда» (← *син+ва* «по направлению сюда»), *хинва,* «туда вниз» (← *хин+ва* «по направлению туда вниз»), *чIинва* «туда вверх» (← *кIин+ва* «по направлению туда вверх»). В своих истоках данные наречия представляли собой сочетание наречий *тин* «туда», *син* «сюда», *чIин* «туда вверх» и *хин* «туда вниз» с лативным значением и аллативного показателя первого класса **-ва**, восходящего к слову **ва** «лицо мужчины». Во-вторых, началось затухание серий аллатива. Так, в сиргинском диалекте ныне аллатив имеет всего три серии вместо четырех начальных, ср. *хьхьунния*-**ве+ди** «по направлению к дороге туда по горизонтали», *хьхьунния*-**ве+хIе** «по направлению к дороге вверх», *хьхьунния*-**ве+ка** «по направлению к дороге вниз». Серия со значением «по направлению сюда по горизонтали» в данном диалекте исчезла. Ее функции выполняют другие серии. В ряде диалектов серии аллатива исчезли полностью. Они отсутствуют во всех диалектах акушинско-урахинского типа, а также в большинстве диалектов цудахарского типа. А в-третьих, ряд изменений произошел и в формальной стороне аллатива. Изменения отмечаются в аллативном показателе, в сериальных показателях и в исходной основе. Изначальный категориальный классный показатель аллатива **-бяхI** (**-вяхI**, **-ряхI**, **-дяхI**) в губденском диалекте подвергся окаменению, ср. лит. *школализи*-**вяхI** (I кл.,), *школализи*-**ряхI** (II кл.), *школализи*-**дяхI** (III кл. мн. ч.) и губд. *ушкулализи*-**дяхI** (I, II, III кл.) «по направлению к школе». В аштынском говоре и в кункинском диалекте в аллативном показателе выпал конечный корневой согласный звук, ср. лит. *школализи*-**бяхI** и ашт. *школалицце*-**ба**, кунк. *школалеба*-**ка** «по направлению к школе вниз». Не осталось в первоначальном виде и качество гласного аллативного показателя, который дает рефлексы **-я-**, **-е-**, **-и-** в зависимости от диалектов, ср. ашт. *школалицциба,* лит. *школалибяхI,* сирг. *школалиццибе-ди* «по направлению к школе». Различным фонетическим изменениям подверглись и показатели серий латива: **-са**, **-да**, **-ка**, **-а**. Так, согласный с морфемы **са** в кункинском диалекте перешел в **ц** (ср. кунк. *школале-ца* «по направлению к школе сюда») согласно междиалектным звукосоответствиям **с — ц**[6] (ср. акуш. *секIал* и кунк. **цикIал** «вещь»). В показателе **-а** появляются наращенные звуки **гь-** и **хI-**, ср. кунк. *школалеба*-**гьа** (← *школалеба-а),* сирг. *школалиццеба*-**хIе** (← *школалиццеба-гьа* ← *школалиццеба-а)* «по направлению

[6] Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 294—295.

к школе вверх». Изменил свое качество в процессе исторического развития и гласный элемент сериальных показателей. Предполагаемый изначальный гласный этих показателей -а в зависимости от диалектов дает рефлексы -е, -и, ср. кунк. *школалеба-де*, сирг. *школалиццибе-ди* (← *школалиццибе-де* ← *школалиццибе-дя* ← *школалиццибе-да*) «по направлению к школе туда».

Глава IV. ПАДЕЖ УДАЛЕНИЯ (аблатив)

Падеж удаления, или аблатив, даргинского языка имеет значение двигаться, удаляться из места локализации. В даргиноведении этот падеж известен под названиями: формы удаления[1], исходный падеж[2], исходные падежи[3], серия исходных падежей[4], отложительный падеж[5] и, наконец, в литературе на даргинском языке — *декIарбикла падеж*[6] «падеж отделения». Л. И. Жирков отрицал наличие в даргинском языке аблатива, поскольку морфемы, рассматриваемые нами в качестве окончания аблатива, он квалифицировал как «наречия-послелоги»[7].

Аблатив до сих пор не получил соответствующей лингвистической квалификации и необходимой терминологической характеристики. Поэтому прежде всего следует решить, является ли аблатив категорией единого несериального падежа или же серий падежей, объединенных общим значением «удаления из места локализации».

Исходя из изложенного ранее понимания серии падежей, заключаем, что аблатив в даргинском литературном языке и в ряде близких к нему диалектов в настоящее время — несериальный падеж, поскольку идея «удаления» выражается в нем одним формантом **-ад (-ат, -т)**, ср. *вацIализиб***ад** «из лесу». Аналогичное положение отмечается и в некоторых диалектах цудахарского типа, где аблатив оформляется показателями **-ла, -л, -р, -й**. Что же касается урахинского и некоторых других диалектов, то в них наличествуют именно серии аблатива, которые в зависимости от удаления предмета вверх, вниз, туда или сюда имеют самостоятельные показатели, представляющие собой комбинации показа-

---

[1] Услар П. К. Указ. соч., с. 32—33.

[2] См.: Быховская С. Л. Указ. соч., с. 85—88; Магометов А. А. Указ. соч., с. 114; Гасанова С. М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971, с. 171.

[3] См.: Абдуллаев С. Указ. соч., с. 103; Гаприндашвили Ш. Р. Указ. соч., с. 309; Гасанова С. М. Указ. соч., с. 314.

[4] Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 189.

[5] Магометов А. А. Указ. соч., с. 114.

[6] См.: ГIябдуллаев С. Дарган мезла грамматика, с. 52—53; Сулейманов Б. С. Указ. соч., с. 92.

[7] Жирков Л. И. Указ. соч., с. 50.

телей направления и аблатива, ср. урах. *вацIализиб*-а+д «из лесу вверх», *вацIализиб*-хьа+д «из лесу вниз», *вацIализиб*-са+д «из лесу сюда» (по горизонтали), *вацIализиб*-би+т «из лесу туда» (по горизонтали).

Сериями аблатива называют еще комбинации показателей локализации и аблатива, ср. *столлишибад* «со стола», *столлиубад* «из-под стола», *столлизибад* «из стола», *столличубад* «от стола» (урах.), *цIалигIибад* «от-около огня» и т. д., что, на наш взгляд, не совсем удачно, так как значения серий выражаются показателями локализации, а значение аблатива — во всех случаях одним и тем же показателем. В тех диалектах, где имеются серии аблатива, одновременно может существовать большое количество различных комбинаций показателей локализации, направления и аблатива. Например, в урахинском диалекте, где отмечаются шесть серий латива и четыре серии аблатива, функционирует около 24 таких комбинаций, которые вполне можно принять за самостоятельные падежи.

Аблатив даргинского языка более или менее удовлетворительно описан в синхронном аспекте[8]. В сравнительно-историческом плане аблатив изучен недостаточно, так что судить об особенностях его исторического развития без специального исследования диалектов невозможно.

Падеж удаления (аблатив) в современных диалектах даргинского языка и его восстанавливаемое состояние в прадаргинском языке. Сопоставительный анализ диалектного материала показывает, что аблатив как падежная категория не одинаков во всех диалектах, в частности, отмечается заметное расхождение аблатива по диалектам как в плане выражения, так и в плане содержания.

В одних диалектах представлен несериальный аблатив, который не указывает на направление удаления вверх, вниз, туда или сюда. Такой аблатив функционирует в говорах цудахарского, акушинского, муиринского и других диалектов, ср. цуд. **вацIаццила**, муир. **вацIалиццир**, акуш. **вацIализибад** «из лесу сюда, туда, вниз, вверх». В других диалектах налицо аблатив сериальный, который указывает на направление сюда, туда, вверх, вниз. Такой аблатив отмечается в урахинском, сиргинском и других диалектах, ср. урах. **вацIализибсад** «из лесу сюда», **вацIализиббит** «из лесу туда», **вацIализибхьад** «из лесу вниз», **вацIализибад** «из лесу вверх», сирг. **вацIалиццирца** «из

[8] См.: Абдуллаев З. Г. Указ. соч., с. 189—191; Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 309—329; Магометов А. А. Указ. соч., с. 114—124; Гасанова С. М. Указ. соч., с. 171—172, 199, 223, 298, 314.

лесу сюда», **вацIалицциpди** «из лесу туда», **вацIалицциргьа** «из лесу вверх», **вацIалицциpка** «из лесу вниз» и т. д. Иногда в диалектах наблюдается сосуществование сериального и несериального аблативов, ср. дейб. **вацIализер** «из лесу сюда, туда, вверх, вниз» и **вацIализебсат** «из лесу сюда», **вацIализеббет** «из лесу туда», **вацIализебат** «из лесу вверх», **вацIализебкат** «из лесу вниз».

Неодинаковым в диалектах является и образование аблатива. Выделяются два основных способа образования: 1) на базе латива, 2) на базе эссива.

Аблатив, созданный на базе латива, наблюдается в диалектах, где отсутствуют эссивы (ср. кайт. **мейдантацци+р** «из людей» и **мейдантацци** «в людей»; чир. **вацIала+рка** «из лесу вниз» и **вацIале** «в лес»; губд. **халкьизекан** «из народа» и **халкьизе** «в народ»); аблатив же, созданный на базе эссива, отмечается исключительно в тех диалектах, где функционирует эссив (ср. акуш. *вацIализиб*+**ад** «из лесу» и *вацIализиб* «в лесу»; урах. *вацIализиб*+**хьад** «из лесу вниз» и *вацIализиб* «в лесу»).

Особый интерес представляет образование аблатива на базе латива при наличии в данном диалекте эссива. Подобное явление наблюдается в муиринском, мугинском, кичигамринском и в других диалектах, и говорах, ср. муир. *вацIалицци*+**р** «из лесу» и *вацIалицци* «в лес», *вацIалицциб* «в лесу», муг., кичигамр. *вацIализи*+**т** «из лесу» и *вацIализи* «в лес», *вацIализиб* «в лесу». Засвидетельствован еще один способ образования аблатива путем присоединения показателя аблатива к форме абсолютива, ср. мург. *гьунед* (← гьуни+ад) — при *гьуни* «дорога» (в абс. «по дороге»); *дуб-дубаб* «по краю» (при *дуб* «край» в абс.) и т. д.

Такая форма аблатива является реликтовой и, возможно, берет начало от семантически сходной послеложной конструкции языка-основы. Такое предположение основывается на том, что данная форма аблатива ныне лексикализовалась и напоминает наречие. Кроме того, она отличается от современных форм аблатива и в семантическом отношении. Так, старая форма аблатива закрепилась за значением «идти по чему-то», хотя это значение может выражаться и современной формой аблатива, ср. **гьунчибад** *башули саби* «идут по дороге» и **гьуйчибад** *убацIиб* «ушли с дороги».

Следы старого реликтового аблатива ныне сохранились:

а) в своеобразных формах субстантивов, выражающих значение «по чему-то двигаться» и обозначающих в основном части целого, ср. мург. *мякьяд* «вдоль», «вплотную соприкасаясь» (ср. *мякь* «корень»), *хъар-хъарад* «по верхней части» (ср. *хъар* «верхняя часть наклонной поверхности»), *хьар-хьарад* «по

нижней части наклонной поверхности», *дуб-дубад* «по краю» (ср. *дуб* «край») и т. п.;

б) в ряде наречий и послелогов, которые в прошлом, бесспорно, были формами аблатива местоимений, ср. *ишад* «отсюда», *икIад* «оттуда сверху», *ихад* «оттуда снизу», *итад* «оттуда» (по горизонтали).

Застывшими формами старого аблатива должны быть и такие слова современного даргинского языка, как *кат (← ки+ад)* «вниз», «спуск», *сат (← са+ад)* «оттуда сюда», *бет (← би+ат)* «отсюда туда», *ат (← а+ад)* «снизу вверх», *лаг* (← очевидно, от *ла+ад)* «вверх», «подъем», которые выступают в роли наречий, послелогов и превербов, заключающих в себе идею «удаления», ср. урах. *хьатха (← катха)* «принеси сверху вниз», *сатха* «принеси оттуда», *атха* «принеси снизу вверх», мург. *бетка* «отдай». Старый аблатив, функционировавший на начальном этапе самостоятельного развития даргинского языка, подвергся значительной деградации в процессе исторического развития.

Не является однотипным в диалектах и способ образования серий аблатива. В одних диалектах серии аблатива создаются путем присоединения к словоформе аблатива направительных формантов. В такой словоформе носитель идеи удаления повторяется один раз и располагается перед направительными формантами (ср. бутр. *вацIалицциp*+**са** «из лесу сюда», вацIалицциp+**да** «из лесу туда», *вацIалицциp*+**гьа** «из лесу вверх», *вацIалицциp*+**ка** «из лесу вниз»).

В других диалектах серии аблатива создаются путем присоединения к словоформе аблатива двуморфного показателя, состоящего из направительного форманта и носителя идеи удаления. В подобных словоформах отмечаются два показателя идеи удаления. Один из них локализуется до, а другой — после направительного форманта, ср. сутб. *вацIалицци*+**р**+*сса*+**т** «из лесу сюда», *вацIалицци*+**р**+*хьа*+**т** «из лесу вниз, *вацIалицци*+**р**+*бе*+**т** «из лесу туда», *вацIалицци*+**р**+**а**+**т** «из лесу вверх».

Серии аблатива расходятся в диалектах не только по способу образования, но и по качеству сериальных показателей. Так, например, показатели серий аблатива в кайтагском диалекте совершенно отличаются от таковых в других диалектах, ср.:

кайт.	урах.
ушкулццир+**жин**	*ушкулализиб*+**сад** «из школы сюда»
ушкулццир+**тин**	*ушкулализиб*+**бит** «из школы туда»
ушкулццир **кIин**	*ушкулализиб*+**ад** «из школы вверх»
ушкулццир+**хин**	*ушкулализиб*+**хьад** «из школы вниз»

Как будет показано, сериальные показатели кайтагского диалекта возникли из наречий, образованных от указательных местоимений.

Наибольшие расхождения по диалектам дает показатель аблатива, который реализуется в виде -д (мург. *вацIализебад* «из лесу»), -р (муир. *вацIалицциp*), -т (муг. *вацIализит*), -тт (сутб. *вацIалицциpссатта*), -й (ашт. *вацIалицций*), -л (куб. *кьапIалицил* «из шапки»), -н (губд. *шилизакан* «из села»), -ла (цуд. *вацIаццила* «из лесу»).

Не одинакова в диалектах и семантическая структура аблатива. В ряде говоров и диалектов аблатив выражает объект сравнения, речи, причины, ср. дуак. **бецIлиярка** *сика цIакьце саби*, букв. «с волка медведь сильнее», т. е. «чем волк»; **бецIлиярка** *гъаймайкIут*, букв. «с волка не говори», т. е. «о волке»; *гьеш* **бецIлиярка** *бихубце анцIбукь цаби*, букв. «это с волка случившееся событие есть», т. е. «из-за волка». Эти значения в большинстве других говоров и диалектов выражаются ныне специальными падежами или словосочетаниями.

Анализ материала восстанавливает следующую картину функционирования аблатива и выражения аблативных значений в прадаргинском языке. На начальном этапе прадаргинского языка многие из современных значений аблатива выражались разными средствами: старым аблативом, унаследованным из языка-основы, и разными словосочетаниями, приближенными к послеложным конструкциям. Форма старого аблатива не выражала направления удаления, она указывала лишь на удаление предмета с места локализации. Направление удаления выражалось специальными словами — наречиями-послелогами. Категория направления и категория аблатива в это время существовали дифференцированно. В таких обстоятельствах, разумеется, не мог функционировать сериальный аблатив.

Сравнительно-исторический анализ диалектного материала позволяет предположить зарождение нового аблатива на позднем этапе прадаргинского языка. Новый аблатив возникает на базе лативов, сформировавшихся в период самостоятельного развития даргинского языка путем присоединения к последним показателя аблатива, заимствованного из языка-основы (см. ниже). Такой аблатив ныне хорошо сохранился в ряде говоров и диалектов, ср. муир. *вацIалицци*+**р**, муг. *вацIализи*+**т**, ашт. *вацIалицци*+**й** «из лесу». Данный аблатив в своем истоке был несериальным, и в период его возникновения направление удаления выражалось еще специальными словами. Новый аблатив постепенно вытеснил старый, который в семантически измененном виде ныне сохранился лишь остаточно.

Употребление аблатива в прадаргинском языке было значительно лимитировано семантикой субстантивов и глаголов, управляющих аблативом. Так, аблативом управляли в основном глаголы движения. Субстантивами, выступающими в форме аблатива, были главным образом названия конкретных предметов, элементов ландшафта и компонентов пространства, которые способны быть местом локализации другого предмета.

В некоторых отношениях семантика нового аблатива прадаргинского языка была даже шире современного. Так, в отличие от современного аблатива литературного языка и ряда диалектов новый аблатив прадаргинского языка выражал объект сравнения, речи, мысли и предмета.

Зарождение сериального падежа удаления (аблатива) и тенденция его дальнейшего развития. Зарождение серий аблатива совпадает с периодом начала диалектной дифференциации прадаргинского языка. Эти серии в плане содержания представляли собой комбинации направительного и аблативного значений, а в плане выражения — сочетание словоформы аблатива и показателей направления, напоминающих наречия-послелоги. Зарождение сериального аблатива было обусловлено постепенным слиянием двух функционально близких категорий — категории удаления (аблатива) и категории направления в одну двуединую категорию — в сериальный аблатив. Слиянию способствовало то, что, будучи сопряженными категориями, они функционировали совместно. Это привело к сращению показателей обеих категорий. Свое дальнейшее развитие сериальный аблатив получает лишь в период значительной диалектной дифференциации прадаргинского языка. Это подтверждается, во-первых, расхождением в диалектах способов образования серий аблатива; во-вторых, несовпадением в диалектах сериальных показателей. Необходимо отметить и то, что сериальный аблатив развился не во всех диалектах. В некоторых из них (цуд., муг., кичигамр. и других) до сих пор категория направления и категория аблатива функционируют дифференцированно.

В ряде говоров и диалектов, составляющих зону консервации, в настоящее время отмечается сосуществование несериального аблатива, унаследованного из прадаргинского языка, и новообразованного сериального аблатива — продукта самостоятельного развития диалекта. Такое положение ныне наблюдается в кубачинском диалекте и в некоторых говорах муиринского диалекта (примеры даны выше). Новообразованный сериальный аблатив в большинстве диалектов получил полное развитие и вытеснил несериальный аблатив (в основном в диалектах акушинско-урахинского типа). В настоящее время сериальный аблатив характеризуется тенденцией к нивелировке серий. Проявлением

такой тенденции является то, что в одних диалектах отмечается сокращение серий до двух или трех. Такое состояние находим, например, в ураринском или в джавгатском говорах, где значение исчезнувших серий выражается иными средствами, ср.:

дуакарский говор	ураринский говор
вацIалицциp-гьа «из лесу вверх»	—
вацIалицциp-ка «из лесу вниз»	*вацIалицциp*-ка «из лесу вниз»
вацIалицциp-ца «из лесу сюда»	*вацIалицциp*-ца «из лесу сюда»
вацIалицциp-ди «из лесу туда»	*вацIалицциp*-би «из лесу туда»

санчинский говор	джавгатский говор
ушкулцциp-кIин	*ушкулцциp*-кIин «из школы вверх»
ушкулцциp-хин	*ушкулцциp*-хин «из школы вниз»
ушкулцциp-жин	*ушкулцциp* «из школы сюда»
ушкулцциp-тин	*ушкулцциp* «из школы туда»

В других же диалектах налицо факт полного исчезновения серий аблатива и формирования нового вторичного несериального аблатива. В этих диалектах аблатив уже не показывает направление удаления, а выражает только обобщенное и несколько абстрагированное значение удаления, которое на формально-грамматическом уровне выражается одной из сериальных форм. Подобное положение ныне отмечается в ряде диалектов, в том числе и в опорном диалекте литературного языка, ср. урах. *шуллишибад* «с валуна вверх», *шуллишибхьад* «с валуна вниз», *шуллишибсад* «с валуна сюда», *шуллишиббит* «с валуна туда» и лит. *шулричибад* «с валуна сюда, туда, вверх, вниз». Как видно из примеров, в литературном языке, где исчезли серии, функции несериального аблатива стала выполнять форма серии удаления с направлением вверх.

В худуцском и ицаринском говорах, где также исчезли серии, аналогичную функцию соответственно стали выполнять формы бывших серий удаления, но с направлением вниз (ср. худуц. *ушкуллицциpка* «от, со, из школы») и с направлением туда (ср. *ушкулцциртал* «из, от, со школы»).

Отмеченная склонность серий аблатива к исчезновению вытекает из особенности дальнейшего развития местных падежей по направлению к сокращению серий. Такая тенденция в свою очередь обусловлена тем, что центр тяжести в выражении направления удаления переместился на глагол. Как показывает анализ материала, первоначально направление удаления в языке выражалось лексически, т. е. специальными словами, которые

впоследствии превратились в своеобразные послелоги, склонные к слиянию со знаменательными словами. Сначала эти послелоги тяготели к именам, сливались с ними, в результате чего возникли и серии аблатива. Со временем эти же послелоги стали примыкать к глаголу в качестве направительных превербов, что привело к возникновению в языке такой ситуации, когда одно и то же направление удаления выражалось дважды: формой падежа и превербным глаголом. С таким фактом мы сталкиваемся и ныне в тех или иных диалектах, ср. урах. *вацIализиб*+**ад ат**+*хилла* (← **ад**+*хилла*) «из лесу вверх принес», *вацIализиб*-**хьад хьат**+*хилла* (← **хьад**+*хилла*) «из лесу вниз принес», *вацIализиб*-**сад сат**+*хилла* (← **сад**+*хилла*) «из лесу сюда принес» (по горизонтали), *вацIализиб*+**бит бит**+*иркIира* «из лесу туда повел» (по горизонтали). Как известно, подобное дублирование одной и той же информации всегда склонно к устранению. И, видимо, поэтому в настоящее время в ряде диалектов отмечается выражение данного значения только в глаголе, где оно выражается превербами, ср. мург. *вацIализебад* **а**+*бухира* «из лесу вверх принес», *вацIализебад* **ка**+*бухира* «из лесу вниз принес», *вацIализебад* **са**+*бухира* «из лесу сюда (по горизонтали) принес», *вацIализебад* **бет**+*ухъун* «из лесу туда пошли». В этом же говоре ныне отсутствуют серии аблатива, значение направления удаления выражается превербами. Таким образом, выражение направления переместилось из системы имен в систему глагола.

Исторические изменения в семантической структуре

Семантическая структура восстанавливаемого для прадаргинского состояния аблатива была относительно простой и однообразной. Она характеризовалась обозначением места удаления предмета, которое выражалось оформлением в аблативе существительного с конкретно-предметным значением. Этим падежом управляли глаголы со значением удаляющегося движения, сначала немногочисленные в языке.

Исследование показывает, что в процессе исторического развития семантическая структура аблатива подвергалась различным изменениям. Были приобретены новые значения, что сделало семантическое строение аблатива разнообразным. Некоторые значения в ходе исторического развития утеряны.

Дальнейшее развитие структуры семантического поля аблатива происходило в результате постепенного вовлечения в аблативные отношения все большего количества субстантивов и глаголов, имеющих разнообразную семантику, что стало возможным благодаря дальнейшему абстрагированию мысли, а также развитию стилей и функций самого языка.

Развитие семантического содержания аблатива начинается с приобретения этим падежом непространственных значений по аналогии с пространственными в результате определенного абстрагирования первых.

К приобретенным непосредственным значениям аблатива относятся значения, связанные с обозначением: 1) отрезка времени, с которого начинается действие, ср. *собрание сагIят* **хIябличибад** *бехIбихьибси саби* «собрание началось с трех часов» и т. п.; 2) предмета речи и мысли, ср. цуд. **бецIлияла** *гъайдикIуле калгунда*, букв. «с волка разговаривали», т. е. «о волке»; 3) субъекта происшествия, ср. *иш* **дурхIялизибад** *кабикибси анцIбукь саби*, букв. «это от сына упавший случай есть», т. е. «это сделал сын»; 4) материала, из которого что-то сделано, ср. *илдала хъулирти кьям-кIуцIул* **урцуйзирад** *дарибтири*, букв. «в их доме посуда из дерева сделанная была» и т. п.; 5) предмета, который подлежит качественному изменению, ср. **ишизивад** *гIяхIси адам ветарар* «из него хороший человек будет»; 6) предмета, с которым сравнивают что-то, ср. сирг. **бецIлерка** *сика цIакьци цаби*, букв. «с волка медведь сильнее», т. е. «сильнее волка»; 7) предмета, которого лишают, боятся, стесняются и от которого хотят избавиться, прячутся, освобождаются, ср. **дагьрилизивад** *ухъун* «лишился рассудка», **бецIлизибад** *урухбиуб* «испугался волка», **нешлизивад** *урузкIулра* «стесняюсь матери», **нешлизирад** *дигIянриркулра* «прячусь от матери», **хIезивад** *акIубси* «рожденный от тебя», **занзбазибад** *умубарра* «почистил от колючек», **душмантазибад** *азадбатахъур* «освободили от врагов» и т. д.; 8) предметов, из которых выбранный чем-то отличается, ср. **жагатазибад** *жагалгъуна* «из красивых самый красивый» и т. п.; 9) предмета, послужившего причиной определенного следствия: *ит* **вабаълизивад** *вебкIиб* «он умер от холеры» и т. п.; 10) источника добра, зла и т. п., ср. **ишизибад** *гIяхIдеш агара* «от него добра нет» и т. п.; 11) части тела, в которую ранен, ср. **бекIлизивад** *вяхъили сай*, букв. «с головы ранен», т. е. «в голову»; 12) предмета, послужившего орудием действия, ср. **радиолизивад** *гъайухъун*, букв. «разговаривал из радио», т. е. «выступил по радио», **тупанглизивад** *къяйкикIули сай* «стреляет из ружья», *ца* **кьяшлизивад** *валкIикIули сай*, букв. «с одной ноги хромает», т. е. «хромает на одну ногу», и др.; 13) объекта прощения, извинения, ср. **набчивад** *чевверхи*, букв. «перейди через меня», т. е. «прости меня» и т. п.; 14) предмета, вместо которого или за которого что-то делают, ср. **хIечирад** *ну ребкI*, букв. «через тебя чтобы я умерла», т. е. «вместо тебя или за тебя», и т. п. Из буквальных переводов многих примеров становится очевидным, что вновь приобретенным непространственным

абстрактным значениям аблатива предшествовали конкретно-пространственные значения.

В ходе исторического развития аблатив утратил ряд своих значений. Так, например, в наиболее прогрессировавших диалектах акушинско-урахинского типа в настоящее время аблатив уже не выражает значения сравнения, не обозначает предмета речи и мысли, а также предмета, послужившего причиной чего-то. Эти функции здесь выполняют сравнительно молодые, вновь возникшие падежи, такие, как инструменталис, тематив, или различные частицы, ср. сирг. **бецIлиярка** *сика цIакьци цаби* (**бецIлиярка** «с волка» — абл.) и акуш. **бецIичиб** *синка цIакьси саби* «чем волк, медведь сильнее» (**бецIичиб** «чем волк», **-ичиб** — сравн. част.); сирг. **бецIлиярка** *хабар бурсибда (бецIлиярка* «с волка» —абл.) и акуш. **бецIличила** *хабар бурра* (**бецIличила** «о волке» — тематив) «о волке рассказал»; сирг. **бецIлиярка** *бихубци цаби* (**бецIлиярка** «с волка» — абл.) и акуш. **бецIличибли** *биубси саби* (**бецIличибли** «из-за волка» — инст.) «из-за волка случилось».

Сохранившееся в ряде архаичных диалектов (например, в сиргинском) положение, когда функции сравнения, тематива и инструменталиса выполняются еще одним из местных падежей — аблативом, бесспорно, принадлежит к реликтовым явлениям даргинского языка. Передача этих значений специальными падежами, наоборот, является новым явлением. Как выяснилось, тематив и инструменталис возникли сравнительно недавно. Семантические сдвиги в содержании аблатива не менее прозрачно вырисовываются и на диаграмме расширения синтаксических функций, которую нетрудно увидеть в приведенных выше примерах.

Первоначально аблатив выполнял одну синтаксическую функцию: обстоятельства места. Далее появились еще функции обстоятельства времени, причины и сравнения. Особый интерес представляют приобретенные аблативом функции определения и дополнения в связи с постепенным расширением семантики имен, способных выступать в форме аблатива. Если первоначально в аблативе оформлялись названия только конкретных предметов, то со временем в нем стали оформляться и названия разумных существ, что дало возможность аблативу выполнять функции дополнения, ср. *дурхIни* **школализибад** *чарбухъун* «дети из школы вернулись» (обст. места) и *нуни* **учительлизибад** *ца секIал багьурра* «от учителя я узнал одну вещь» (доп.). Возникновение в языке определения, выражаемого аблативом, обязано развитию книжного стиля. Аблатив в такой функции встречается в основном в заглавиях статей и книг, ср. **отходуназирад** *юртани* «дома из отходов», а иногда и в разговорной речи, ср.

Сергокъалализибад *МяхIячкъалализи гьуни вайси ахIен* «из Сергокалы в Махачкалу дорога неплохая».

Одним из признаков дальнейшего грамматического абстрагирования аблатива является расширение типов управляющих этим падежом слов.

Сначала аблатив был исключительно приглагольным, и им управляли в основном глаголы с семантикой удаляющегося движения типа *арукьес* «уйти», *арбукес* «отвести», *арбухес* «отнести» и т. п.

Анализ материала показывает, что в ходе исторического развития языка глаголы, управляющие аблативом, по своей семантике стали более разнообразными. В первую очередь к глаголам движения присоединяются глаголы типа *кабикес* «падать», *«декIарбикес* «отделиться», *убасес* «убрать», *айзес* «подняться», *кацIсс* «спуститься с чего-нибудь».

Со временем аблативом стали управлять также глаголы чувственного и интеллектуального восприятия, при которых форма аблатива выражает объект, с которого смотрят, ведут наблюдения, от которого что-то узнают или слышат, от которого что-то зависит, ср. **хъалчивад** *хIерикIес* «смотреть с крыши», **учительлизибад** *багьурра* «от учителя узнал», **хIезибад** *бакьира и* **хIезибад** *аргъира* «от тебя слышал», **хIезибад** *дигахъу,* букв. «от тебя любимо», т. е. «от тебя зависит».

В аблативе начинают оформляться существительные и при глаголах лишения, ср. **набзибад** *урчи бухъун,* букв. «от меня лошадь отделилась», т. е. «я лишился лошади», **няслизибад** *умубарес* «почистить от грязи» и т. п.

При глаголе «начинать» в аблативе стало уже возможным оформление имени любой семантики, ср. *хIу гьала-гьала ишпикричивад вехIихьи* «ты сначала с этой мысли начни», *дехIдирхьехIе хIела* **гъайухъниличирад** «начнем с твоего выступления» и под.

Рост удельного веса глаголов, управляющих аблативом, связан с активизацией в языке глагольного словообразования.

За небольшим исключением такие глаголы даргинского языка являются производными, и в подавляющем большинстве случаев они содержат направительный преверб, материально совпадающий с направительным формантом в аблативе.

Аблативом продолжают управлять и все нефинитные формы, образованные от управляющих аблативом глаголов, ср. **школализивад** *вакIни* «приход из школы», **школализивад** *вакIибси* «пришедший из школы», **школализивад** *вакIили* «придя из школы».

Данное обстоятельство в свою очередь стимулировало развитие у аблатива способности сочетаться с именами и наречия-

ми, ср. *ца* **кьяшлизивад** *валкIа,* букв. «хромой с одной ноги», т. е. «хромой на одну ногу», **куцлизивад** *жагаси,* букв. «красивый из тела», т. е. «красивый по телосложению», **нушачибад** *гьарахъли* «далеко от нас», **вацIализибад** *гъамли* «от леса недалеко», **вачарлизибад** *пайда* «выгода от торговли», **гъайлизибад** *гIяхIдеш агара* «от слов нет пользы» и под.

Возникновению присубстантивного аблатива способствовало не только развитие стилей языка. В ряде случаев присубстантивное употребление аблатива обязано своеобразному элипсису — пропуску глагола, управляющего аблативом, ср. *ма, хIед* **узичибад** *кагъар* «на, тебе письмо от брата» (→ *ма, хIед* **узичибад** *бикIибси кагъар* «на, тебе пришедшее от брата письмо»). Развитию содержательной стороны аблатива способствовало и влияние русского языка, ср. выражение **някълизибад** *асира,* букв. «от руки купил», т. е. «с рук купил».

О развитии содержательной стороны аблатива до широких абстракций свидетельствуют факты лексикализации аблативных словоформ и участие показателей аблатива в словообразовании. В современном даргинском языке при помощи показателя аблатива образуются деепричастия времени, напр.: лит. **вакIибмад** «как только пришел» (← мад ← бад, ср. *вацIализибад* «из лесу»); кайт., муг. *батуркат* «как только оставил» (ср. дейб. *вацIалицциркат* «из лесу вниз»). По всей видимости, являются генетически родственными суффикс **-ла**, образующий ныне деепричастия со значением «с того момента», и показатель аблатива **-ла** в цудахарском диалекте, ср. лит. *вакIибла* «с того времени, как пришел» и цуд. *вацIаццила* «от леса» и под.

В отдельных случаях словоформы аблатива подверглись лексикализации и превратились в послелоги, напр.: *шайзирад* «от» (← из бока — при *шали* «бок» в абсолютиве», ср. *дила* **шайзирад** *саламти диаб,* букв. «с моей стороны (бока)», т. е. «привет от меня»), лит. *чебкад* «о» (← «с поверхности» — при *че* «поверхность» в абсолютиве, ср. *кьулала* **чебкад** *ИсмягIилла гIярза,* букв. «с поверхности коров жалоба Исмаила», т. е. «жалоба Исмаила о коровах»); амух. *хъарирка* «о» (← «с верхнего конца» — при *хъар* «верхний конец» в абсолютиве, ср. *ккурттала* **хъарирка**, букв. «с верха лисы», т. е. «о лисе» и под.).

В кубачинском диалекте и в отдельных говорах сиргинского диалекта одна из сериальных форм аблатива, потеряв свое исходное локальное значение, приобретает значение цели и причины. При этом несколько видоизменился показатель аблатива: окаменел и подвергся фонетическому изменению классный показатель, ср. куб. *галжимат* «ради сына», «из-за сына» (← *галжибад* «с сына»), сутб. *Мурадлихьимат* «ради Мурада», «из-за Мурада» (← *Мурадлихьибад* «с Мурада»). Кроме того, сама слово-

форма аблатива стала в современном даргинском языке производящей основой для своеобразных «отыменных» причастий, ср. *школализибадси* «то, что из школы», *районнизирадти кагъурти* «письма, которые из района» и т. п. Примечательно, что такое причастие склоняется по всем падежам, в том числе и по аблативу, ср. *районнизибадсилизибад* «из того, что от района». Подобная особенность аблатива, разумеется, вытекает из былой глагольной природы эссива, на базе которого он создается.

С другой стороны, участие показателей аблатива и в словообразовании свидетельствует о неполной дифференциации в современном даргинском языке словообразования и падежного словоизменения.

Исторические изменения в форме

Исторические изменения окончания. В качестве окончания аблатива в современных диалектах даргинского языка выступают морфемы -д, -т, -тти, -р, -й, -л, -тI, -н, -ла. Как показывает сравнительно-исторический анализ материала, изначальное состояние отражает показатель -д, который хорошо сохранился в современных диалектах акушинско-урахинского типа, ср. акуш. *вацIализибад* «из лесу».

Показатель аблатива -д в своем историческом развитии подвергся различным фонетическим изменениям в других диалектах даргинского языка. Так, в кичигамринском и мугинском говорах он оглушился и перешел в -т, ср. кичигамр., муг. *вацIализит* (← *вацIализид*) «из лесу» и т. д. Переход -д в -т в данных говорах был вызван общим фонетическим законом перехода звонких в глухие непридыхательные согласные в ряде диалектов даргинского языка[9]. В говорах кайтагского и муиринского диалектов этот показатель по субституции дал сонорный -р, ср. кайт. *ушкулццир* (← *ушкулццид*) «из школы», муир. *вацIалицир* (← *вацIалиццид*) «из лесу». Замещение звука д сонорным р в истории даргинского языка отмечается довольно часто. Функционирующий в аштынском говоре показатель аблатива -й является также результатом целого ряда фонетических изменений, которым подвергся первоначальный показатель -д. Последовательность фонетических процессов, приведших в появлению -й в аштынском говоре на месте исходного -д, рисуется в следующем виде: *вацIалиццид* (ср. муг. *вацIализит* ← *вацIализид*) → *вацIалицци*-р (муир.) → *вацIалицци*-й (ашт.). Переход исконного р в й в говорах кубачинского диалекта — широко представленный фонетический закон даргинского языка[10].

---

[9] Бокарев Е. А. Указ. соч., с. 47.
[10] Магометов А. А. Указ. соч., с. 56.

По всей вероятности, из -д и возник показатель аблатива -л кубачинского диалекта, поскольку звукопереход д — л в данном диалекте отмечается и в других случаях, ср. лит. *дуб* и куб. *лум* «край».

В ряде случаев зафиксирован переход показателя аблатива и в абруптив -тI (ср. муир. *урхьначирсатIли* и урах. *урхьнаширсадли* «с моря сюда»), и в сонорный -н (ср. губд. *шилизекан* и урах. *шилизибхьад* ← *шилизибкад* «из селения»). Случаи прерутивизации или абруптивизации д, а также переход д в н в даргинском языке известны не только в данных примерах. Такие изменения распространены широко.

Кроме отмеченного, в губденском говоре зафиксированы также факты полного исчезновения рефлекса н, исторически исходного аблативного показателя д. В данном говоре, например, факультативно употребляются и такие формы аблатива, как *школализека* вместо *школализекан* (← *школализекад*) «из школы». В таких случаях в функции показателя аблатива со значением удаления от места локализации выступает исторический показатель направления удаления со значением «сверху вниз». Данный пример подчеркивает возможность превращения показателя направления в показатель аблатива. Не исключена возможность того, что и современный показатель аблатива аварского языка -са возник аналогичным путем, ибо он полностью совпадает с направительным показателем аблатива даргинского языка -са, ср. бутр. *шагьарлицирса* «из города сюда» и авар. *шагьаралдаса* «из города». Возможно, и в аварском языке в форме аблатива исчез истинный показатель этого падежа, а остался лишь показатель направления удаления наподобие тому, что мы ныне имеем в губденском говоре даргинского языка. Примечательно, что, как и в губденском говоре даргинского языка, в современном аварском языке иногда обнаруживается исторический истинный показатель удаления в виде факультативного появления н в форме аблатива, ср. авар. *шагьаралдаса* или *шагьаралдасан* и губд. *шагьарлизека* или *шагьарлизекан* «из города». Здесь надо иметь в виду, что в губденском из четырех первоначально представленных в даргинском языке серий аблатива сохранилась одна серия на -кан (← -кад), которая ныне совмещает функции всех бывших четырех серий. Нечто подобное, видимо, произошло и в аварском языке, в котором в отличие от губденского говора даргинского языка в качестве общей формы аблатива закрепилась серия на -сан (← -сад). Выше отмечалось, что при деградации серий аблатива в качестве формы несериального аблатива закрепляется одна из бывших сериальных форм. В диалектах даргинского языка такое закрепление

дало разные результаты: в одних диалектах закрепилась форма одной, а в других — другой серии.

Различным фонетическим изменениям подверглись и двуморфные окончания серий аблатива. Как известно, в современных диалектах даргинского языка в качестве окончаний серий аблатива функционируют -ад/-ат, -гьат; -кад/-кат, -хьад; -сад/-сат, -цат; -кан; -бид/-бет.

Сравнительно-исторический анализ материала показывает, что первоначально эти двуморфные сериальные окончания аблатива выступали в виде -ад, -кад, -сад, -бед, лишь впоследствии в тех или иных диалектах под влиянием различных исторических фонетических законов междиалектных звукопереходов они приняли иной облик.

Отмеченные показатели в историческом плане разбиваются на две части: на показатели направления -а, -ка, -са-, -бе- и на категориальный показатель аблатива -д.

Исторические изменения в сериальных, или направительных формантах. Выясняется, что изначальные направительные форманты -са, -а, -ка, -(ба)+да в ходе своего исторического развития подверглись различным фонетическим изменениям. Так, в сиргинском диалекте в результате перехода исконного с в ц формант -са стал выступать в виде -ца, ср. бутр. *вацIалицциp*-са и *вацIалицциp*-ца *(← вацIалицциp*-са) «из лесу сюда».

К форманту -а в диалектах цудахарского типа приращивается звук гь, ср. урах. *вацIализиб*-а+д и бутр. *вацIалицциp*-гьа (← *вацIалицциp*-а). Думается, что первоначально перед -а существовал определенный согласный звук, который впоследствии выпал.

Согласный -д- форманта -бада в ряде диалектов подвергся преруптивизации, ср. бутр. *вацIалицциp*-де и сутб. *вацIалицциp*-бе+тт *(← вацIалицир*-бада) «из лесу туда». Кроме того, в отдельных диалектах наблюдается утрата классного экспонента и вокализирующего его гласного, ср. сутб. *ваIалицциp*-бе+тт и бутр. *вацIалицциp*-де *(← вацIалицциp*-баде).

Различным изменениям подвергся и конечный гласный элемент форманта -бада: во-первых, отмечается выпадение его, ср. сутб. *вацIалицциp*-бетт *(← вацIалицциp*-бед *← вацIалицциp*-бада), во-вторых, налицо факты перехода этого гласного в -е или в -и, ср. бутр. *вацIалицциp*-де *(← вацIалицциp*-да *← вацIалицциp*-бада), карбач. вацIалиццир-ди *(← вацIалицциp*-де *← вацIалиццар*-да *← вацIалицциp*-бада).

Исторические изменения в исходной основе. Было отмечено, что аблатив в одних диалектах образуется на базе словоформы латива, а в других — эссива. Анализ материала показывает, что словоформа латива в роли исконной основы в своем развитии не

претерпевает особых изменений. Отмечается лишь изменение качества конечного гласного исходной основы. Так, в губденском говоре зафиксирован переход конечного -е исходной основы в -а под влиянием гласного -а- окончания, ср. *шилизи-кан* (← *шилизе+кан)* «из селения». Однако такой переход является факультативным, в данном говоре наряду с формой типа *шилизакан* широко употребляется и форма *шилизе+кан*, где исходная основа *шилизе* «в село» остается без изменения.

Изменение конечного гласного исходной основы отмечается и в кубачинском диалекте, ср. *кьапIалцци+л* (← *кьапIалце+л)* «из шапки» — при *кьапIалце* «в шапке» (лат.).

Более глубокие изменения в исходной основе происходят в тех диалектах, где аблатив образуется на базе эссива.

Отмечается окаменение конечного классного показателя исходной основы (=словоформы эссива), ср. нижнемул. *шилизир+ат* (I, II, III кл.) «из селения» и лит. *шилизив+ад* (I кл.), *шилизир+ад* (II кл.) и *шилизиб+ад* (III кл.) «из селения» — при *шилизив* (I кл.), *шилизир* (II кл.), *шилизиб* (III кл.) «в селении» (эссив) в нижнемулебкинском говоре и в литературном языке.

Окаменение произошло и в серии аблатива со значением удаления туда урахинского диалекта, ср. *вацIализиб+бит* (I, II, III кл.) «из лесу туда» и *вацIализив+сад* (I кл.) «из лесу сюда», *вацIализир+сад* (II кл.) «из лесу сюда», *вацIализиб+сад* (III кл.). Возможно, в данном случае окаменение вызвано фонетическим явлением — положением классных показателей перед б. Факты окаменения отмечаются и в таких формах имен сутбукского говора и кубачинского диалекта, как куб. *юлдашлижимат* «ради товарища» (←*юлдашлизибад* «с товарища»), сутб. *юлдашлихьимат* «ради товарища» (← *юлдашликибад* «с товарища»). Данные формы в этих диалектах ныне являются формами падежа причины, который, как думаем, отпочковался от аблатива и закрепился на формально-грамматическом уровне в результате окаменения классного показателя исходной основы.

Этимология категориального показателя аблатива

Как было отмечено, фактическим показателем аблатива при вычете сращивающихся с ним иногда направительных формантов является -д, который в ходе исторического развития в тех или иных диалектах перешел в -т, -р, -л, -н, -й (через -р).

В специальной литературе высказывается соображение, будто -р (один из современных рефлексов исторически восстанавливаемого показателя аблатива -д) является окаменелым классным

экспонентом[11]. На первый взгляд это может показаться и правильным, так как -р материально легко увязывается с классными показателями. Однако при сопоставлении содержания классных показателей и аблатива такое предположение полностью снимается, поскольку в семантическом плане они не имеют точек соприкосновения. Несостоятельность этого положения в том, что в тех диалектах, где серии аблатива возникли на базе эссива, носитель идеи удаления — показатель аблатива — присоединяется к направительным формантам (см. примеры урах. диалекта), а в тех диалектах, где серии аблатива возникли на базе несериального, исторически предшествовавшего аблатива, отмечается присоединение лишь направительных формантов, поскольку значение удаления уже выражено в самой исходной основе (см. примеры сирг. диалекта). Нельзя считать удачной и попытку Ш. Г. Гаприндашвили возвести -р этимологически к показателю родительного падежа[12].

Сказанное побуждает нас обратиться к поискам иной, более достоверной этимологизации показателя аблатива.

Необходимо найти семантически наиболее близкие к показателю аблатива формы даргинского языка. Таковыми оказались превербы **ар-** (← **ад-**), **бет-** (**вет-**, **рет-**), указывающие на удаление предмета от места локализации, в особенности от говорящего, ср. **ар**+*бухиб* «отнесли», «унесли», **ар**+*цур* «улетел», **бет**+*ухъун* «побежали туда», **бет**+*ахъбикиб* «переправились», **бед**+*иб* (← **бет**+*гиб*) «отдал» и т. п.

Отмеченные превербы двуморфны, ср. **-а**+**р** (**-а**+**д**), **бе**+**т**. Носители идеи удаления в них — **р** (← **д**) и **т** (← **д**). Таким образом, выясняется, что показатель аблатива -д и элементы превербов -р и -т являются генетически родственными и, следовательно, возникшими из одного и того же элемента, выражающего идею «удаления» или «отдаленности».

Другим материально и семантически близким к показателю аблатива словом оказалось указательное местоимение **ит** «тот» (по горизонтали).

Думается, что отмечаемая материальная и семантическая общность показателя аблатива, превербов удаления и указательного местоимения не случайна. Она вытекает из генетического единства этих трех единиц, поэтому вполне вероятно, что первые две возникли из третьей.

Этимология направительных же показателей **-са**, **-ка**, **-а**/**-гьа**,

---

[11] Гасанова С. М. Особенности падежной системы амухского наречия. — В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках, с. 88.

[12] Гаприндашвили Ш. Г. Указ. соч., с. 320—321.

-де, представленных в аблативе, такая же, что и сериальных показателей аллатива, о которых говорилось выше.

Итак, форма современного аблатива даргинского языка возникла в результате парадигматизации исторического словосочетания «эссив+двуединый показатель удаления и направления». В тех же диалектах, где не развился эссив, в аблатив превратилось словосочетание «латив+показатель удаления и направления». Как уже говорилось, аблатив в даргинском языке оформляется в период дифференциации прадаргинского языка на ряд диалектов. Поэтому в прадаргинском языке функции аблатива выполнялись различными аналитическими формами, иногда и формой старого латива. В ходе исторического развития аблатив постоянно расширял свое семантическое поле за счет превращения пространственных отношений в абстрактные. Кроме того, развитию семантики аблатива способствовало влияние русского языка, а также стилей даргинского языка. Аблатив даргинского языка, функционировавший вначале в четырех формах, дифференцированных на серии в зависимости от направления удаления предмета вверх или вниз, сюда или туда, постепенно стал приобретать более обобщенное и абстрагированное значение путем устранения детализированной направленности удаления. При этом в качестве обобщенной формы аблатива стала выступать одна из четырех сериальных форм, в частности, в литературном языке в качестве такой формы аблатива функционирует сериальная форма со значением удаления вверх.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Сравнительно-исторический анализ местных падежей современных диалектов даргинского языка позволяет сделать следующие выводы относительно истории локативов.

1. В прадаргинском языке к началу распада его на диалекты функционировали старый латив, старый эссив и старый аблатив. Наряду со старым существовал и новообразованный латив, который проявлялся в семи сериях (супер-латив, суб-латив, ин-латив, интер-латив, конт-латив, пре-латив и пост-латив), напоминающих еще полупарадигматизированные послеложные конструкции.

Возможно, в этот же период в языке как самостоятельные существовали еще категория локализации и категория направления, которые со временем частично слились с категорией падежа.

2. В период же распада даргинского праязыка на ряд диалектов старый эссив и старый аблатив исчезают из языка, на их месте возникают новые формы эссива и аблатива, образованные на базе нового латива. В этот же период формируется и аллатив.

3. Со временем формы старого латива превращаются в формы абстрактных падежей — эргатива, генитива, частично датива (у личных местоимений). Определенная группа имен в форме старого латива и старого эссива лексикализовалась и перешла в разряд наречий.

4. Первоначальная строгая система серий местных падежей подверглась разрушению. В ряде диалектов полностью исчезли пост-латив и пре-латив; слились конт-латив на **-гIи** и ин-латив, конт-латив на **-чу** и супер-латив; стали взаимозаменяемыми ин-латив и интер-латив. Словом, в языке наметилась общая тенденция к сокращению серий. Так, например, из семи отмечаемых в прадаргинском языке серий к настоящему времени в губденском говоре сохранилось всего три серии. Деградации серий способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, серии, призванные в своем истоке выражать чисто локальные значения, со временем приобретают способность выражать и нелокальные значения, что, разумеется, серьезно пошатнуло позиции серий. Во-вторых, в результате различных фонетических процессов отдель-

ные серии стали омонимичными. В-третьих, категория локализации постепенно переместилась из системы имен в систему глагола, при этом показатели локализации стали располагаться в глаголе и превращаться в пространственные превербы. Наконец, деградации серий способствовало стремление падежей путем устранения излишне детализированного направления приобрести более обобщенное и абстрагированное значение.

Аналогичной была судьба серий аблатива и аллатива в отдельных диалектах, где показатели направления из системы падежных окончаний переместились в систему направительных превербов.

5. Анализ материала показывает, что прадаргинская система падежей восходит к двухпадежной системе допрадаргинского языкового состояния (прямой падеж и общекосвенный падеж). При этом основным значением общекосвенного падежа было выражение пространственных отношений.

6. Все местные падежи в своем истоке имели относительно бедную семантику, структура которой была простой и однообразной. В основном они показывали место действия, были исключительно приглагольными, выполняли функцию обстоятельства места и употреблялись преимущественно при глаголах движения. Все это определялось тем, что оформление существительных в местные падежи было семантически ограниченным. Первоначально в местных падежах оформлялись существительные, обозначающие только неодушевленные предметы.

7. В ходе исторического развития семантическое поле локативов заметно расширяется. Прежде всего увеличивается удельный вес глаголов, управляющих локативами, и существительных, выступающих в формах этих падежей.

Местными падежами стали управлять глаголы самой различной семантики. Наряду с этим постепенно снимается былое семантическое ограничение употребления существительных в местных падежах. В них начинает оформляться все больше слов, обозначающих одушевленные предметы и абстрактные понятия. Локативы из сугубо приглагольных падежей становятся также приименными и принаречными. Имена в форме этих падежей стали выполнять не только функции обстоятельства места. Со временем они приобретают также функции других видов обстоятельств, а также дополнения и определения. Одновременно отмечается и перерастание отдельных конкретных пространственных значений в абстрактные, в результате чего форманты местных падежей в системе глагола начинают выполнять словообразовательную функцию.

8. Развитию содержательной стороны рассматриваемых падежей способствовали:

а) развитие трудовой практики и мышления людей;

б) становление стилей языка и переносное употребление слов;

в) иноязычное влияние.

9. Формы современных местных падежей представляют собой парадигматизированные исторические словосочетания. Так, например, в своем истоке форма латива равнялась словосочетанию «имя в абсолютиве или общекосвенном падеже (в зависимости от семантики имени)+локальное наречие-послелог»; эссива — «имя в лативе+вспомогательный глагол»; аблатива — «имя в лативе или в эссиве (в зависимости от диалектов)+направительные наречия-послелоги или указательные местоимения». Схематически эволюция становления формы локативов выглядит следующим образом: историческое словосочетание → послеложная конструкция → форма падежа.

10. В ходе исторического развития первоначальная однотипность окончаний и исходных основ локативов разрушается. Появляются многочисленные фонетические варианты окончаний и исходных основ, вызванные различными звуковыми процессами, в числе которых наиболее типичными являются выпадение конечного гласного, оглушение или озвончение согласных, ассимиляция, субституция и палатализация заднеязычных. Вместе с тем в тех или иных диалектах в настоящее время наблюдается начало обратного процесса. Отмечены случаи унификации окончаний и выравнивания основ. Постепенно снимается семантически обусловленная вариантность окончаний. Перестает функционировать аблаутное чередование, наблюдаемое ранее при склонении имен.

11. В период становления падежей чрезвычайно характерным для даргинского языка оказалась контаминация двух семантически близких окончаний, старого и нового. При этом носителем категориального значения становится новое окончание, а старое — превращается в детерминат.

12. Анализ материала выявил, что многие явления в образовании и становлении падежей и послеложных конструкций изоморфно повторяются на разных этапах исторического развития языка. Так, при превращении одной системы послеложных конструкций в систему локативов в языке формируется новая система послеложных конструкций, которая начинает разрушительно действовать на местные падежи. При этом каждый раз послелог оформляется при помощи окончания существующих локативов. Подобное явление, например, в истории даргинского языка повторилось два раза. Сохранились следы, свидетельствую-

щие о существовании другой, более ранней допрадаргинской конструкции.

13. Этимологический анализ показывает, что окончания местных падежей имеют свои генетические параллели в системе послелогов и превербов, восходящих к названиям частей тела или предмета *(голова, нога, лицо, спина, глаз, бок, ствол, нутро)* и к местоимениям или наречиям *(тот, я, сюда, туда, вверх, вниз)*. Поэтому многие современные послелоги и наречия являются по происхождению именами в форме старых местных падежей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

I. Названия говоров, диалектов и языков

ав.	— аварский язык	**лак.**	— лакский язык
аг.	— агульский язык	**лев.**	— левашинский говор
акуш.	— акушинский говор	**лезг.**	— лезгинский язык
амузг.	— амузгинский говор	**лит.**	— литературный даргинский язык
амух.	— амухский говор		
анд.	— андийский язык	**мегеб.**	— мегебский диалект
арч.	— арчинский язык	**мекег.**	— мекегинский говор
ахв.	— ахвахский язык	**муир.**	— муиринский диалект
ашт.	— аштынский говор	**муг.**	— мугинский говор
багв.	— багвалинский язык	**мург.**	— мургукский говор
бежт.	— бежтинский язык	**нац.**	— нацинский говор
варс.	— варситский говор	**нижнемул.**	— нижнемулебкинский говор
гапш.	— гапшиминский говор		
герг.	— гергинский говор	**рут.**	— рутульский язык
гинух.	— гинухский язык	**санч.**	— санчинский говор
годоб.	— годоберинский язык	**сираг.**	— сирагинский говор
губд.	— губденский говор	**сирг.**	— сиргинский диалект
дарг.	— даргинский язык	**сутб.**	— сутбукский говор
дейб.	— дейбукский говор	**таб.**	— табасаранский язык
джавг.	— джавгатский говор	**тинд.**	— тиндинский язык
дуак.	— дуакарский говор	**токит.**	— токитинский диал. карат. языка
ицар.	— ицаринский говор		
карбач.	— карбачимахинский говор	**урах.**	— урахинский говор
		усиш.	— усишинский говор
карат.	— каратинский язык	**хварш.**	— хваршинский язык
кичигамр.	— кичигамринский говор	**худуц.**	— худуцкий говор
		цез.	— цезский язык
кищ.	— кищинский говор	**цуг.**	— цугнинский говор
кирк.	— киркинский говор	**цуд.**	— цудахарский язык
куб.	— кубачинский говор	**чам.**	— чамалинский язык
кунк.	— кункинский говор	**чир.**	— чирагский диалект
кус.	— кусурский диалект аварского языка	**шукд.**	— шукдинский говор
		шил.	— шилягинский говор

II Прочие сокращения

абс.	— абсолютив	**лат.**	— латив
дат.	— датив	**посл. констр.**	— послеложная конструкция
ин-лат.	— ин-латив	**суб-лат.**	— суб-латив
интер-лат.	— интер-латив	**суб. эрг.**	— субъектный эргатив
инстр. эрг.	— инструментальный эргатив	**стар. лат.**	— старый латив
		супер-лат.	— супер-латив
конт-лат.	— конт-латив	**эрг.**	— эргатив

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Глава I. ПАДЕЖИ СБЛИЖЕНИЯ (лативы) 8

Старые формы падежа сближения (латива) 9
Превращение старых форм падежа сближения (латива) в формы абстрактных падежей 20
Образование нового падежа сближения (латива) 25
Падеж сближения на **-чи** (супер-латив) 26
Исторические изменения в содержании 27
Исторические изменения в форме 34
Падеж сближения на **-у** (суб-латив) 42
Развитие семантического поля 42
Исторические изменения в форме 44
Падеж сближения на **-зи** (интер-латив) 47
Исторические изменения в содержании 48
Исторические изменения в форме 55
Падеж сближения на **-хIи** (ин-латив) 56
Исходное семантическое состояние и его изменение в ходе исторического развития 56
Исторические изменения в плане выражения 58
Падеж сближения на **-гIи**, на **-шшу/-чу** (конт-латив) . . 61
Конт-латив на **-шшу/-чу** 61
Исторические изменения в содержании конт-латива на **-шшу/-чу** 62
Исторические изменения в форме конт-латива на **-шшу/-чу** 65
Конт-латив на **-гIи** 66
Падеж сближения на **-гьа, -са, -та** (пре-латив) 69
Падеж сближения на **-гь/-гьа, -гьира** (пост-латив) 72
Отпочкование датива от латива 75

Глава II. ПАДЕЖ ПОКОЯ (эссив) 79

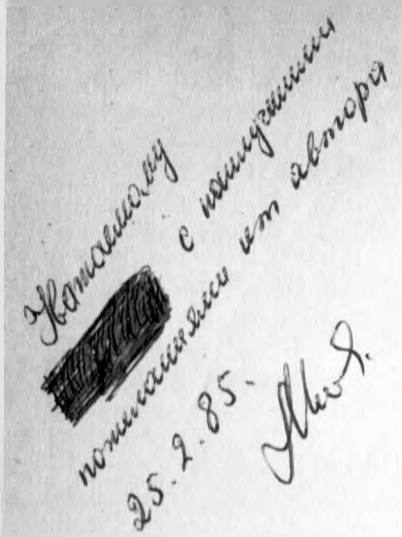
Эссив в современных диалектах даргинского языка и его восстанавливаемое состояние в прадаргинском языке . 79
Историческое развитие содержания 82
Исторические изменения в форме 85

Глава III. ПАДЕЖ НАПРАВЛЕНИЯ (аллатив) 87

Глава IV. ПАДЕЖ УДАЛЕНИЯ (аблатив) 94

Исторические изменения в семантической структуре . . 101
Исторические изменения в форме 106

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ 112
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 116

М.-С. М. МУСАЕВ

ПАДЕЖНЫЙ СОСТАВ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

(история местных падежей)

Махачкала Дагучпедгиз 1984

20 коп.

Магомед-Саид Мусаевич Мусаев

ПАДЕЖНЫЙ СОСТАВ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Редакторы *И. Магомедова, Х. Алиев*
Художественный редактор *М. Муталибов*
Технический редактор *Е. Жукова*
Корректор *Т. Кузнецова*

ИБ 1598

Сдано в набор 17. 08. 84. Подписано в печать 21. 12. 84. Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бум. типогр № 2. Школьная гарнитура. Печать высокая. Усл. п. л. 6,74. Уч.-изд. л. 6,98. Тираж 1000. Зак. 2580. Цена 20 коп.

Дагестанское учебно-педагогическое издательство Госкомиздата ДАССР, Махачкала, ул. Маркова, 32.

Типография им. С. М. Кирова Госкомиздата ДАССР, Махачкала, ул. Маркова, 51.